

pierre cardin
Time Couture

СМЕНА

СМЕНА

№ 10 / октябрь / 2008

«Лев МИСС Мэри»

Неизвестный
Хемингуэй

Будущее
науки — это
искусство

Кто писал
за Шекспира

Многоликий
Денис
Симачев

На правах рекламы

№ 10 октябрь 2008

Subaru Impreza седан. Полный привод Вам к лицу.

ГОРЯЧАЯ ЛИНИЯ SUBARU: 8-495-788-0404

Комфортный седан с отточенной управляемостью легендарного полного привода (Symmetrical AWD), мощным горизонтально-оппозитным двигателем с низким центром тяжести. Сочетание отменной

динамики, реальной безопасности и настоящего удовольствия за рулем! Теперь дороги в Вашей власти. **Новая Subaru Impreza седан. Полный привод Вам к лицу.**

IMPREZA

Think. Feel. Drive.*

SUBARU

Официальные дилеры Subaru в России и Беларуси

МОСКВА, Subaru Центр Автозаводская, ул. Автозаводская, 23, (495) 258-9999; Subaru Центр Башиловская, ул. Башиловская, 2, (495) 258-5-444; Subaru Центр Крылатское, ул. Осенняя, 17, (495) 258-8-999; САНКТ-ПЕТЕРБУРГ, Subaru Центр Лахта, ул. Савушкина, 119, к.4 (812) 9999-555; Subaru Центр Охта, пр-т Маршала Блюхера, 52а, (812) 9999-555; Subaru Центр Пулковое, Пулковское шоссе, 27а, (812) 9999-555; ВОЛОГДА, Subaru Центр Вологда, Окружное шоссе, 8А, (8172) 51-51-51; ЕКАТЕРИНБУРГ, Subaru Центр Екатеринбург Юг, ул. Московская, 214А, (343) 346-46-46; КРАСНОДАР, Subaru Центр Краснодар, ул. Новокузнецкая, 34/1, (861) 255-88-55; КРАСНОЯРСК, Subaru Центр Красноярск, ул. П. Железняк, 17/30, (3912) 99-22-99; НИЖНИЙ НОВГОРОД, Subaru Центр Нижний Новгород, ул. Куйбышева, 32, (831) 220-08-30; ОМСК, Subaru Центр Омск, ул. Суворова, 89, (3812) 51-20-10; ПЕРМЬ, Subaru Центр Пермь, шоссе Космонавтов, 31б, (3422) 38-55-22; САМАРА, Subaru Центр Самара, ул. Революционная, 70Д, (846) 26-999-46; СУРГУТ, Subaru Центр Сургут, ул. Профсоюзная, 60, (3462) 510-000; ТЮМЕНЬ, Subaru Центр Тюмень, 320 км трассы Екатеринбург – Тюмень, (3452) 221-500; САНКТ-ПЕТЕРБУРГ, Лаура-Кулчино, ул. Софийская, 6, (812) 333-333-6; ВОЛГОГРАД, Евразия, шоссе Авиаторов, 14,

(8442) 911-444; ВОРОНЕЖ, Мерлин+, наб. Авиастроителей, 14, (4732) 20-70-20; ЕКАТЕРИНБУРГ, Никко Моторс, ул. Щорса, 7, (343) 214-90-14; ИРКУТСК, Территория А, ул. Байкальская, 259-6, (3952) 255-820; ИЖЕВСК, Формула, ул. Удмуртская, 206, (3412) 68-33-33, 68-44-44; КАЗАНЬ, Триал-Авто+, Дорожный пер., 3, (843) 296-21-96; ЛИПЕЦК, Сатурн-Л, ул. Неделина, 2в, (4742) 22-77-60; МАГНИТОГОРСК, Токио Моторс, пр. Карла Маркса, 208, (3519) 40-15-15; НОВОСИБИРСК, Воронцов Моторс, ул. Большевикская, 255, к.1, (383) 21-33-55; ОРЕНБУРГ, Авиавто, ул. Монтажных, 3А, (3532) 550-777; ПЯТИГОРСК, Статус Авто Северный Кавказ, Черкесское шоссе, 33, (8793) 31-90-00; РОСТОВ-НА-ДОНУ, М-Сервис, ул. Вавилова, 63, (863) 255-85-00; САРАТОВ, Автоцентр ВОСТОК, ул. Большая Садовая, 153/163, (8452) 45-27-27; СТАВРОПОЛЬ, Статус Авто, ул. Бруснева, 5, (8652) 38-08-88; ТОЛЬЯТТИ, Арена-Авто, ул. Воскресенская, 26, (8482) 750-000; УФА, Автотехсервис, ул. Малая Силикатная, 28/1, (347) 279-88-12; ЧЕЛЯБИНСК, Авто-М, ул. Механическая, 1, (351) 236-0576; МИНСК (Беларусь), Ланкор, ул. Брилевская, 25, 10 375 (17) 222-5450.

Реклама товар сертифицирован

* Мыслить. Чувствовать. Управлять.

— Я не привык к поражениям, Джерри, — тихо и спокойно сказал Робинсон, — но на этот раз побежден. Я хотел бы уйти... исчезнуть. Вы мне поможете?
— Нет. Вашего изгнания мне недостаточно.
— Я не об этом. Мне надо отправиться туда... откуда не возвращаются.
— Вы предлагаете мне убить вас? Это не мое дело.
— Да нет же, — прошептал он, — я прошу лишь помочь мне...

Детектив

>> 88 Р.Л. Голдман
«Убийство судьи Робинсона»
4—5 главы (окончание)

Будущее науки?

>> 6 Куда идет наука?
Мнение ученых

Нью Йорк

>> 62 Фотопутешествие Gotham City

Автолегенды

>> 34 Самые красивые авто 20-го века

Много шума из Шекспира

>> 52 Кто же автор гениальных произведений?

Э. Хемингуэй

>> 68 «Лев мисс Мэри»
Первая публикация на русском языке

фото Валентин Айвазов

СЕВЕРНЫЙ СИНДРОМ

>> 22 «Осень — значит, пора... Пора на Север»

ФИМА ЖИГАНЕЦ

>> 46 «Мой дядя — честный вор в законе»

Ростовский поэт перевел классику на блатной жаргон

ДЕНИС СИМАЧЕВ

>> 12 «Человек с тысячей имен»

НАУКА

>> 10 Экономика научных званий
Кому нужна и сколько стоит ученая степень

ОБЩЕСТВО

>> 20 Любить Билла
Почему нас тянет в пятидесятые

ТЕХНОЛОГИИ

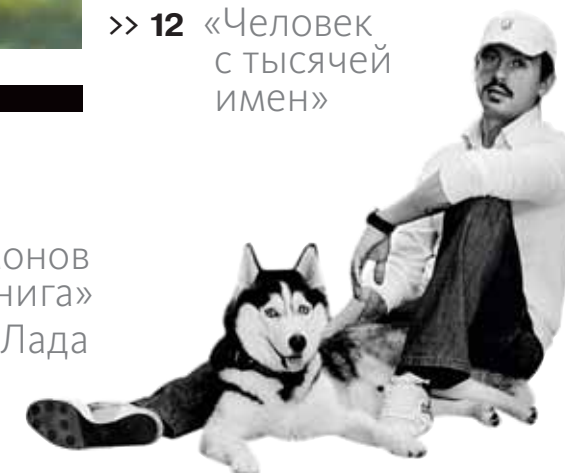
>> 28 Пивовар
Искусство охмеления
>> 32 Оптимизаторы
Пульт управления жизнью

КУЛЬТУРА

>> 56 Королевская фаворитка
Кто вдохновлял Жана Фуке?
>> 42 Книжная ярмарка

ЛИТЕРАТУРА

>> 82 Б. Пантелеймонов «Страшная книга»
>> 76 С. Бестужева-Лада «Прекрасная литвинка»

СМЕНА Издаётся с января 1924 года
№ 10 (1728) октябрь 2008

Главный редактор
Михаил Кизилов
Заместитель главного редактора
Надежда Панченко
Редактор отдела
Тамара Чичина,
Светлана Подорванова

Корректор
Марина Силакова
Дизайн-макет
Алексей Шелепов,
Алексей Жуков

Использованы фотографии
ИТАР-ТАСС, i-stok.ru

ООО «Издательский дом
журнала «Смена»

Генеральный директор
Джемир Дегтяренко
Издательский директор
Дмитрий Мережко

Директор по рекламе
Елена Готман
e-mail: e.gotman@smena-online.ru
тел. (499) 257-31-37

Менеджер по рекламе
Кристина Бурякова

Директор по распространению
Ольга Рулева
e-mail: sales@smena-online.ru
тел. (499) 257-31-37

Редакция: 127994, Москва, ГСП-4,
ул. Правды, 24, стр. 4
www.smena-online.ru
e-mail: journal@smena-online.ru
тел. (495) 612-15-07, факс (499) 257-13-78

Печать: ООО «ИД «Медиа-Пресса»
127137, Москва, ул. Правды, 24
Тираж — 35000 экз. Зак. № 82171

Учредитель — ООО «Издательский
дом журнала «Смена»

Журнал зарегистрирован в Комитете
Российской Федерации
по печати (Рег. № 014832)

Подписные индексы:
каталог «Роспечать» 70820
каталог «Объединенный» 88998
каталог «Почта России» 99406

Подписка в интернете:
www.mega-press.ru

© ООО «Издательский дом
журнала «Смена»

ParaType

ЧИТАТЕЛЮ

Вряд ли наши коллеги в далеком 1937 году, готовя к публикации «Зеленые холмы Африки» Эрнеста Хемингуэя в февральском номере «Смены», думали о том, что в октябре 2008 года «Смена» напечатает страницы его «Африканского дневника», еще неизвестные российскому читателю.

Ответственный редактор В.А. Герасимова, подписывая тот номер журнала к печати с материалами о Пушкине и стихами современников Великого Поэта, явно не предполагала, что знаменитое «Я вас любил: любовь еще, быть может...» в начале XXI века будет выглядеть несколько иначе:

*«Я с вас тащился; может, от прихода
Еще я оклемался не вконец...»*

Может быть, некоторых читателей эти строки приведут в состояние легкого шока, но причины появления такой своеобразной субкультуры в нашем обществе были и есть — за последние 90 лет через тюрьмы прошло более 15 млн. человек.

И уж, конечно, печатая некролог ЦК ВЛКСМ о верном ленинце Серго Орджоникидзе и статью «Грузинская народная музыка», сотрудники редакции не допускали даже мысли о том, что в начале следующего века в Грузии зазвучит другая музыка — музыка войны, и грузинские танкисты будут давить гусеницами мирное население, а российские солдаты, ценой своих собственных жизней, спасать женщин и детей от запрещенных международными конвенциями кассетных бомб.

Все меняется, все проходит... но жизнь, несмотря ни на что, продолжается.

И человек идет вперед.
Вот только ценой каких потерь?

Михаил Кизилов

АВТО-

текст
Мария
Родочинская,
фото
Анастасия
Толкачева

ИНТЕГРАЦИЯ

Перспективы второго пришествия Железного занавеса останутся призрачными, пока в России покупают иностранные автомобили, а западные концерны лелеют русского потребителя. Московский Международный Автомобильный салон (ММАС), проходивший в Международном выставочном центре «Крокус Экспо» с 26 августа по 7 сентября, с нынешнего года официально вписан в мировой календарь автомобильных выставок наряду с аналогичными мероприятиями в Детройте, Париже, Лондоне, Женеве и Франкфурте. Площади ММАС-2008 протяженностью более 120 тыс. кв.м. посетило более полутора миллионов гостей, в том числе первые лица государства и руководители западных автоконцернов.

Дело в том, что по итогам первой половины текущего года Россия занимает второе место в Европе по продажам новых легковых автомобилей. За этот период продажи импортных машин в нашей стране увеличились на 47% — было продано более миллиона иномарок. Неудивительно, что 60 с лишним автобрендов постарались представить в Москве все свои самые лучшие новинки, адаптировав их к российскому рынку.

Alfa Romeo показали 8C Spider и Alfa MiTo. Mazda представила мировую премьеру — концепт Kazamai, разработанный для российского рынка и построенный специально к ММАС-2008. Lexus продемонстрировал полноприводную версию седана LS 460 — LS 460 AWD, а BMW — модель X5 Security. Audi показал два седана, кроссовер Q5 и концепт Q7 V12 TDI (сверхмощный кар с обликом в стиле эксклюзивной яхты). Renault и Citroen явили сразу по три премьеры, а Honda — целых пять. Не отставали и другие автомобильные бренды. В частности, «АвтоВАЗ» впервые представил самостоятельный стенд своего спортивного подразделения «Lada Sport».

Чтобы
ответить
на самые
главные
вопросы,
ученые должны
найти место
для искусства

Будущее науки — это... искусство?

В начале 20-х годов прошлого века Нильс Бор бился над тем, чтобы по-новому представить структуру материи. Предшествующие поколения физиков считали, что внутреннее пространство атома выглядит, как миниатюрная солнечная система, с ядром вместо Солнца и вращающимися, как планеты на своих орбитах, электронами. Это была классическая модель.

Но, проанализировав излучение, исходящее от электронов, Бор понял, что уже нужна новая метафора. Поведение электронов опровергало все общепринятые объяснения. И тогда Бор сказал: «Когда речь идет об атомах, нужно говорить стихами». Обычная речь не могла объяснить полученные результаты.

Бор давно восторгался творчеством кубистов. Очарование кубизма для Бора состояло в том, что он разрушал обычную структуру объекта. Искусство находило прерывистость в непрерывном, превращая твердую материю в сюрреалистический туман.

Бор был убежден, что мир электрона был таким же, как мир кубистов. В 1923 году де Бройли уже доказал, что электрон может существовать как в виде частицы, так и в виде волны. Бор считал, что форма существования электрона зависит от того, с какой точки зрения его рассматривать. Природа электрона была следствием способа нашего наблюдения. Это значило, что электроны совсем не похожи на планеты. Они, скорее, были похожи на одну из разобранных гитар Пикассо, туманность из мазков, которые приобретают смысл, только если взглядеться в них. Искусство, которое так странно выглядело, на самом деле передавало истинную картину вещей.

Трудно поверить, что абстрактное искусство могло на самом деле повлиять на историю науки. Кажется, что у кубизма нет ничего общего с современной физикой. Когда мы думаем о науке, в голову приходят определенные понятия: объективность, эксперименты, факты. Результаты научных трудов мы считаем совершенным отражением реального мира. Картины, даже глубокие, всегда искажают действительность.

Взгляд на науку как на единственный способ объяснения всего базируется на одном негласном правиле: искусство подвержено моде и потому развивается

текст
Олег
Переводин

Нильс Бор:

«Когда речь идет об атомах, нужно говорить стихами»

циклично, научное знание развивается только по восходящей. История науки подчиняется равенству: время плюс данные равно пониманию. Мы верим, что однажды наука объяснит все.

Однако траектория развития науки не так уж и пряма. Чем больше мы знаем о реальности — о квантовых механизмах или природе нервной деятельности — тем явственнее становятся парадоксы. Владимир Набоков, романист и коллекционер бабочек, однажды сказал: «Чем более величественна наука, тем гуще завеса тайны».

Рассмотрим, например, историю физики. Однажды, и не раз, физики думали, что устройство Вселенной объяснено. Оставались некоторые непонятные детали, но общее понимание мироздания вроде бы было. И вдруг из этой наивности родилась теория относительности, фундаментально изменившая основные представления о связи пространства и времени. Затем появился принцип неопределенности Гейзенберга и сюрреалистические открытия квантовой физики. Сторонники теории струн в попытках заштопать все расширяющиеся дыры в теоретических знаниях начали говорить об одиннадцати измерениях. Что такое темная материя — непонятно до сих пор. Чем больше современная физика знает о Вселенной, тем меньше она может объяснить. Впервые за всю историю некоторые физики открыто заговорили о том, что, возможно, мы просто не способны понять Космос.

Возьмем нейрофизиологию. Всего несколько десятилетий назад ученые уверенно предлагали гипотезы, согласно которым существует физиологическое явление, которое может объяснить, как клетки нашего мозга создают субъективный опыт сознания. Список явлений варьировался

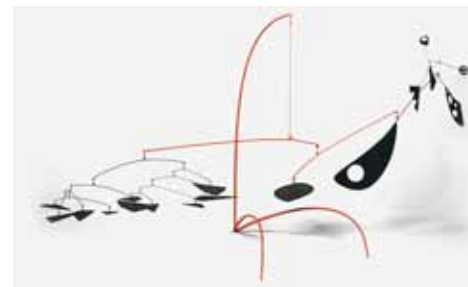
от осцилляций клеток коры мозга до квантовых колебаний в нанотрубочках. Предполагалось, что есть биологический процесс, способный превратить воду нервной ткани в вино мысли.

Но сегодня уже ученые не говорят о том, что такой процесс существует. Хотя нейрофизиология достигла потрясающего прогресса в изучении деталей работы мозга, реальность, которую науке так и не удалось доказать, — это реальность нашего сознания.

Фундаментальная проблема состоит в том, что современная наука почти не приблизилась к единому пониманию всего. Наше незнание не уменьшилось. Во многих случаях случилось обратное, так что, наши фундаментальные науки окружены тайнами. Дело не в том, что мы не знаем ответов. Дело в том, что мы не можем сформулировать вопросы.

Это особенно верно для таких наук, как физика и нейрофизиология. Физики изучают ткань реальности, невидимые законы и частицы, которые определяют материальный мир. Нейрофизиологи изучают наше восприятие мира: они разбирают мозг, чтобы понять животное под названием «человек». Две эти науки ищут разрешения самого древнего незнания: «Что есть мир? И кто мы в нем?»

Но прежде, чем мы раскроем эти тайны, наша наука должна выйти за пределы нынешних ограничений. Как? Ответ прост. Наука нуждается в искусстве. Мы должны найти место для художника в эксперименте, чтобы заново открыть то, что увидел Бор в картинах кубистов. Впитав мудрость искусства, наука может по-новому взглянуть на свои извечные проблемы, что является отправной точкой для нового витка научного прогресса. ☞

Черный павлин.
Александр Кальдер, 1950

Эта инсталляция — мощный пример того, как художественная форма может быть связана с физиологией специфической зоны мозга. Композиция Кальдера представляет в художественной форме физиологические свойства клеток зоны V5 коры головного мозга, которые отвечают за восприятие движения и направления. Если смотреть издали, различные части инсталляции кажутся неподвижными пятнами разных размеров. Однако, когда части начинают двигаться в разных направлениях, каждое пятно стимулирует только определенную часть клеток, которая воспринимает исключительно его направление движения.

Семир Зеки, нейрофизиолог,
Лондонский университет

Эскиз к картине **Дева на камнях.**
Леонардо да Винчи, 1483

Этот карандашный набросок невероятным образом иллюстрирует ключевую параллель между наукой и искусством: они стараются представить и выразить сущность выбранного объекта наиболее простым и экономичным способом. Мои уравнения и диаграммы представляют мир, который я описываю, так же, как штрихи карандаша представляют модель. В попытках объяснить Вселенную, я не смешиваю мои уравнения с реальными вещами, но из этих уравнений рождается истинное знание о природе, которое заставляет математику становиться жизнью.

Клиффорд Джонсон, физик,
Университет Южной Калифорнии

Симфония No. 7 ре-минор, Op. 70.
Антонин Дворак, 1885

Особая зона префронтальной коры человеческого мозга, зона Бродмана 47, отвечает за то, чтобы догадываться, что произойдет в последовательности происходящих во времени событий в устной речи, знаковой речи, музыке и т. п. Если ожидания оправдываются, нейронные цепи получают положительную подпитку и укрепляются. Если ожидания обмануты, другая часть мозга, передняя извилина, активизирует внимание на непривычной последовательности. Финал Седьмой симфонии Дворака — чудесное художественное воплощение дирижирования нейронным ответом, которое позволяет нам почувствовать одновременно и удивление, и подпитку.

Даниель Левитин, нейрофизиолог,
Университет МакГилла

Композиция No. 8.
Пит Мондриан, 1939—1942

Мондриан в поисках «абсолютной истинной форм» сделал прямой линией основой своих композиций. Он считал, что прямые линии — это элементы всех форм. Через много лет физиологи открыли клетки выбора ориентации, которые отвечают за восприятие прямых линий определенных направлений и считаются физиологами «строительными кирпичиками» восприятия формы. Реагируя на изображение, отклоняющееся от предпочтительного направления, каждая клетка откликается все менее и менее охотно до полного затухания реакции на ортогональном направлении.

Семир Зеки, нейрофизиолог,
Лондонский университет

Относительность.
М. Эшер, 1953

Я уверен, что умение понимать мир — это в первую очередь умение видеть мир, а зрительные иллюзии, которые склонно создавать наше зрение, рождают изящные метафоры, к которым склонно наше мышление. При первом взгляде на такой рисунок, как «Относительность» Эшера, все кажется нормальным. Но глядя дальше, ты вдруг понимаешь, что то, что ты видишь — невозможно: каждая часть рисунка самодостаточна, но в рисунке из возможных частей создается невозможное целое. Работа Эшера демонстрирует мастерский обман, который совершает наш мозг — нейронное магическое шоу, которое мы называем реальностью.

Даниэль Гилберт, психолог,
Гарвардский университет

10 шагов к степени кандидата наук

- 0.** Стартовые условия: — законченное высшее образование; — профессиональный опыт, конвертируемый в эмпирическую базу исследования (можно начать работу и с чистого листа — лишь зарезервируйте не менее полугода свободного времени); — несколько сот тысяч рублей, если «бюджетное» место при аспирантуре недоступно.
- 1.** Определить тематику диссертационной работы.
- 2.** Выбрать вуз и кафедру для сдачи кандидатских экзаменов и представления диссертации, «закрепиться» там в качестве соискателя (на 4 года) или поступить в аспирантуру (на три года).
- 3.** Сдать кандидатские экзамены по истории/философии науки, иностранному языку и выбранной специальности.
- 4.** Опубликовать несколько статей, отражающих результаты диссертационной работы, в научных изданиях из списка ВАК (включает почти тысячу изданий, постоянно модифицируется).
- 5.** Согласовать тему диссертации с научным руководителем и утвердить ее на заседании кафедры или совета организации.
- 6.** Подготовить диссертацию, отвечающую множеству содержательных и формальных требований (в том числе — требованиям актуальности и научной новизны).
- 7.** Провести предварительную защиту диссертации и доработать (или полностью переработать) свой труд с учетом замечаний рецензентов.
- 8.** Терпеливо решать процедурные вопросы: сдавать документы, рассылать автореферат работы по десяткам обязательных адресов, получать отзывы на автореферат/диссертацию и готовить ответы на отзывы. Список процедурных нюансов — заметно объемнее этой статьи.
- 9.** Провести успешную защиту.
- 10.** Перелопатить гору отчетных документов, главных из которых — отправляемые в ВАК. Оттуда, при отсутствии претензий (выборочная проверка бракует 1–3 % диссертаций), пришлют возделенный диплом.

наличие «корочек». Например, чтобы занять высокий пост в судебной системе, требуется не только соответствующее образование, но и степень по специальности.

Но таких случаев — немного. Несмотря на это, количество «остепенившихся» продолжает расти.

«Степень кандидата лично мне мало что дала — и в плане финансов, и в плане самоутверждения, — говорит Максим Померанцев, владелец агентства,

«Диссертацию я написал за пару недель вместо положенных трех лет и защитил ее без единого рубля вложений. Статус, правда, реальной пользы в бизнесе не приносит — разве что компенсирует для деловых партнеров мой джинсо-футболочный business-look»

занимающегося полит-PR. — Получил, потому что так было удобнее организовать отсрочку от армии. Зато мои клиенты, кажется, счастливы довериться специалисту, которого признала теоретическая наука. Даром, что от нее мы более чем далеки». Один из показателей нынешней ситуации — большинство новопеченных кандидатов и докторов наук в науке не работают. Они приходят «извне», получают возделенную степень и пропадают с научного небосклона.

Причем понятно, что делается это исключительно для понта, т.е. нематериальной корысти. Потому что, например, в гуманитарных областях, особенно в экономике, юриспруденции, политологии, социологии (зоны повышенного спроса на диссертации) значима, прежде всего, высокая квалификация работника, к которой степень мало что добавляет.

Научное сообщество девальвацией званий расстроено. Согласно исследованию РАН, четыре из пяти академических ученых негативно относятся к нашествию «пришлых» диссертантов (считается, что таковых — не менее 15 %).

На пути к титулу каждому соискателю предстоит принципиальный выбор:

обогащать науку либо конкретных научных работников, готовых помогать в написании и защите диссертации. Если место аспиранта/соискателя — не бюджетное, то вложений требуют оба варианта. В лучшем случае, претендент оплачивает лишь обязательные публикации в научных журналах (\$100—300 за статью), участие в защите оппонентов (зависит от маршрута и класса их авиаперелета) и финальный банкет. А до этого — три-четыре года платного прикрепления к кафедре и три кандидатских экзамена.

Например, в МГИМО год соискательства обойдется в 78000 рублей (вдвое меньше, если заранее предоставить диссертационные материалы), а один экзамен — в 20000 рублей. Разумеется, общая сумма затрат прямо пропорциональна престижности вуза: в провинциальных университетах защиту диссертации еще можно «уложить» в 100000 рублей.

У «покупателей» степеней затраты внушительнее в несколько раз. Статьи, их публикация, диссертация и автореферат — это, в среднем, от 80000 до 180000 тысяч (без оплаты кандидатских экзаменов). Чтобы происхождение диссертации не вышло вам боком, придется заплатить за благосклонность диссовета. Иногда в цену включают и лоббирование диссертации в последней инстанции — Высшей аттестационной комиссии (ВАК), но кандидатские работы ВАК проверяет выборочно и, судя по скромной цене данной услуги (около 10000 рублей), это просто еще один сравнительно честный способ отъема денег посредником.

«Комплект» из написания диссертации, подготовки соискателя, «сопровождения» на защите и работы с документами (см. блок «10 шагов») — в два раза дороже, чем «голая» диссертация: кандидатский all included в интернете предлагают за 10000—15000 у.е., докторский — за 40000 у.е.

Купить степень в самом рейтинговом вузе — задача, которая по силам не каждому миллионеру. Как объяснили нам желавшие остаться неизвестными сотрудники диссертационных советов, заветный статус без особых трудов могут приобрести, например, крупные чиновники, способные оказать университету ответные услуги.

Правда, получать длинными окольными путями степень в технических науках — бессмысленно: без профессионализма она для работодателя ничего не стоит. А «гуманитариям», желающим блеснуть образованием в резюме, лучше задуматься о зарубежном образовании: «докторской» степени Ph.D или более прагматически ориентированного MBA. ☐

Как капитализировать свой личный бренд, став доктором наук

Экономика научных званий

В советское время обзавестись степенью кандидата или доктора наук было сложно, но целесообразно: прибавка к жалованью, возможности карьерного продвижения, престижный статус «светила науки»...

И до, и после получения степени такие люди оставались в научной среде. С приходом реформ финансирование науки завяло, грызть гранит стало невыгодно, служащие вузов подались на вольные хлеба. Но несколько лет назад вдруг проявился бурный интерес к академическим регалиям: не только теоретики, но и практики «со стороны» стали претендовать на научную степень. Сейчас в России за год появляется более 30 000 новых кандидатов наук, а 4000—5000 прежних кандидатов защищают «докторскую». Это вдвое больше, чем десять лет назад. «Смена» выяснила, в чем причина такого бума и сколько стоит «возвестись в степень».

Формальная авторитетность, востребованность, социальная полезность: научная степень придает едва уловимый, как аромат дорогих духов, запах признания и престижа. Мол, личные яхты да нефтьвышки — ими много кто может похвастаться. А вот степень доктора наук любому не дадут.

Так становится ясна разница между простой светской львицей Ксенией Собчак и кандидатом юридических наук Оксаной Федоровой; обычным главредом Men`s Health Алексеем Яблоковым и кандидатом исторических наук Николаем Усковым из GQ...

Однако, вопреки стереотипам, политики и коммерсанты, решившие «остепениться», действительно могут вносить вклад в научный процесс. Олег Барабанов, заведующий кафедрой политики Европейского Союза МГИМО (сам он защитил докторскую в 33 года, в 2005 г.), объясняет, что «практики» обладают богатым опытом и наработками, которых не может быть у кабинетного ученого.

Работа в обмен на престижное звание — признанная схема, поэтому на кафедрах «исследователям-практикам» всегда рады.

С развитием «дипломного рынка» степени девальвировались и потеряли прежнюю цену в глазах работодателя — уверен Павел Лукша, старший научный сотрудник Института экономики РАН и владелец рекрутингового агентства Exelance.

Явные карьерные преимущества сотрудник со степенью получает лишь в двух случаях. Первый — технические сферы, где есть дефицит хороших специалистов и гораздо труднее имитировать компетентность. Поэтому защитивший диссертацию специалист по физике материалов или геологоразведке действительно ценится. Второй случай — работодатель, предлагающий лучшие условия, как и в советские времена, за формальный признак —

Бренд Denis Simachëv — практически единственный, что хорошо знаком западным модникам: ни один русский дизайнер не продается в Европе и Америке так хорошо; ни один из русских не имеет в центре модных столиц типа Милана и Лондона такого количества монобрендов. На протяжении многих лет Денис Симачев скрывался от СМИ, стараясь, чтобы его имя и внешность не ассоциировались с маркой («а вдруг я потом решу заняться чем-то другим? А все будут знать меня только как дизайнера одежды?»). В этом году он «вышел на большие экраны»: ведет на Первом программу «Городские пиджоны», снялся на обложках «Афиши» и Mens Health. Даже далекий от мира тусовок и fashion AD пригласил г-на Симачева в качестве редактора! У самого Дениса — узнаваемое лицо (спасибо усам); у марки — тоже. Но «Смена» узнала в этом монобренде еще добрую сотню брендов! В нижеследующем материале мы перечислили только часть из них...

Джинсы 501 Levi's, которые только-только появились в стране, тут же появились и у Дениса. «Я еще в школе начал фарцевать, или, как тогда говорили, «утюжить». В результате, имел деньги на развлечения и выглядел стильно. У меня были кроссовки **New Balance**, снятые с иностранца. Насильно снятые? Да».

Василий Чапаев. Одна из коллекций Дениса была посвящена образу Василия Ивановича и иже с ним.

Иосиф Кобзон. Присутствовал на одном из первых показов Симачева, выступил там с длинной хвалебной речью.

Сергей Шнуров. На самом первом показе Дениса, в 2000 году, прошелся по подиуму в качестве модели.

Гжель и хохлома. Национальные русские узоры, которые стали фирменными принтами на вещах из коллекций Симачева.

Мотоциклы Ducati. Пару лет назад Денис вступил в союз с Ducati и начал разрисовывать бензобаки гжелью. Продукт пошел в тираж. Объект дизайна был выбран не случайно: Денис всерьез увлекается мотогонками. Он очень увлечен скоростью: «Не так давно на прямой перед точкой торможения было 295 км/ч».

СССР, Путин, Витя Цой. В разное время были темами принтов для симачевских футболок.

Усы. На вопрос, почему, меняя образ жизни, стили коллекций, мотоциклы и увлечения, Денис никогда не расстается с усам, отвечает восторженно: «Очень приятно слышать: это как раз тренд, который мы долго продвигали! И, наконец, из ваших слов понятно, что не зря. Скоро можно будет показывать только усы, и будет понятно, что это Denis Simachëv».

Русский Altieri. Денис прославился на Западе более чем добротным кроем своей марочной одежды, за что ему и дали такое прозвище. Собственно, именно качество и сделало его популярным. Он не вкладывал деньги в рекламу и пиар. Напротив, несколько лет скрывался от фотографов и журналистов. Зато вкладывался в технологии и ткани, собрал команду профи.

«Вначале, когда производство было в России, мы использовали такие дорогие материалы, о которых сейчас даже и думать не станем, — вспоминает Денис. — Старались делать все вовремя и в срок, чему основная масса русских дизайнеров не научилась и по сей день. Оттого и неуспешны. Сейчас практически все наше производство — в Италии. А представлен Denis Simachëv в более чем 40 магазинах по всему миру».

Евгений Бакаев и «Галерея.ру». Бакаев — действительно близкий друг Симачева. Денис говорит, что, помимо дизайна аксессуаров, одежды и обуви, а также мотоциклов, собирается заняться еще и дизайном кухонной утвари, мебели — это их новый проект с Бакаевым.

Малявин, «Вихрь». Любимая картина Симачева. По образованию — художник, он до сих пор занимается живописью. Говорит, что в «Вихре» его восхищает все — и сюжет, и цветопередача. «Это во многом определило мой стиль. И русские костюмы там, кстати, тоже есть».

Low Budget Family — музыкальный проект, который работает с сентября 2007 года. В проект вошли шесть диджеев, каждый из которых состоялся в иной ипостаси, а играет только для удовольствия. Главой семьи считается Симачев (DJ Loser). Семья устраивает вечеринки в разных городах, характер сетов эклектичен.

DJ Loser. «Под таким псевдонимом можно играть, как угодно — тебя оправдает неопытность новичка», — объясняет Денис. Принятие такого имени — не только самоирония сильного. Это оберег, чтобы не сглазить удачу — потому что лузером-то Симачев никогда не был. Он всегда стремился быть первым и не боялся выступить в качестве «чайника».

90-е. «Самые мои яркие воспоминания об этом времени нашли отражение в коллекции осень-зима 08/09 — золотые цепи, норковые шапки-формовки (потому как деньги на ушанку были не у каждого), слаксы бежевого цвета, белые кроссовки, чистейшие белые носки, длинные кожаные черные плащи».

Человек с тысячей имен

Denis Simachëv и все его суббренды

текст
Надежда
Панченко

Кто он?

Отец троих детей. Родился в Москве в 1974 г. Окончил колледж искусств и графического дизайна (Москва); отделение парикмахерского искусства академии Pivot Point (Испания); отделение рекламы студии Юрия Грымова (Москва); Московскую государственную текстильную академию по специальности «дизайн одежды и обуви».

Владелец Shop & Bar Denis Simachëv в Москве, монобрендовых бутиков в Милане, Лондоне, городах России. Телеведущий. Радиоведущий на NEXT FM. Диджей. Мотогонщик.

Лучший дизайнер в числе людей года по версии GQ 2006 года.

Читать о герое этой коллекции на английском сайте Симачева — одно удовольствие: «он — настоящий гангстер, король улицы в сиянии брутальности и привлекательности. Он уверен в себе и знает, как извлечь выгоду из самых трудных времен и ситуаций: он живет в роскоши, является завсегдатаем модных андеграундных клубов и элитных мест. Люди его и боятся, и уважают. Его девушки — королевы красоты, его автомобиль — огромный черный джип, его соратники — парни в спортивных костюмах, а партнеры носят гангстерские пиджаки. Он не теряет времени и не

Люди его и боятся, и уважают. Его девушки — королевы красоты, его автомобиль — огромный черный джип, его соратники — парни в спортивных костюмах.

тратит слов напрасно — он решает проблемы грубой силой. У сильнейшего больше прав и больше выигранных споров. Он во многом обладает вкусом джентльмена; любит классику — двубортные пиджаки, золотые цепи, женщин, автомобили и американские боевики. Он никогда не ждет, а заставляет жизнь прогибаться под его желания».

Сам Симачев привлекателен и брутален, умеет из всего извлекать выгоду, живет в роскоши, известен модной тусовке. А еще — обладает изрядной долей юмора и умеет настоять на своем мнении. Ноне-ча и западные, и русские дизайнеры норовят одеть мужчин в леггинсы и брюки-дудочки. А в новой коллекции Симачева, например, полно широченных штанов а-ля гопник.

— Это специально-андрогинная оппозиция такая?

— Мы одеваем народ во все, что под руку попадает. Вопрос маскулинности — это вопрос того, кто эту одежду носит. Потому что она иначе проявляется, гендерная принадлежность — через твой собственный мир, твой мозг. Штаны какого-то особого покроя не сделают тебя мужчиной или женщиной, это — внутри. Ну, да, на фоне того, что все воспевают образ метросексуала, дизайнер, который шьет женскую одежду для женщин, а мужскую для мужчин, — крут.

В следующем сезоне дизайнер предлагает мужчинам мотоциклетные куртки и шлемы, удобные худи и толстовки. Для

«Ну, да, на фоне того, что все воспевают образ метросексуала, дизайнер, который шьет женскую одежду для женщин, а мужскую для мужчин, — крут»

бонвиванов — леопардовые шубы и щегольские пальто в клетку. Как всегда, хулиганские принты — марихуана и алкоголь, девизы жизни от самого Симачева «Тотал тревел», «Я друзьям врать не буду».

— **Это правда, что идеи для своей pret-a-porte de luxe одежды вы иногда берете, изучая бомжей?**

— Периодически бывает, что да — они любопытно одеты, функционально, эклектично, и фактура ткани попадаете интересная. Идеи используем разные — я ведь делаю одежду не один, мы все кладем в одну копилку, потом используем.

Главный критерий Симачева — самобытность. Поэтому он не смотрит телевизор, не листает журналов, а если и обращает внимание на то, как одета клубная публика, так только для того, чтобы, не дай Бог, не создать что-то похожее. А вот

приметить бабушкину кофтену в деревне под Ярославлем, зарисовать узор на замызганном бомжацком пальтеце, добавить свои идеи и создать в результате шедевр — это он завсегда.

— Я еще в юности все комплексы переборол, — говорит он. — Масса давит на индивида, и фриковство в России становится подвигом.

— **Полноте, — упираюсь я. — Мне кажется, сейчас это уже тренд.**

— Нет. Фриком в России и сейчас быть тяжело, но можно. У некоторых наших друзей-знакомых получается, у меня почти нет, хотя очень хотелось бы.

— **То есть в Большой в одних трусах пойти не получается?**

— Почему же. Это, как раз, не так уж и сложно. Мы ходили в одних трусах — в институт, во многие места, просто в

театр нам тогда не хотелось идти, не было желания. Чтобы в трусах куда-то в приличное место придти, много ума не надо. Я имею в виду, фриковство по жизни — изобретать что-то новое, продвигать это, заставлять людей думать так же.

Любовь Симачева к провокациям, сомнению в общепринятых ценностях, перевертыванию старого и взглядам на привычные вещи с необычного ракурса выражается в перевернутом логотипе Denis Simachëv. Эпатаж + русский стиль = Симачев.

— **Долго еще собираетесь эксплуатировать русский стиль?**

— Да, думаю, на мой век этого хватит, и даже детям моим останется.

— **Есть ли у вас канонические представления о стиле?**

— Нет такого понятия — канон, эталон, есть только настроение.

— **У меня ощущение, что в Италии вы стали бывать пореже — СМИ отчитываются то о вашем визите в Минск, то в Киев, то в Екатеринбург.**

— Нет, больше времени все же провожу там, где производство. По регионам ездим в рамках проекта Low Budget Family.

— **Я думала, в связи с общим настроением не только русских, но и западных дизайнеров: вперед, за Москвой полно регионов, созревших для высоких марок. Об этом сейчас многие говорят.**

— А мы вот, например, не говорим — мы уже туда пришли и открываем сейчас монобренды. На очереди — Киев, Днепрпетровск, Одесса, Красноярск, Тюмень, Екатеринбург, Самара и Ростов уже есть. Есть Милан, Лондон, скоро магазины откроются в Нью-Йорке и Лос-Анджелесе. Хотим запустить вторую линию и свой парфюм.

«Васильиваныча» Симачев сделал главным героем мужской коллекции «осень-зима 2005/2006»

«Скоро все будут носить одежду русских дизайнеров, потому что она дешевле и качественнее, чем европейская. Как только мы объединимся с китайцами, будет бомба, которая взорвет рынок мировой моды!»

Малявин, «Вихрь» — любимая картина Симачева

— Однажды вы сказали, что одежду русских дизайнеров западным модникам все равно придется носить. Почему «придется»?

— Да, скоро все будут носить одежду русских дизайнеров, потому что она дешевле и качественнее, чем европейская. Как только мы объединимся с китайцами, создадим СП, будет бомба, которая взорвет рынок мировой моды! Почему китайцы пока не завоевали мир? Потому что могут пока только повторять. А русские горазды придумывать, но качество хорошее не могут обеспечить. А если мы соединимся, то вместе переиначим весь модный рынок.

— Вы — человек-бренд и успешный бизнесмен, всегда в авангарде. Не может ведь это вечно длиться. Что нужно делать, чтобы не съехать вниз?

— Надо быстро перебирать ногами. Быстро пересечь огромную территорию, сделать что-то быстро и качественно за минимальное количество дней. Мы умеем, это наше ноу-хау — перебирать ногами быстрее других. И лучше всего — подходить ко всему честно. Так проще — не путаешься, и все получается. 📌

Сколько стоит «симачевский понт»:

Норковая дамская шуба — **266 000 ₺**, дубленка «гжель» — **49 500 ₺**, вечернее платье — **48 130 ₺**, мужские ботинки из натуральной кожи — **23 520 ₺**, футболка «I love ОПГ» (с перечислением всех известных преступных группировок в России) — **14 900 ₺**, футболка с вышитым гербом СССР — **7840 ₺**.

Вслед за Ducati хохломой был украшен Porsche 911 turbo

Лирическое

Любимые ботинки, брючки в клеточку, яркая рубашка, куртка, которой позабывал бы сам Элвис; видеокамера. Рука и шея — все сплошь цветные татуировки. Обычно их хорошо скрывает business look. Владимир склоняется над чемоданом и задумчиво проводит рукой по волосам: приехав в Испанию, он сразу же делает себе кок. Он вместе с женой едет на фестиваль рокабилли в компании московских друзей. И по возвращении им будет, где обсудить впечатления от фестиваля, потанцевать и потусоваться: рокабилли-культура в Москве получает второе дыхание. Уставшему от серых офисов народу хочется чего-то неординарного, позитивного, яркого... Москва — идеальный город для побега от реальности. А культура рокабилли — один из наиболее подходящих для этого способов.

В Москве строится альтернативная реальность в стиле пятидесятых

Любить Билла

После Элвиса

Что такое рокабилли и сайкобилли? Очень вкратце, это стиль музыки и жизни, продолжающий традиции рок-н-ролла «после Элвиса». В музыке подобные группы легко отличить по наличию контрабаса вместо бас-гитары, хотя классики сайко The Cramps играли и без нее, и без контрабаса — с «тяжелой» и «легкой» электрогитарами. Сайко — ритмичнее и агрессивнее рокабилли, он считается его гибридом с панк-роком. Многие фанаты слушают и рокабилли, и сайкобилли. Но есть и приверженцы чистоты стилей. Если верить «Википедии», первая в нашей стране группа, игравшая рокабилли — литовский «Архив» — появилась в 1964-м году. К 80-м такие коллективы исчислялись десятками, а потом... вымерли.

Сцена

В последнее время на улицах и на страницах глянцевого журнала все чаще появляются молодые люди с прическами под Элвиса, девушки с макияжем под пятидесятые, а продажи старых автомобилей растут. Опрошенные автором любители «фифтис» оценивают количество по-настоящему родственных душ в несколько сотен столичных жителей — посетителей соответствующих концертов. Проходящих, кстати, в авторитетных и дорогих клубах по несколько раз в неделю. В этом списке — Б1 и Б2, Tabula Rasa, Mezzo Forte, а также «Китайский летчик Джао Да», «Последние деньги», «Крымские каникулы» и др.

Организатор концертов Константин Fun Director оптимистичен: сайкобилли в Европе, Америке, а теперь и в России, слушает все больше поклонников. Соответственно, скоро стоит ждать новой волны подрастающих музыкальных коллективов в нашей стране, а также роста интереса к самому стилю жизни и культуре. Поэтому же сайкобилли регулярно ставят на интернет-радиостанции www.streetsunited.org.

Олег Усманов, экс-идеолог группы «Мистер Твистер», наоборот, считает и рока-, и сайкобилли морально стареющими направлениями. Его нынешняя команда «Пижоны», помимо рокабилли, играет джаз, джамп-н-дайт, буги-вуги, латину. Вот это, как он считает, настоящий позитив и драйв. Олег — администратор крупнейшего тематического сайта рунета rockabillyswing.ru и организатор ежегодного фестиваля «Свинговый бум». В рамках мероприятия людей учат танцевать и активно вовлекают в эту культуру.

Владимир Хоружий, фронтмен группы «Бинго», видит ситуацию с третьей стороны. Сайкобилли, с его точки зрения, узкоспециальная музыка, а вот рокабилли — народное достояние. Жизнерадостное рокабилли (вообще и в исполнении «Бинго» в частности) хорошо принимает несведущая в жанре публика на многотысячных рок-фестивалях, корпоративах и т. п. Для того, чтобы «научиться драйву», Владимир с друзьями периодически выезжают на зарубежные фестивали. Андрей «Лизард», работник Vor Street — единственного рока/сайко магазина в Москве — насчитывает среди столичных слушателей его любимой музыки несколько сотен человек. Зато они действительно увлечены предметом и буквально «живут» пятидесятыми.

Символы

Число поклонников стиля рокабилли вовсе не равно количеству посетителей концертов рокабилли-бендов. Осознавая себя последователями Элвиса Пресли, рока/сайкобилли декларируют сохранение «духа Америки 50-х». Ориентация на Элвиса выражается даже визуально — в стилизованных под певца прическах-«коках». Веселье и жизнерадостность — обязательные спутники жанра. Если у большинства рокабиллов речь идет об «общечеловеческой» жизнерадостности, в сайко господствует «черноумной» драйв — как в фильмах Тарантино.

В рока/сайко дизайне, аэрографии, оформлении одежды и аксессуаров, татуировках, обычно присутствуют игральные карты, кости (причем количество очков на гранях кубиков должно равняться тринадцати), языки пламени, зомби, дьявол. Этот яркий эпатаж шутов и позитивен.

В гардеробе рока/сайкобилла найдутся близкие к панк-эстетике ботинки, рок-рольные сапожки, подвернутые джинсы, дюжина разновидностей коротких джинсовых и кожаных курток. Стильно одеться в вышеупомянутом Vor Street, расположенном у метро «Китай-город», можно от 10 000 рублей. Через интернет можно купить все нужные аксессуары вдвое дешевле. Но если заказывать винтажные вещи, пошитые в 50-е, рубашка влетит в пару сотен евро, пиджак — сотни в четыре.

Рока/сайко девушки предпочитают стилистику Pin-Up. Самая известная Pin-Up модель — Мэрилин Монро. Жанр же появился в США в начале XX века благодаря рекламе Coca-Cola, в которой использовались раскрашенные перерисованные фотографии фривольных моделей. Девушки в стиле Pin-Up — это хорошие фигуры, яркий (но гармоничный) макияж, игривые улыбки, короткие черно-красно-розовые платья и майки.

Что в логической цепи общества потребления стоит рядом с красивыми девушками? Правильно, стильные машины! Так как рока/сайко-люди живут в вечных 50-х, их интересуют хотроды. Hot rod родился в первой половине прошлого века в США и родственен сегодняшнему стритрейсингу: дизайн машин меняли снаружи, мощнее их делали изнутри. Сейчас к hot rod относят модифицированные иномарки 30-х—50-х. Отдельных рока/сайко объединений любителей нет, но на тусовках вроде «Автоэкзотики» или выставках Oldtimers встречается много субкультурных людей. В Питере хотродеров больше — благодаря влиянию финских соседей (стоит вспомнить фильм Leningrad Cowboys). ☐

Что получает москвич, ставший рока/сайкобиллом?

По меньшей мере, возможность потратить свободные деньги и занять свободное время. По-максимуму — построение собственного, яркого и драйвового мира «фифтис», заполненного музыкой, танцами, красивыми машинами и девушками. При желании можно проводить все время в тату-салонах и шопингохоте за соответствующей одеждой. Можно не вылезать из гаража, мастерских и авто-ретро-тусовок. Можно найти многочисленных единомышленников на многочисленных московских концертах и выездах на зарубежные фесты. И всему этому покорны самые разные возрасты — от 17 до 50. И старше.

«Фифтис» — форевер!»

Северный синдром

Как всегда, Андрей Соков проснулся за минуту до тревожного звона будильника и тут же, нащупав в темноте кнопку, отключил его. Резко сев на кровати, он машинально взглянул на окно, с которого стекали неторопливые струи надоедливового московского дождя. Решив не будить жену, осторожно вышел из комнаты.

Через полчаса, наскоро позавтракав, он уже был во дворе, где новенький «Ниссан», покрытый серебряными дождевыми каплями, дожидался своего хозяина...

Соков — таксист. Таксист привилегированный, сам себе хозяин, работает с постоянными клиентами, поэтому и выглядеть старается соответственно — дорогой костюм, свежая, непременно белая сорочка и, конечно, обязательный галстук.

«Осень», — подумал Андрей, открывая дверцу машины, и улыбнулся. Осень — это значит, пора...

От этой болезни нет лекарств, и подхватить ее может каждый, кто хоть раз оказался на Севере. Незримые ее «агенты» скрыты в низких, тяжелых тучах, порыжелых сопках, во взвесах соленой шуги, в тревожных глазах маяков, в надрывных гудках пароходов, рвущих туманы и души, в вопрошающих — «Куда? Ну, куда?» Шаманы и лекари, снадобья и заговоры, таблетки, привороты и алкоголь — все бессильно перед болезнью, название которой — Север...

Бессилен перед ней и Андрей Соков.

«Осень — значит, пора... Пора на Север...»

Сделано в СССР

...Атомный ледокол «Арктика» давно «отмотал» свои двадцать пять лет, отпущенные ему государством. Но потом выяснилось, что работу продолжать нужно, а новых судов никто не строил. К тому же, оказалось, что два бортовых реактора выработали свой ресурс далеко не полностью, и

что есть еще запас сил в этих опасных машинах.

Стойкости же северным людям не занимать, это особый крой — неладный, невидный, немодный, зато — спецпошив, что держит и ведро, и бурю...

— Сколько я получаю? — пожимает плечами командир «Арктики» Владимир Куликов. Да хватает... Впрочем, мы здесь о деньгах и не говорим. Это в торговом

флоте — постоянная тема, а мы тут... — И он замолкает.

Просторная капитанская каюта с тяжелыми шторами и старой мебелью тиха. Золотится коньяк на низеньком столике, веселят глаз апельсины. А за кормой — безбрежная, безграничная, безмолвная и беспредельная синь вечных льдов, лишь кое-где оттененная изумрудной зеленью торосов.

текст

Игорь Воеводин

фото

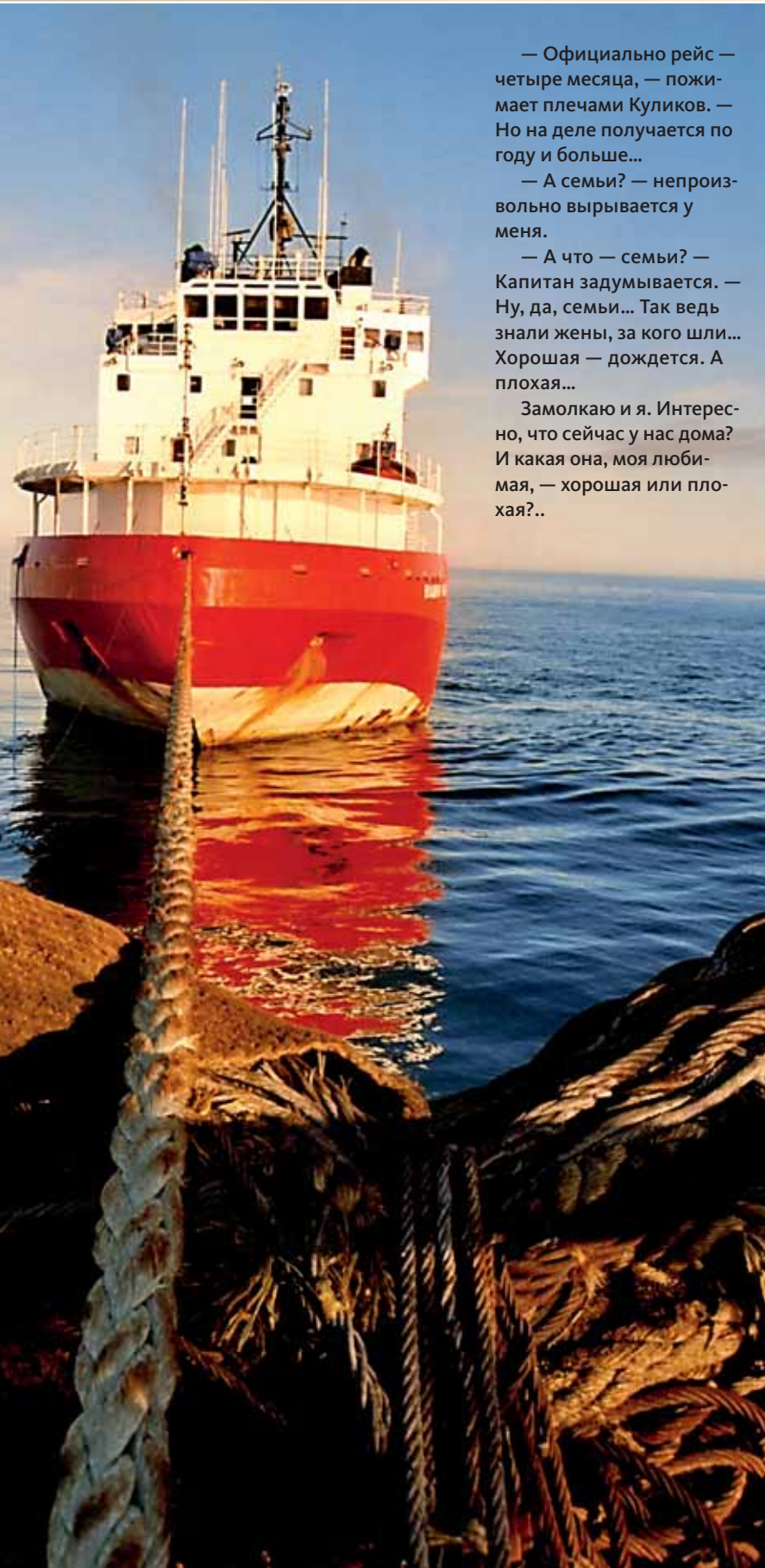
Игорь Воеводин,
Дмитрий Белов

На тысячу миль вокруг — никого, и только где-то, в непостижимой дали, пытит, торопится к нам обычный, не атомный, ледоколик. Мы должны передать ему часть запаса фруктов, еды и воды — ледоколу опять продлили рейс, и морские законы требуют поделиться.

Когда истощатся и наши запасы, поделятся и с нами. Но это будет уже зимой, поэтому сквозь тяжелые льды пробьются к нам лишь ядерные гиганты — или «Вайгач», или «Ямал», или «Таймыр».

— Официально рейс — четыре месяца, — пожимает плечами Куликов. — Но на деле получается по году и больше...

— А семьи? — непроизвольно вырывается у меня.

— А что — семьи? — Капитан задумывается. — Ну, да, семьи... Так ведь знали жены, за кого шли... Хорошая — дождетя. А плохая...

Замолкаю и я. Интересно, что сейчас у нас дома? И какая она, моя любимая, — хорошая или плохая?..

Молчит все: молчат радиостанции Земли, молчат корабельные рации. Тишина, пополам с дождем, запуталась в сетях антенн, и в вате туманов вязнут стоны ветров.

Три минуты молчания. Передать в эфир можно только SOS.

Спаси и сохрани...

Земную жизнь пройдя до половины...

Есть поезда, прокаленные азиатским солнцем, пропесоченные жаркой пы-

лят они по Русской равнине, прыжком перемахивая через реки, вонзаясь в чащобы, теряясь в полях. И пассажиры в этих составах — моряки, рыбаки да пограничники.

Осень. Пора.

Я люблю пить чай, когда граненый стакан вставлен в подстаканник. Позвякивает ложечка, и я чувствую себя уютно в самом негостеприимном купе.

Андрея Сокова не узнать. Никак не подумаешь, что ему за сорок, — словно слизала усталость дорога, будто разгладила гусиные лапки у глаз тишина.

шина кормит, свои сто долларов в день всегда имею. Семью на год обеспечу, и — в Мурманск... Год в Москве существую — год в море живу...

Экипаж атомохода — сто двадцать человек. Разных. Любых. В основном — северяне, из Мурманска, Архангельска, Петрозаводска. Но есть москвичи и ленинградцы. Как правило, имеющие неплохой, твердый заработок на суше и устоявшийся быт.

Зачем им эта проклятая болтанка, эти грохот, звон и тряска, когда даже не штормит, а корпус судна просто дрожит от надсад-

лью пустынь — от них пахнет дынями, и они полны безмятежности...

Хорошо в таких поездах — сиди, пей кок-чай и гляди, как за немьтым стеклом разворачиваются сиреневые дали пустынь...

Но есть и иные. Полночные, беспокойные, тревожной тенью сколь-

— Диплом я давно на полочку положил, — рассказывает он. — Как самолеты строить перестали, так и пошел я на улицу зарабатывать. Был челноком, потом автомастерскую держал, квартиру купил, то да се... Начальником хлопотно быть, на Север не вырвешься. Ма-

ного воя турбин? Зачем им этот странный мир, так близко граничащий с миром потусторонним, что кроется в невидимых волнах радиации и дает о себе знать комариным писком счетчиков Гейгера?

...Когда через год, или больше, они сойдут на берег, и пристань качнется

под ногами, каждый подумает — все. Это был последний раз.

Северяне уедут «отрываться на юга», но через месяц, максимум — два, начнут искать повод заглянуть в порт, вдохнуть полной грудью запах рыбы и волн.

Москвичи и питерцы будут томиться в своих городах и преувеличенно бодро отвечать на немые укоры жен — «Да ты что?! Сказал же — больше никогда...»

Бедные женщины знают, что связались с тяжелобольными.

Вот и жена Сокова давнo махнула рукой, зная,

что по осени мужа не удержишь ничем.

Сейчас он спит на верхней полке скорого поезда, и ничто не тревожит беспокойную его душу...

Мамонт

Я встретил этого человека в порту Тикси, за краем Земли, когда буксирчик типа «река — море» «Капитан Буслаев» снял меня с борта «Арктики». Ледокол не может зайти в акваторию ни одного порта на всем Северном морском пути, кроме Дудинки —

мелко. Поэтому и качаются на волнах, да трутся во льдах по году и более. А это плохо: «срывает крышу без суши», как говорят сами моряки.

Так вот. Он мамонт и есть — высокий, костистый, восьмидесятирехлетний.

На лацкане потертого пиджачка — значок «Знатный полярник». Здесь, на Севере, знают цену такому значку.

Он живет в Сочи, имеет дом, внуков и правнуков, почет, достаток, уважение. И при этом постоянно тревожится: а смилоствятся ли в будущем году, коли

доживет, врачебная комиссия да начальство в Москве, пошлют ли его комендантом порта на Север?

Пока посылают. Хотя навигации нет, опустел Севморпуть, когда-то оживленный, как московский Арбат. Говорят, в высоких кабинетах решено страшную, тяжелую, штормовую и ухабистую эту дорогу оживить.

Старик одновременно рад и не рад.

То, что возродится Север, — хорошо. Но не возродиться ему, Мамонту, в возросшей сутолоке

ду — таков обычай. Я терял с ними душу в пятках при шторме в девять баллов, и тосковал, бродя от юта до бака и обратно, в любую погоду: гиподинамия — враг моряка... И давили нам виски низкие небеса, и раздвигали сознание горизонты бескрайних льдов.

— Ну, давай по второй. — Мамонт изрядно захмелел, но держался молодцом.

— Я отвечу, сынок, почему подлеца тут нема... Знаешь, как мы их тут лечим? Ну, живет он среди нас не по правилам, гадости делает, то да се... Ну,

ные — и Мамонт, и Куликов, и водолаз Колян, что больше полбанки не пьет, ибо с пьяным с ним не справиться и пятерым, и боцман Федос, мимо которого неучтенной и мышшь не проскользнет.

Понял, чего ищущий и я, — воли, бесконечной, бескрайней, лихой ли доли, то горькой, то кисло-сладкой.

И да. И нет.

Ищу я и рамок. Тех самых. Имя которым — совесть...

И пусть для кого-то люди, больные северной болезнью, — лишь неудачники, не вписавшиеся в рынок.

и толчее, не справится он, и заменят его молодым...

Разных людей я видел на Севере — и хороших, и плохих, и никаких. Но я понял, кого там не встречал, — подлецов. Не встречал здесь и дружбы ради выгоды, и дружбы против кого-то. Я пил спирт в ре-акторном отсеке, стоял с ними вахты в шторма, хлебал забортную воду, когда меня принимали в подвонники, и целовал кувал-

раз предупредим. Два. Не поймет человек — напомним, в тундру в бурю выведем километров за сорок, да отпустим... — И Мамонт замолчал.

Я потрясенно спросил: — И? — А что — и? Выйдет — другим человеком будет. — А как не выйдет? — Так ить и греха ни на ком нет — сам же не вышел...

И я понял. Понял, чего ищет на Севере Соков. Что потеряли и нашли осталь-

Этим людям все равно. У них жажда — пить и пить, распахнутой грудью, раскрытым горлом, этот горьковатый и пьянящий воздух высоких широт, в котором не хватает до двадцати пяти процентов кислорода, зато так много капелек морской воды, горькой, соленой, кисло-сладкой...

Вы ведь не ходили Севморпутем? Ах, какая жалость!.. Какая жалость. ☹

Искусство охмеления

Чтобы
разбираться
в пиве,
нужно варить
его самому

Когда лет двадцать назад ровесники собирали марки и значки, Сергею нравились этикетки от спиртного. Их он и коллекционировал. Сергей вырос, стал дизайнером и захотел сам придумывать этикетки. А чтобы всегда было, к чему придумывать, решил и сам напитки производить.

«Такое хобби — новая форма творчества, новая сфера познаний, где тебе еще предстоит постигать многое. Меня вдохновляют чешская культура и язык — Ярослав Гашек и Йозеф Лада, Прага, пиво...», — рассказывает хозяин кухни

в маленькой московской квартире, стены которой расписаны сюжетами о приключениях бравого солдата Швейка. Точнее, не кухни, а бара «У Йозефа», единственного московского бара, где угощают авторским пивом.

Сергей рассказывает, что никогда не смотрел на пиво с алкогольной точки зрения. «Моя позиция такая — пить можно только хорошее пиво, только немного и только когда действительно хочется. Все варианты: «под рыбу», «за компанию», «чтоб вдарило» мне непонятны. Развею дурацкий стереотип — мол, если делаешь пиво, то и пьешь его больше, а значит и спиваешься рано или поздно. Я стал в разы реже потреблять пиво, иногда раз в месяц и попробую. Перестал его покупать. Делаю исключение только чтобы попробовать новый сорт. Или освежить вкус старых, но любимых, например, — оригинальных чешских и немецких марок».

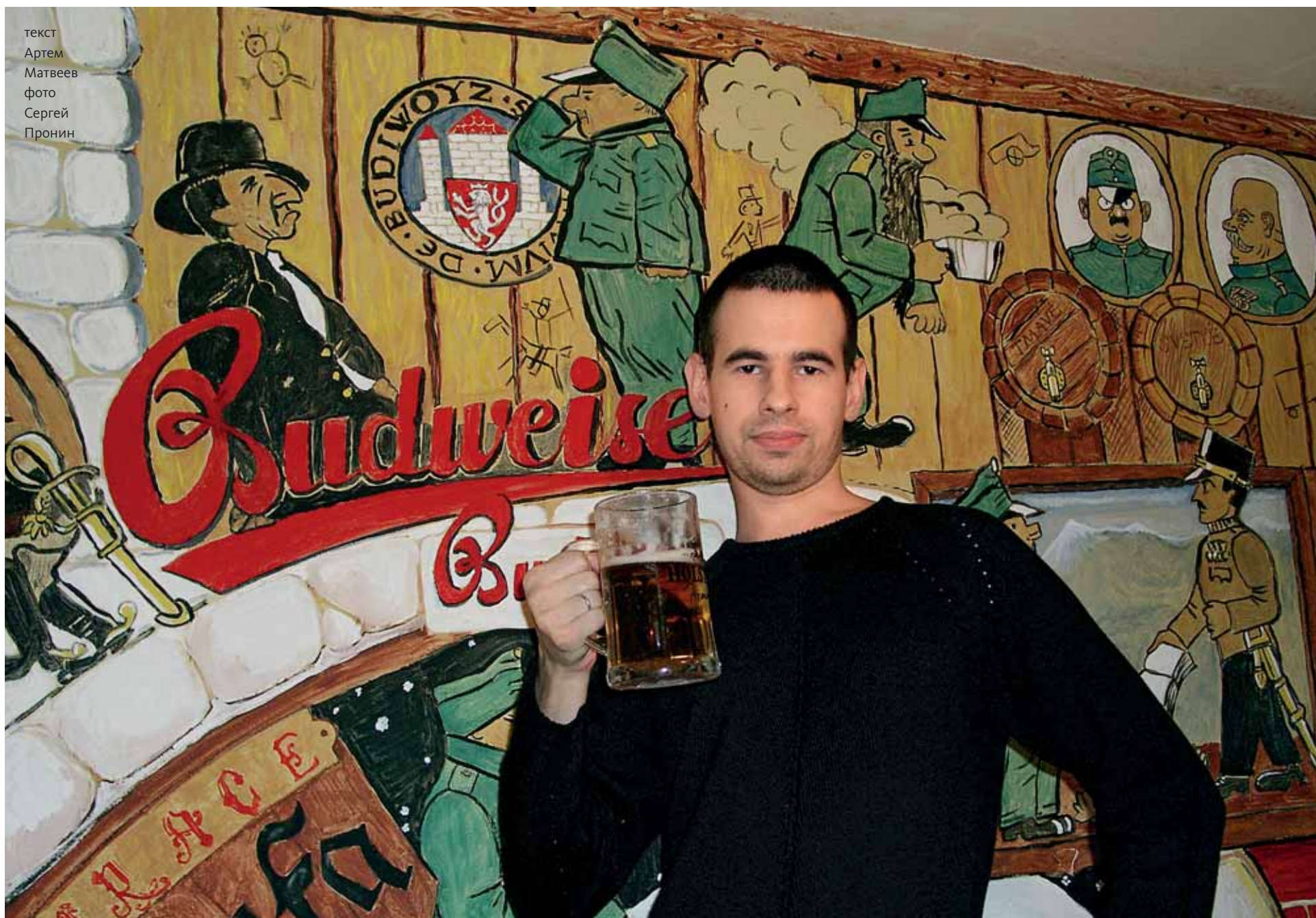
«Начиналось все с пластмассового ведра и нескольких мелочей, вроде трубок, — вспоминает Ким Афасижев, который в мире пивоваров-любителей считается гуру. — Постепенно оборудование становится сложнее, материалы более экологичными — нержавеющая сталь, стекло. Можно купить микропивзавод с полной автоматикой за несколько тысяч в валюте — нажал кнопку и готово. А можно использовать то, что есть почти в любом хозяйстве — кастрюли, баки».

Ким так объясняет причину своего увлечения: «Юность пришлось на годы горбачевской антиалкогольной реформы, когда пиво было, как правило, двух сортов: «пиво есть», и «пива нет». Дефицит запоминается надолго, и порой приводит к желанию сделать что-нибудь самому». Как и многие в то время, Ким сначала практиковался в изготовлении домашнего вина, настоек. А в 1997 году он купил пивзаводик у Тэдди Бира. «Хотелось попробовать сделать пиво, но все, что я смог купить — это сухой хмель сомнительного происхождения у какой-то бабки. О солоде и пивных дрожжах приходилось только мечтать. А тут в Англию съездил двоюродный брат и привез откуда подаренную кем-то банку пивного экстракта. Все родственники восторгались напитком, получившимся в итоге», — рассказывает он.

И у Кима, и у Сергея «домашний пивзавод» — это несколько кастрюль, баков, емкостей для варки и брожения. «В нерабочем состоянии все это распахано по углам и полкам. Варю на 4-метровой

Экстракт, необходимый для приготовления пива (вязкая субстанция, похожая на концентрат красного сусли) или классическое сочетание «хмель и солод» приобретаются у фирм, которые занимаются поставками сырья для пивоваренных заводов

текст
Артем
Матвеев
фото
Сергей
Пронин

Если не выбрасывать обычные стеклянные бутылки из-под покупного пива, через некоторое время их накапливается достаточно для того, чтобы разливать в них собственное. Для обычных бутылок существуют ручные укупорочные машинки, продаются новые пробки. Прекрасно подходят бутылки с пробкой на проволоке, как от пива «Гролш»

кухне, на обычной газовой плите в 1-комнатной малогабаритной квартире», — поясняет Ким Афасижев. На сайте TeddyBeer он собрал превосходную библиотеку, написал множество рекомендательных статей и инструкций. Далее библиотека стала пополняться материалами участников. Да и сам форум — просто кладезь пивных знаний. Каждому новичку уже через неделю станет все ясно в терминологии. А через 2—3 месяца он сможет попробовать результат своего труда. Увлечение может быть разной степени глубины. Один из «форумчан», живущий в Барнауле, сделал из своего балкона настоящий мини-цех, напичканный таким оборудованием, какого нет на иных предприятиях.

Как ни странно, условия приготовления пива не отличаются особой сложностью, и соблюсти их достаточно просто. Чистая вода, качественные ингредиенты, чистые и здоровые дрожжи, дезинфекция оборудования, соблюдение температурных режимов.

«Любое хобби поначалу как бы недорогое, но затем, по мере вашего «заболевания», затраты растут, — улыбается Сергей Пронин. — Пивоварение можно разделить на экстрактное, зерновое и смешанное (синтез первых двух). Первое самое простое и распространённое: на заводе за вас исполнили все самые сложные фазы — сварили солодовый экстракт и охмелили его. Здесь сложнее ошибиться. Возможностей эксперимента меньше, чем в зерновом. Там вам придется и молоть солод, и варить его, выдерживая определенные температурные паузы и охмелять, и фильтровать, и охлаждать».

Сергей рассказывает, что на каждом этом этапе шанс заражения сула возрастает в десятки раз — если на замес экстрактного пива достаточно 1—2 часов, то на зерновое уйдет не менее 6—8. Последнее требует и большего количества оборудования — большой бак из нержавеющей стали, а лучше два; шланги, краники, охладители, сита фильтрации, мешалки, зернодробилки...

«Нужны и средства дезинфекции, и ареометр для замера плотности сула, и погружной термометр, и колбочки, и многое-многое прочее, — продолжает пивовар Пронин. — И место под все это, много-много-много места! Потому экстрактное пивоварение поначалу и предпочтительнее — годок-другой поразбираться, как себя ведут продукты, перепробовать кучу рецептов, понять, что и на что влияет, а уж только потом готовиться к AllGrain».

Чтобы все получилось, нужно немного: большое терпение и любовь к делу. Не жалеть ингредиентов, не халтурить в разных процессах. Любить эксперименты. Ну и, разумеется, нужна абсолютная чистота. Среда должна быть обработана ультрафиолетом. Храниться все должно при заданных температурах. Требуется качественное сырье. Если все это есть, как правило, пиво получается вкусным с самого начала. С опытом качество, конечно, тоже повышается.

Классификация сортов пива устоялась уже давно. Но в их рамках возможны вариации. Существуют и сорта, открытые для широкого эксперимента. Вот тут всегда можно что-нибудь придумать. Классификация сортов пива, сидра и медовухи, которой пользуются домашние пивовары, состоит из 28 категорий. 23 категории относятся к пиву, причем каждая имеет еще и подкатегории, от 3 до 6, то есть в мире существует минимум 80 сортов пива безотносительно того, кто их производит!

Как придумать пиво? Можно полистать уже имеющиеся рецепты и в голове родится свой. А можно просто придумать наобум. Например, вместо воды использовать арбузный сок.

«Проще придумать новые сорта и марки, чем сделать существующие, — считает Ким Афасижев. — Это всегда эксперимент! Практически невозможно в домашних условиях повторить рецепт. Да это и не очень интересно. Добавление при варке сула каких-то нюансов может интересно и неожиданно сказаться на результате — это может быть отвар из солода, меда, хмеля, ягоды, дерева, специй — миллион придумок. Если же захотели именно повторить какой-нибудь шоколадный портер, то будьте любезны и соблюдать все по максимуму — какие дрожжи, каков набор солодов, детали при варке и т.д. А это обычно невозможно. Но ведь получится что-то свое, все равно превосходное, и может быть, даже более вкусное?»

Ким говорит, что не гонится за количеством (главное — качество), но хотел бы попробовать сварить максимальное количество сортов. С баром сложнее: нужны серьезные капиталовложения и понимание рынка. «Как любое хобби, пивоварение дает удовлетворение. Постепенно совершенствуешься. Со временем приятно сравнить, то, что сделал сам, с образцами хорошего пива, скажем британского эля. И понять, что истина — где-то рядом и, как ни странно, за куда меньшие деньги.

«Вы — выражаетесь. Учитесь выражаться. И совершенствуете свое выражение, — объясняет Сергей. — Это могут быть стихи, музыка, графика, спорт, сотни других занятий. Пивоварение, разумеется, в том же числе».

«В США движение домашних пивоваров довольно сильно развито, многие тысячи пивоваров объединены в клубы и общенациональную ассоциацию. Проводятся профессиональные конкурсы на различных уровнях, — рассказывает Ким. — В различное время у нас предпринимались попытки организации подобных конкурсов. Я принимал в них участие, были и награды».

Время от времени пивовары встречаются вне всяких конкурсов, беседуют, дегустируют свое и покупное пиво, сравнивают, радуются успехам, указывают друг другу на недостатки, учатся одним словом.

Домашние пивовары — народ довольно предприимчивый, веселый и целеустремленный. Встречаются люди самых разных профессий.

«Это замечательные увлеченные люди, занимающиеся в жизни обычными делами, — конкретизирует Сергей. — И очень радует, что есть люди, которые делятся с тобой знаниями и опытом. Ким из Москвы, Илья и Александр из Барнаула, Алекс из Подмоскovie и многие другие — люди раскиданы по всей стране, но объединены одним интересом, это здорово».

Сергей объединяет домашних пивоваров в своем баре. Правда, виртуальном. Это гостевая книга сайта, где можно выбрать галочкой любой напиток по вкусу. Сергей планирует создание красного, белого (пшеничного) пива, поглубже разобраться с портером, и особенно — стаутом. Возможно, когда-нибудь он все же откроет настоящий бар.

Пивовары верят, что даже в эпоху массового производства в конечном итоге побеждают не технологии, а творчество и любовь к делу. Авторский портер Сергея, с авторской же, разумеется, этикеткой, занял четвертое место на прошлогодней Рождественской дегустации портеров в Москве. ☞

Пульт управления ЖИЗНЬЮ

«Сайты-органайзеры»:
записные книжки
эпохи web 2.0

«В начале XXI века люди запросто могли потерять личные записи или телефонную книжку. И список дел держали в голове, а не на сервере. Считали удобным работать на одном и том же компьютере, и на нем же хранить файлы. Причем редактировать их одновременно вдесятером было нельзя, представляешь? Что смеешься? Такое было романтическое время!». Станете ли вы рассказывать детям о смешных бумажных «органайзерах» — решите сами. В будущем. А сейчас познакомьтесь с веб-инструментами, которые уже бронируют своим бумажным предкам место в музее

1. Airset: классический инструментарий

Что общего у популярных англоязычных сайтов-органайзеров? User-friendly дуэт «интерфейс+дизайн», хороший бесплатный функционал для завлечения пользователей и оплачиваемые дополнительные опции. Копии данных, как правило, хранятся на нескольких серверах и застрахованы от пропажи.

Эталонным демонстрационным пособием может послужить airset.com. Денег (\$48 в год) сервис просит лишь за поддержку работы с мобильного или Palm PDA. Отличительная черта ресурса — удобнейшая контактная книжка. Airset стоит использовать из-за нее одной. Собственно «блокнот» — это Lists, набор разделов с подразделами «страничками». «Планы на неделю», «завтрашние покупки», «идеи подарков друзьям», «кого пригласить на день рождения»... А также: фотоальбом, блог и файловый склад.

Принципиальный момент для всех органайзеров — поддержка групповой работы. В Airset можно позвать пару друзей или создавать целые сообщества, совместно использовать файлы и записи, строить сайты или маленькую корпоративную Википедию.

2. Техника слежения за молоком

Airset с его «текстовым планированием» — инструмент стратега, тогда как rememberthemilk.com — оружие тактика. Вы записываете планы на день, неделю и т.п., выставляя точное время для их выполнения. В час назначенный напоминание об «убегающем молоке» придет — по e-mail, ICQ, Skype, Gtalk... Есть русский интерфейс.

Сервис бесплатен (\$25 в год за работу с Windows Mobile, iPhone и iPod touch, если желаете) и, при общей лаконичности, способен порадовать набором мелких опций: тэги, привязка задач к карте (на движке Google Maps), экспорт в Google Calendar, etc.

«Напоминалка» — в одном, контакты и блокнот — в другом», если эта схема вам не по душе, познакомьтесь с zoho.com. О сервисах Zoho Database или Zoho Web Conferencing вкратце не расскажем, а вот записная книжка Zoho Notebook — просто предел желаемого. В ее записи можно вставлять аудио, видео, RSS или рисовать в них графическим редактором. Zoho Planner = полноценный органайзер. Zoho Writer = он-лайн Word. Zoho Sheet = он-лайн Excel.

3. Осторожно — отечественный производитель!

Русским «сайтам-органайзерам» изменяет либо чувство времени, либо чувство меры. Устаревшим дизайном и функционалом встречает memos.ru. Его брат organaizer.ru поражает даже не внешностью времен dial-up модемов, а тем, что предлагает пользователю 250 килобайт (!) свободного места на диске. На «премиум-аккаунте» (!) потолок — полтора мегабайта за \$8 в месяц. Тем временем, бесплатный минимум по дисковой квоте на англоязычных ресурсах составляет один гигабайт (box.net, airset.com), и за \$2—\$7 докупается еще пять. Мало? Отправляйтесь в хранилище mediafire.com и занимайте любой объем бесплатно.

Русские проекты, за редчайшими исключениями, сделаны по стандартам N-летней давности. С виду адекватный (по дизайну и набору функций) webasyst.ru недавно увеличил бесплатную квоту, страшно сказать, с 20 до 100 мегабайт, и поменял цены с «невменяемых» на просто «завышенные». Все это вызывает смешанные чувства: вроде люди стараются, но протестный поиск по блогам показывает — толп восторженных пользователей там нет. А значит, надежность сайта можно проверить только на свой страх и риск. Хотите?

4. Хорошие русские органайзеры

MegaPlan.ru. Пожалуй, единственный полноценный русский проект, производящий благоприятное впечатление: не забыты ни дизайн, ни функционал, ни возможность бета-тестирования. Продается он с февраля (к вопросу о проверенности), во-вторых, сделана до конца лишь «корпоративная» часть, а «личная» и «фрилансерская» — ожидаются (и уже довольно долго). Поскольку командную работу все же удобнее выполнять на русском языке, MegaPlan может оказаться выгодной покупкой для компании (цена — 1450—2900 рублей за одну корпоративную лицензию).

deskDO. Что российским разработчикам по-настоящему удается — так это делать миниатюрные, но симпатичные «инструменты», не претендующие на чей-то кошелек. Вот deskDo, расположенный по адресу do.pixel-apes.com/ru: просто страница, на которую можно записывать разные дела. Кстати, идею виртуального листка, не захламляющего стол, оригинально развивает и англоязычный todoist.com. ☐

Рекомендовано
к посещению

dotpag.com — отличное и 100%-бесплатное наполнение, схожее с Airset.

voozdo.com — еще один типовой комплект: tasks + projects + collaboration + notes + deadlines. С акцентом на чувство юмора.

hipcal.com
calendarhub.com — для тех, кто любит привязывать дела к календарю.

treepad.com
leadertask.ru — для тех, кто предпочтет скачать органайзер, установить на компьютер и работать с ним без интернета.

backpackit.com — мощный органайзер групповой работы (якобы зарегистрировано более 350000 пользователей). Обласкан всеми, от PC Magazine до New York Times, но после тестового месяца просит денег. Та же проблема у basecamphq.com, только там хващут миллионом пользователей.

tiddlywiki.com
todotxt.com — блокноты, спроектированные исключительно для IT-эстетов и ценителей минимализма.

zyb.com — за минуту сохранит в своей памяти все номера из вашего мобильного.

43folders.com — мегаизвестный проект, на котором вы рано или поздно окажетесь, если всерьез увлечены повышением продуктивности и тайм-менеджментом.

иллюстрация
Алисия
Мухутдинова

Справка

«Олдтаймер-Галерея» — крупнейшая выставка технического антиквариата в России, СНГ и Восточной Европе. В ней участвуют более 150 компаний из 10 государств: реставрационные ателье, коллекционные бюро, аукционные дома, музеи.

Уникальная экспозиция вновь соберёт под сводами огромного павильона

88- Packard Eight / США / 1933 год

В самом начале 30-х годов Packard пробовал бороться с падением фондового рынка и Великой Депрессией по-своему: выпуская еще более роскошные и дорогие автомобили, чем в период до октября 1929 года. Только на год (1932—33) фирма вернулась в «средний» ценовой сегмент с моделью под названием Light Eight.

У Packard было одно важное преимущество перед другими производителями люксовых автомобилей: единая производственная линейка. Поддерживая ее и обеспечивая взаимозаменяемость между моделями, фирма смогла снизить затраты. Packard менял модели не так часто, как в то время делали другие. Вместо ежегодной смены моделей, Packard начал использовать собственную систему «серий», одни из которых могли обновляться раз в два года, а другие — дважды в год. Модели 1930 года были признаны Седьмой серией, а в 1942 году вышла Двдцатая. Серии меняли последовательно, только за Двенадцатой сразу последовала Четырнадцатая.

И все-таки в 1935 году фирма вернулась в средний ценовой сегмент с моделью Packard 120. Для этого была построена совершенно отдельная фабрика, а штат был поделен поровну между производством «старших» моделей (Twelve, Super Eight, and Eight) и «младшей», 120-й. Последних при этом производили в 10 раз больше, чем традиционных машин Packard.

Packard был любимой маркой товарища Сталина. Во-первых, такие машины были мощными, во-вторых — скоростными. Кроме различных технических новшеств, все модели фирмы отличал строгий и стремительный стиль, который пришелся по душе генеральному секретарю ЦК ВКП(б). Благодаря этому увлечению вождя, после войны в Союзе появился ЗИС-110: советским конструкторам пришлось скопировать почерк создателей Packard, чтобы порадовать Сталина.

140- Fiat NSU 500 Cabrio Topolino / Италия / 1939 год

Его называли topolino — «мышонок»: маленький, приветливый, забавный. Впоследствии прозвище переросло в серийное название итальянских малолитражек. Еще эти машины называли «итальянским Volkswagen». В тот период Fiat начали делать во Франции, Испании и Польше. А в Германии даже открыли Fiat Credit Bank — так популярна стала итальянская марка. Но не всем нравился стандартный кузов с откидывающейся верхней частью крыши — многие хотели индивидуальности. Поэтому немецкая фирма Вейнсберг стала строить на базе Fiat симпатичные двухместные

родстеры без дверей. Каждый из них обходился покупателю в пару тысяч рейхсмарок (Mercedes 540K стоил в десять раз дороже). История умалчивает о том, сколько денег было вложено в реставрацию представленного на снимке автомобиля. Известно лишь, что он был найден в Подмоскowie и был восстановлен в специализированном центре «Каретный двор».

всех активных игроков рынка антикварной техники, а также поставщиков товаров и услуг класса люкс. Выставка имеет многолетнюю историю успешного развития, являясь флагманом олдтаймердвижения в России.

По уровню экспонатов она стоит в одном ряду с лучшими европейскими шоу автомобильной классики.

Стоимость многих представленных на выставке раритетов достигает нескольких миллионов евро. Некоторые из них, кроме того, имеют огромную историческую ценность, так как прежде принадлежали знаменитостям или историческим личностям. Выставка проходит под неизменным девизом: «Все экспонаты продаются!»

Любимые машины Сталина, Гитлера и Мэрлин Монро

Автораритеты

Лучший технический антиквариат XX века дважды в год, весной и осенью, собирают в «Крокус Экспо», на выставке «Олдтаймер-Галерея Ильи Сорокина». Очередная, двенадцатая экспозиция, которая пройдет 10-13 октября, будет размещена на площади в 8,500 квадратных метров. В выставке принимают участие более 150 компаний из Великобритании, США, Франции, Германии, Италии, России, Украины, Голландии, Финляндии и Чехии. Помимо винтажных автомобилей, занимающих,

текст
Мария
Родочинская

как водится, основную часть экспозиции, посетители смогут увидеть кастом-шоу, составленное из футуристических хотродов и стритродов. А в специальной секции можно приглядеть вполне современный автомобиль в эксклюзивном исполнении, купив который можно быть уверенным — такой тачки нет больше ни у кого. «Смена» предлагает обзор лучших технических диковин и восхитительных дизайнерских решений, которые планируют показать в рамках галереи «Олдтаймер».

69 — Chevrolet Camaro / США / 1979 год

На таких машинах раскатывают «плохиши» в первых романах Стивена Кинга. В попытке создания скоростного авто Chevrolet пришли к этой версии: элегантный кузов скрывал под собой обычные узлы от большого седана Chevrolet, скомпанованные с мощным рядным шестицилиндровым или V-образным восьмицилиндровым двигателем. В 1970 году вышло в свет второе издание Chevrolet Camaro. Оно отличалось хищной облицовкой радиатора и мускулистыми задними крыльями. В 1979 году появились еще две спорт-модификации — Camaro Berlinetta и Camaro Z-28. Последняя отличалась широким боковым молдингом и отверстиями в крыльях для охлаждения тормозов.

52- Horch 830BL Pullmann-Cabriolet / Германия / 1939 год

Он стоил 15—20 тысяч рейхсмарок — за такие деньги в то время можно было купить роскошную загородную резиденцию. На изготовление каждого такого кабриолета требовался едва ли не год. Horch отличался безупречным стилем и особой комфортабельностью салона. Роскошь, как ее понимали в третьем рейхе, до сих пор можно потрогать — дорогие сорта кожи, редкие породы дерева. Из 80 экземпляров с кузовом пульман-кабриолет сохранилось не более семи.

42-Stoewer Type 40 / Германия / 1941 год

Полноприводный армейский вездеход, спроектированный и изготовленный по заказу Вермахта. Выпускался в нескольких модификациях: четырехместный автомобиль, трехместный сигнальный автомобиль, машина техобслуживания и ремонта, легкая землеройная машина, трехместный автомобиль с зенитным пулеметом. Мощность двигателя — 60 л.с., скорость — 100 км/ч.

115 Chevrolet Bel Air / США / 1954 год

В начале 1950-х годов кто-то из рекламного отдела Chevrolet признался, что «всякий раз, когда потенциальный покупатель видит нашу продукцию, его одолевают воспоминания о своей бабушке». С этим нужно было что-то делать. Новый главный менеджер отделения Chevrolet Эдвард Коул представил в 1950 году двухместный хардтоп на основе самого дорогого Chevrolet De Luxe Styleline. Самые дешевые модели General Motors получили свой кабриолет с закрытым верхом, потрясающе красивый кузов хардтоп, получивший торговое наименование «Bel Air». В 1958 году Bel Air понизили до

машины средней стоимости, 1976 год стал последним для Бел-Эйра — его забыли на 25 лет, а сегодня его имя носят концепт-кары из Chevrolet.

112-Horch 830 BL / Германия / 1939 год

Этот автомобиль — единственный в мире. От других представителей серии он отличается наличием двух дверей вместо четырех. Один американский предприниматель, живущий в Германии, решил сделать подарок своей возлюбленной. Кузов, который он заказал в известном немецком ателье Glaser, органично совместил две основные школы автомобильного дизайна — американскую и немецкую. Преподнести любимой ключи от авто чудак так и не смог — началась Вторая мировая. А машина осталась в Германии, и была переоборудована в маленький военный грузовичок. Прошла всю войну, потом кочевала по различным хозяевам. Благодаря Петеру Кирхбергу весь мир узнал об этом уникальном из-за единичного кузова автомобиле.

11- ГАЗ М-20В «Победа»

Это авто принадлежит Леониду Ярмольнику. Впервые актер продемонстрировал машину на прошлой выставке олдтаймеров. При покупке автомобиль с полувековой историей потребовал только подновления эмали, между тем как родной пробег «Победы» составил всего 4 000 км.

Владелец снабдил его и уникальным номером ручной работы — «ЛЯ 19-54», соответствующим инициалам и году рождения актера.

«Олдтаймер-Галерея» славится насыщенной развлекательной программой. Стильная живая музыка — джаз, твист, рок-н-ролл...

Пары в костюмах 40—50х, исполняющие буги-вуги, линдихоп, чарльстон, показы модных коллекций от известных кутюрье, дегустации элитных сортов виски, даже классический «black jack»...

Из всего этого соткана неповторимая атмосфера «Олдтаймер-Галереи».

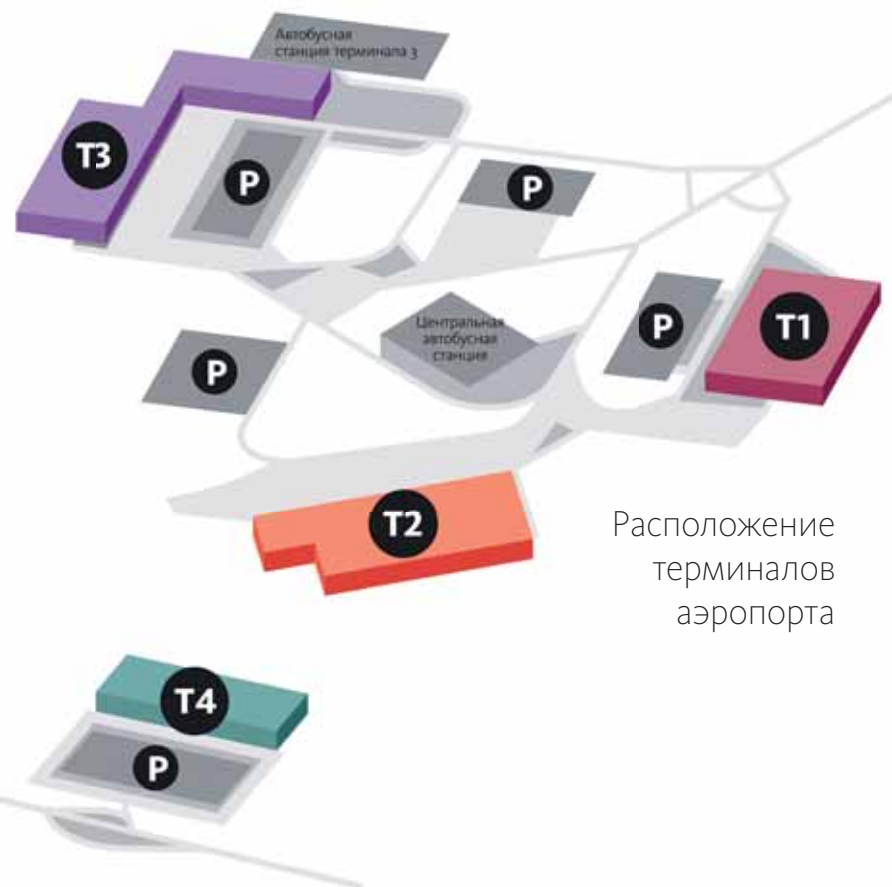
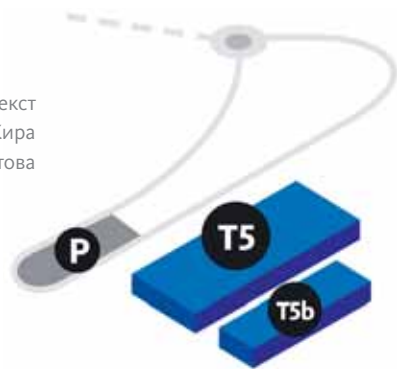

Хитроу:

Великий Западный

Упрочит
ли открытие
нового
терминала
положение
аэропорта
мирового
значения

текст
Кира
Молотова

Расположение
терминалов
аэропорта

Восемьдесят лет назад на месте бетонных взлетных полос и стеклянных зданий аэропорта ветер трепал колосья диких трав. А единственным звуком, нарушавшим тишину, был звон колокола небольшой церквушки Хармонсворского прихода. Думал ли местный священник, которому в то время принадлежали эти земли, что в недалеком будущем его уединенный участок превратится в один из самых больших аэропортов мира?

Военное прошлое

Место, где сегодня находится Хитроу, начали использовать для авиационных нужд во время Первой мировой. В 1930-х гг. Великий Западный (так в то время назывался Хитроу) принадлежал авиакомпании Fairey Aviation. В то время она проводила там испытания самолетов. В годы Второй мировой Министерство авиации Великобритании попыталось соорудить здесь промежуточную базу для Королевских ВВС.

Однако война закончилась раньше, чем работы по подготовке военного аэродрома.

В конце 40-х гг. стало ясно, что Лондон остро нуждается в большом современном аэропорте, поэтому 1 января 1946 года Хитроу был официально передан в ведомство Министерства гражданской авиации. Пассажиры первого рейса вылетели в Буэнос-Айрес 31 мая 1946 года. Тогда в аэропорту работал всего один зал ожидания - расчищенная площадка,

накрытая армейским тентом. Багаж пассажиры ставили прямо на землю. Сидеть, кроме как на собственных чемоданах, было негде.

За первый год работы было совершено 9 тыс. полетов по 18 направлениям. А в 1955 году Ее Величество королева Англии торжественно открыла здание первого терминала. За ним последовали еще два, и Хитроу смог обслуживать 14 млн. пассажиров ежегодно.

Раз, два, три, четыре, пять

В Хитроу — несколько терминалов. Первый принимает в основном внутренние и часть европейских рейсов, в том числе и из России. Второй терминал обслуживает только европейские рейсы. Третий и четвертый работают с дальними международными направлениями: Америкой, Азией, Африкой. До недавнего времени в год через Хитроу проходило около 70 млн. пассажиров, а он был рассчитан всего на 45 млн. Это являлось основной причиной задержки рейсов и ухудшения репутации Хитроу. Для решения проблемы в марте 2008 года начал работу 5-й терминал. Он — самый крупный, в несколько раз больше собратьев — обслуживает рейсы компании British Airlines. Предполагается, что именно

Пятый вернет Хитроу утраченную репутацию одного из лучших аэропортов мира.

От массажа до молитвы

Ежедневно через огромные залы Хитроу проходит более 160 тыс. человек. Это путешественники всех мастей, замученные джет-лагом, задерганные визжащими детишками, озабоченные деловыми проблемами. Конечно же, англичане стараются сделать перелет комфортным для каждого пассажира. В большинстве залов имеются точки доступа WiFi, равно как таксофоны и факсовые аппараты. Хитроу наполнен разнообразными кафе и ресторанами, начиная от круглосуточных заведений быстрого питания

и заканчивая фешенебельными местами для усаждения гурманов. В этом «городе в городе» есть свои салоны красоты (терминал 1), где можно не только поправить маникюр или прическу, но и побаловать себя SPA-процедурами: экспресс-обслуживание займет всего четверть часа. И — самое главное: в Хитроу есть удобнейший зал ожидания (Servisair Executive Lounge, только для пассажиров международных рейсов), где можно выпить чашку капучино, просматривая последние новости по телевизору или сквозь панорамные окна зала наблюдая за взлетающими и садящимися самолетами.

В зданиях терминалов работают многочисленные сувенирные лавки

Пятый терминал аэропорта: зал прилёта

и новая система обработки багажа. Каждая сумка просматривается датчиками, которые самостоятельно считывают штрихкоды и отправляют багаж в нужный рейс.

Умные системы особенно удобны для транзитных пассажиров. До недавнего времени процедура регистрации начиналась за три часа до вылета, и многие были вынуждены «сидеть на чемоданах» в ожидании check-in. Теперь багаж принимают раньше, и путешественник налегке отправляется по своим надобностям.

Правда, пока № 5 дает серьезные сбои. Из 16 лифтов в здании работает только один, а компьютерные базы данных периодически барахлят. Поэтому, чтобы привести пятый терминал в полную боевую

готовность, его закрыли до июня. Есть надежда, что после доработки все системы будут функционировать на 100%.

На месте пустоши

Наиболее популярная версия того, откуда Хитроу получил свое имя, — легенда о деревушке Heath Row («вересковая пустошь» — англ.), на месте которой была построена первая взлетная площадка. Сейчас там располагается терминал № 3.

Рукой подать

Аэропорт Хитроу находится в 24 км к западу от центрального Лондона — рукой подать. Самый быстрый способ добраться до центра города (15—20 минут) — поезд Heathrow Express,

движение которого начинается в 5:00 утра и заканчивается в 23:30.

В даунтаун также можно доехать на метро. Линия Пикадилли соединяет аэропорт с центральным Лондоном с 5:00 утра до 23:45. Время в пути — около 50 минут. Автобус или такси довезет до центра за 45—60 минут.

Хитроу в цифрах

3-й аэропорт в мире по количеству международных рейсов. 90 авиакомпаний, которые связывают Лондон с 170 аэропортами по всему миру, обслуживают Хитроу. 70 млн. пассажиров ежегодно пользуются услугами Хитроу, 11% из них следуют внутренними рейсами, 43% — ближними зарубежными и 46% — дальними. Самое загруженное направление — Нью-Йорк. ☒

и точки duty free, где можно за бесценок купить дизайнерские духи или очки. Есть здесь и отделы знаменитого Harrods. В терминалах находятся молитвенные залы и представители большинства мировых религий и конфессий.

Каждый терминал дополнительно предлагает свой набор развлечений и услуг. Подробнее об этом на сайте www.heathrowairport.com

Что нового для пассажиров?

В пятом терминале за перевес багажа можно рассчитаться кредиткой. Общее количество регистрационных стоек — 96, и это не считая автоматов самостоятельной регистрации (!). Благодаря высокотехнологичным сканерам пассажирам больше не нужно снимать ремни и обувь, проходя досмотр. Работает

- Бар Giraffe Juice
- Магазин продуктов M&S Simply Food
- Аренда автомобилей
- Duty Free
- Кофейня Costa
- Десерты Krispy Kreme

- Паспортный контроль
- Лифт
- Зал ожидания
- Регистрация багажа
- Эскалатор
- Туалеты
- Зона нахождения пассажиров
- Зона общего доступа
- Граница прохождения контроля

Прошла самая масштабная книжная ярмарка Европы

180 тыс. наименований новых книг, выставленных на 33, 5 тысячах квадратных метров; 82 страны-участницы и свыше 300 тысяч гостей. Такого масштаба раньше у Московской международной книжной выставки-ярмарки не было. Все наполнило обычную атмосферу Московской международной книжной выставки-ярмарки (ММКВЯ). С одним «но»: нынешняя, XXI, экспозиция оказалась более крупной и значимой, чем все ее предшественницы. Известные всегдашним «явки» — павильон № 20 и павильон № 57 дополнились павильоном № 58, а состав гостей отдельных стендов был в этом году более звездным, чем когда-либо.

Возле стенда «Эксмо» традиционно собирались самые огромные толпы. В этом году издательство не только создало на свою эксплощадку звезд, но и поразило зрителей перформансами (в том числе и кулинарными). Завсегдаей мероприятия, писатель Михаил Веллер вступал в диалог с читателем со стенда АСТ. Только читателей было больше, а сам писатель — куда активнее, чем прежде.

Обычно выставку посещают несколько «больших» писателей, эшелон авторов «средней руки» и второстепенные артисты, телезвезды — в поддержку издательств. В этом году на ММКВЯ «засветился» несколько иной состав: фигурист Алексей Ягудин, музыкант Андрей Макаревич, олимпийская чемпионка и депутат Госдумы Светлана Хоркина, писатели Борис Акунин и Сергей Лукьяненко, Бернар Вербер и Анна Голонн, Януш Вишневский.

Книжное разноязычие этой ярмарки было удивительным — как-никак, 82 страны. ММКВЯ и до этого считалась самой крупной выставкой в Европе. По данным Минкульту, теперь в стране каждый

год издается более ста тысяч наименований книг. Это значит, что Россия занимает четвертое место в мире по объему издаваемой литературы.

На это книжное пиршество стремились попасть куда больше стран, чем в прошлые годы. Только Украина, особо показанная на XXI ММКВЯ, делегировала свыше ста человек — писателей, музыкантов, артистов. На стендах украинской книги варили борщ, показывали эстрадные миниатюры, пели песни и демонстрировали картины. Много рассуждали о перспективах развития книгоиздания и проблемах чтения на территориях стран постсоветского общества; гранях сотрудничества триумвирата «Украина-Россия-Белоруссия».

Отдельной строкой в летопись мероприятия была вписана экспозиция, посвященная памяти Александра Солженицына. В ней были представлены все его книги, включая раритетные издания, самиздат, переводные и русскоязычные издания. Здесь же провели и круглый стол «XX век в творчестве А.И. Солженицына. К 90-летию со дня рождения писателя».

Свою лепту в общую атмосферу чудес внес и журнал «Смена»: с сентября 2008 года он выходит в новом формате

и с новым содержанием. В сентябрьском номере были опубликованы уникальные иллюстрированные материалы о запуске Большого адронного коллайдера, интервью с режиссером Юрием Грымовым, снявшим новый фильм, статьи о молекулярной кухне и дауншифтинге, рассказ Моэма, доселе не публиковавшийся на русском языке и другие необычные для большинства журналов статьи.

Этот журнал, между прочим, — почти что книга. Традиционно в «Смене» публиковали отличную прозу. Здесь свет увидели первые рассказы А.Грина, М.Шолохова, В.Катаева, К.Паустовского, состоялась первая публикация В. Астафьева, был напечатан толстовский «Буратино». Здесь дебютировали В. Токарева, Е. Евтушенко, Р. Рождественский. «Смена» опубликовала первый роман братьев Вайнеров, здесь же впервые был напечатан К. Булычев.

В рамках ММКВЯ прошли диспуты, круглые столы, семинары, состоялось подведение итогов конкурсов «Книга года-2008», конкурса книжной иллюстрации «Образ книги», Международного конкурса «Искусство книги». Прекрасно, что показатель числа издаваемых экземпляров перевалил за сотню тысяч в год, но вслед за количеством будем ждать повышения качества издаваемых книг. ☞

ЧТЕНИЕ

Надежда Панченко
книжный бульвар

А.К. Баантье.
«Смерть по уик-эндам»
М., Рипол-классик, 2008

Книга объединяет две повести голландского писателя: «Убийца из квартала Красных фонарей» и «Смерть по уик-эндам». Они не зря помещены под одной обложкой — детективные истории похожи логикой своего развития. Простое, казалось бы, дело — убийство проститутки — представляется, на поверку, крайне запутанным. Беднягу лишил жизни не клиент-извращенец, а... Вместе с инспектором Декоком, достойным коллегой Ш. Холмса, Э. Пуаро и комиссара Коломбо (пожилый профессионал, верен жене, детей нет, привычки устоявшиеся, вредных нет, старомоден, честен, прям, предпочитает ловить преступников без помощи современных средств связи и методов криминалистики, полагается на свою эрудицию, жизненный опыт и знание психологии), читатель изучает обстоятельства дела и логику убийцы. Лаконичное, но объемное, без лишних изысков и «заворотов», повествование увлекает миллионы читателей — не зря Альберта Корнели западная пресса называет новым символом Нидерландов.

А.К. Баантье.
«Ухмылка незнакомца»
М., Рипол-классик, 2008

Несколько более замысловатый роман, чем «Убийца из квартала Красных фонарей». Действие происходит на территории усадьбы «Счастливое озеро». Ее владелица — тетушка, прикованная к инвалидной коляске. Она имеет влиятельных друзей и почему-то нуждается их убедить именно инспектора Декока взяться за ее дела. Мадам обладает весьма скверным характером, который не становится лучше, когда в ее владениях сначала убивают ее любимых гусей, потом садовника, а потом одного за другим — членов ее семьи... Кто убийца? Стронный человек или кто-то из родственников? Какие цели он преследует? И сможет ли Декок довести свое расследование до конца? Автор делает попытку, и, в общем-то, безуспешную, пойти по стопам Э. Золя и Ч. Ломброзо, размышляя о роли национальности и наследственности в поведении человека. В доступной, детективно-ненаучной форме, разумеется.

Кен Бруен,
«Стражи»
М., Рипол-классик, 2008

Его зовут Джек Тейлор. Еще недавно он служил в элитном подразделении полиции «Стражи», но был уволен за ссору с начальством и алкоголизм. Джек коротал бы редкие часы между похмельем и опьянением, читая книги (и герой, и автор — большие любители литературы, это заметно по обилию цитат из произведений Томаса Линча, Эда Макбейна, Энтони Ллойда и пр., которыми Кен Бруен снабдил текст «Стражей»). Но к бывшему полисмену обращается женщина, потерявшая дочь. Мать не верит в самоубийство и просит Джека выяснить правду. Чем Джек и занимается, правда, не столь ретиво, как от него ожидают. Он не мачо — бывает, что его бьют. Женщины и деньги бывают у него крайне редко, а вот ирландской стойкости и английского юмора Джеку не занимать. Он брутален, но симпатичен. Манера изложения Бруена может быть описана теми же словами. Недаром западная пресса отзывалась о нем так: «Фанаты Ирвина Уэлша и Чака Палланика нашли для себя новый объект обожания».

Кен Бруен, «Убийство жестянщиков»
М., Рипол-классик, 2008

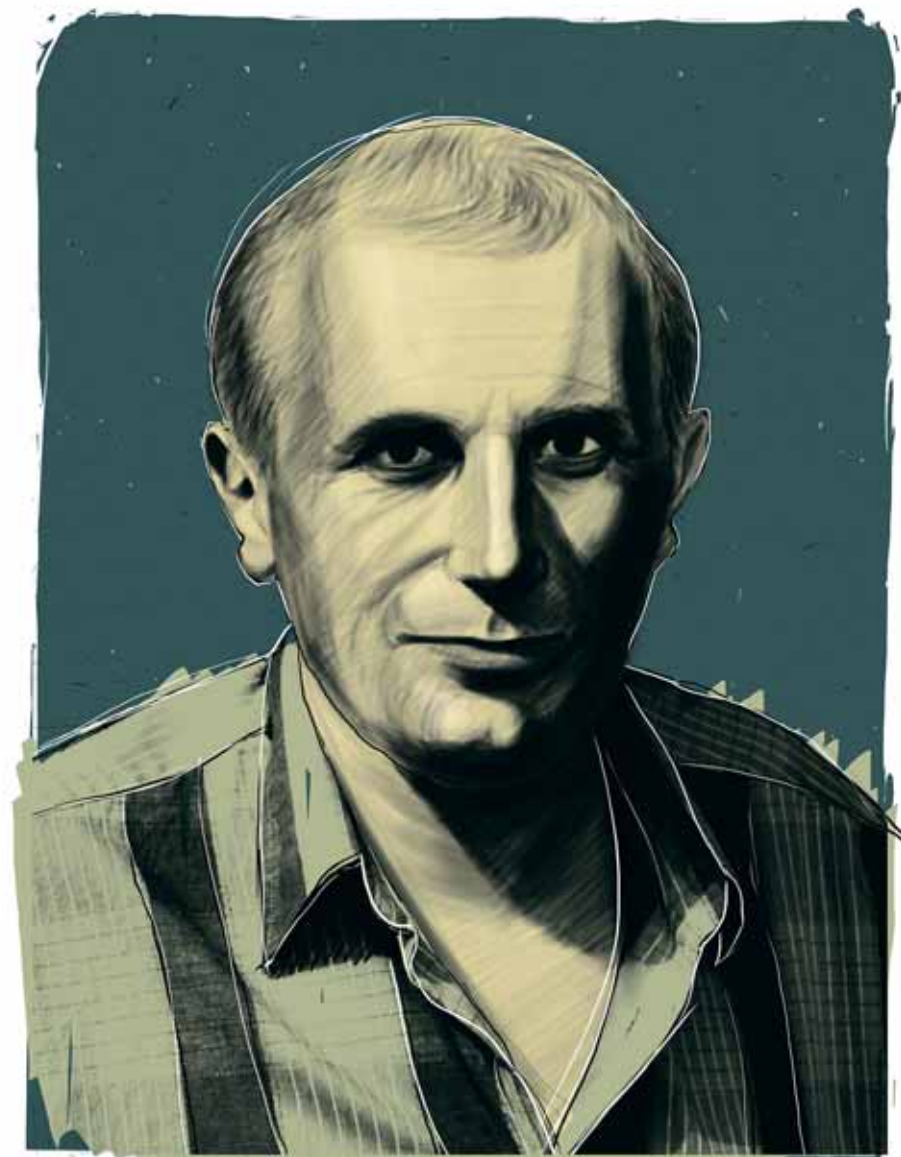
Перед нами все тот же старина Джейк Тейлор. Последний год этот ирландский парень провел в Лондоне, где обзавелся кожаным плащом, привычкой нюхать кокаин и даже... женой. Но в душе и по всем повадкам бывший полисмен — все тот же бунтарь, ракотшельник, волк-одиночка, в меру трусоватый, в меру благородный. Он возвращается в родной Голуэй, где его тут же берут в оборот местные цыгане: в их общине происходят убийства, они просят Джека найти врага. Такой же отверженный, как и они, Тейлор принимает за работу. В хороводе персонажей — психически ненормальный тип, убивающий городских лебедей, подозрительный социальный работник, лондонский полицейский, толстяк и бонвиван Киган, влюбленные в Тейлора женщины, опасные подручные Трубочиста, главаря цыганской банды... В этом романе также получают развитие и характеры, и отношения постоянных героев Бруена. «Жестянщики» — ёмкая, умная, ироничная книга, демонстрирующая ум и эрудицию автора, доставляющая удовольствие читателю.

Ростовский поэт
перевел русскую
классику на блатной
жаргон

Фимма Жиганец:

Мой дядя, честный вор в законе

текст
Андрей
Колобаев

иллюстрации
Михаил
Иванов

Когда Александр Сидоров, он же Фима Жиганец, впервые опубликовал свой сборник «Мой дядя, честный вор в законе. Классическая поэзия в блатных переводах», то, как некогда говаривали в Ростове, «шухер был еще тот». Одни (в основном, академики словесности) называли его «шизофреником» и «мерзавцем», другие писали письма со словами благодарности «за трепетное обращение с оригиналами» и интересовались, где еще можно найти «поэтические изыскания Фимы Жиганца в области уголовного арга». Третьих волновал вопрос: на каких зонах, сколько и за что «тянул срок» поэт, который так складно «ботает по фене». Выяснилось, что автор родом из Ростова, журналист, переводчик, писатель, филолог, специалист в области уголовно-арестантского жаргона, исследователь истории российской и советской профессиональной преступности и уголовно-арестантской субкультуры России и... литературный хулиган. А что до зон и лагерей, то есть такой факт в биографии автора! Чем сам он несказанно гордится

Добровольно — за колючую проволоку

— В 1979 году я окончил филфак Ростовского университета и сразу женился. Вскоре жена уже ждала ребенка, надо было думать о том, как прокормить семью. Ехать корреспондентом в район, ох, как не хотелось. И тут случайно узнал, что открывается газета «Голос совести» — для осужденных, отбывающих срок в Ростовской области. Нужен профессиональный журналист. А я такой человек по жизни — на дух не переносил армию, и потом — я же поэт. Но перспектива офицерской зарплаты и получения квартиры... Я клюнул.

С тех пор его жизнь четко разделилась на две части: первую он проводил за колючей проволокой — в колониях, камерах СИЗО и ШИЗО (кропал заметки о передовиках соцтруда из числа уголовников или нарушителях дисциплины среди убийц), а вторую, литературную, — дома. Писал в «стол» стихи, переводил Рильке, Ленау, отрывки из «Фауста» Гете, классическую немецкую эпиграмму. Поначалу ходил за «колючку» без особого интереса, но с началом гласности, когда часть запретов сняли, все изменилось. Майор внутренней службы и редактор газеты «Тюрьма и воля» Александр Анатольевич Сидоров, понимая, что такой возможности терять нельзя, бук-

вально не вылезал из-за решетки в поисках интересных людей, тем, судеб, сюжетов.

— Когда я добрался до блатного жаргона и начал его изучать, для меня это было настоящее потрясение, шок! Вроде бы грубый, не совсем благозвучный язык, но такой сочный, эмоциональный и необычайно образный. Понял, что именно мне, филологу в погонах, нужно серьезно заниматься «блатной музыкой», «феней», потому что такой возможности, как у меня, больше нет ни у кого...

Брал пачку «словарей разговорного блатного языка», изданных под грифом «для служебного пользования» только для сотрудников ИТУ, и «закрывался» с кем-нибудь из авторитетных братанов. Сначала они явились по поводу невежества составителей, а потом начинали подробно объяснять нюанс за нюансом — что да как.

Вскоре Сидорову стало совершенно очевидно, что язык бессмысленно изучать сам по себе, поскольку он является отражением мировоззрения, психологии, истории, культуры его носителей. Надо изучать ВСЕ, что хоть как-то связано с преступным миром и местами лишения свободы. Он стал заниматься историей уголовной субкультуры: какой жаргон был до революции, в 20-е годы, при ГУЛАГе и до сегодняшнего дня.

«Жизнь четко разделилась на две части: первую он проводил за колючей проволокой — в колониях и камерах СИЗО, а вторую, литературную, — дома»

Перечитал редкие книжки бывших каторжников и лагерников, мемуары блатных.

— Со временем у меня накопилось такое громадное количество информации, что я должен был ее куда-нибудь выплеснуть. И выплеснул.

Вышедший в 92-м 50-тысячным тиражом небольшой словарь блатного и лагерного жаргона «Южная феня» разошелся мгновенно. Он на голову превзошел все закрытые словари, которые использовали в системе МВД. Следом Сидоров выдал серию очерков «Неизвестные войны уголовников» и «История

профессиональной преступности Советской России», имевшую невиданный резонанс. Но и поэзия не забывал.

«Я с вас тащился...»

Вряд ли Александр Сергеевич Пушкин предполагал, что его бессмертные строки «Я вас любил: любовь еще, быть может...», когда-либо переведут на... русский.

*Я с вас тащился; может,
от прихода
Еще я оклемаля не вконец;
Но я не прокачу под
мурководом;
Короче, не бздюме — любви
звиздец.
Я с вас тащился без понтов
кабацких,
То под вальтами был, то
в мандраже;
Я с вас тащился без балды,
по-братски,
Как хрен кто с вас потащится
уже.*

«У меня накопилось такое количество информации, что я должен был ее как-то выплеснуть. И я выплеснул...»

— Толчком для этих блатных переводов послужило как раз мое увлечение классикой. Зашел как-то в книжный магазин и купил книгу «Гамлет в русских переводах». Там было пять или шесть переводов «Гамлета» и переводов тридцать знаменитого монолога, в том числе пастернаковский «Быть или не быть? Вот в чем вопрос!».

Помню, иду по подземному переходу, листаю и думаю: «Столько переводов, и каждый по-своему хорош...» Вдруг мелькнула мысль: а можно ли такую сложную и тонкую философскую лирику переложить на блатной жаргон? Я же переводил «Фауста» и знаю, сколько там подводных камней, всевозможных нюансов и языковых тонкостей, которые упущены всеми переводчиками.

Пришел домой, сел и...

*Жужжать или не жужжать?
Во, б..я, в чем заморочка!
Не в паду ль быть отбуцканным
судьбой
Иль все же стоит дать ей
оборотку,
Мясню захоролить
и непруху
Расилепать? Завести хвоста.
Отъехать...*

После Шекспира потянуло, естественно, к Пушкину («Мой дядя, честный вор в законе», «Ксива от Татьяны»), потом к Лермонтову, Тютчеву («Блажен, кто схлопотал свой срок») и т.д. По словам поэта, все они удивительно и замечательно ложились на блатной жаргон. Особенно Маяковский — в отрывках из поэмы «Пахан картавий» и «Стихах о совковой ксиве»: по энергетике он ближе всего к блатным.

— Когда меня обвиняют, что я покусился на святая святых — классику, я недоумеваю. Чем я их оскорбил? Если ненормативной лексикой, то да, в воровском жаргоне мат используется, но не всегда и, как правило, аккуратно. Кстати, Александр Сергеевич сам был жуткий матерщинник и, надо сказать, мастер этого дела. Мат и у Маяковского встречается, у Есенина, у Высоцкого.

Для меня такой перевод, прежде всего, был филологическим экспериментом. Еще я сделал это и в пику нашему школьному преподаванию.

Сами преподаватели всю жизнь переводят классиков на свой особый учительский жаргон, заставляя мыслить штампами. «Образ Евгения Онегина», «народность князя Болконского и Наташи Ростовской». Преподается не произведение, а методика — как его трактовать и как понимать несуществующие образы. Спрашивается: почему же мне тогда нельзя? Я-то хоть шучу, заведомо хулиганю. А они обучают детей на полном серьезе, отбивая у них тягу к прекрасному.

Я получил несколько писем из Российского института восточных языков, где, цитирую, «поражены точностью выполнения поставленной задачи и бережным отношением к оригиналу»; от нашего известного фразеолога и этимолога профессора Валерия Михайловича Мокиенко, который очень высоко оценил мои переводы.

После того, как Сидоров издал свой скандальный сборник, его попросили перевести «Евгения Онегина» целиком. Предлагали хорошие гонорары.

— Я спросил: «Зачем?» Ведь шутка, или в данном случае литературная пародия, хороша, когда четко соблюдена мера. К тому же читать все это в больших количествах будет просто скучно.

Русский блатной — сокровищница языка

— Меня часто спрашивают: почему я выбрал такой псевдоним — Фима Жиганец? Объясняю. Имя я взял у деда, Ефима Матвеевича Мельникова. А слово «жиган» в арго пришло из русских говоров, где корень «жиг», «жег» связан со значением «палить, гореть, жечь». Первоначально «жиган» — тот, кто связан с огнем, — кочевар или винокур, например. Позже слово стало обозначать «горячего», озорного человека, плута. Сейчас «жиган» значит отчаянный, дерзкий уголовник. Я прибавил уменьшительный суффикс, и получился Фима Жиганец.

Саша считает, что уголовный жаргон является сокровищницей русского языка. И что его нужно беречь, как

любое народное достояние. Этот язык не условный, а живой, в его основе — забытые нами церковнославянские слова, диалектизмы, которые можно почерпнуть в словаре Даля. Именно так: большинство криминальных словечек взялись из местечковых наречий, говоров. Тюрьма и каторга, а после ГУЛАГ собрали воедино всю эту пестроту и переплавили в особый язык.

— Часто говорят: вот, мол, гласность привела к вседозволенности, русский язык засоряется блатными выражениями, происходит криминализация культуры. Но не потому криминальные, жаргонные элементы языка проникают в общество, что кто-то «дозволил», а потому, что общество давно криминализировано — от высших эшелонов власти до последнего бомжа. Ведь в середине 50-х в эпоху так называемого раннего реабилитанса, миллионы освобожденных хлынули из лагерей в города — и блатные, и интеллигенция. Культура отреагировала: во дворах запыли блатные песни, в моду вошли наколки, кепки-восьмиклинки... Но мы ведь не заговорили на жаргоне! Тогда он не был востребован обществом.

Русский язык и раньше заимствовал слова и выражения из языка арестантов, жуликов, шулеров. «Втирать очки» — шулерский термин. «Двуручничать» — просить милостыню двумя руками, термин профессиональных нищих. «Подчистую» — от арестантского выражения «идти подчистую», то есть с чистым паспортом. Или, самое простое — «быть вась-вась».

Дело в том, что воры и раньше, и сейчас называют друг друга «Вася». И быть «вась-вась» — значит, состоять в близком знакомстве. Даже телеведущие спокойно употребляют новые выраженьица типа «по жизни», не подозревая, что они перекочевали из уголовного словаря.

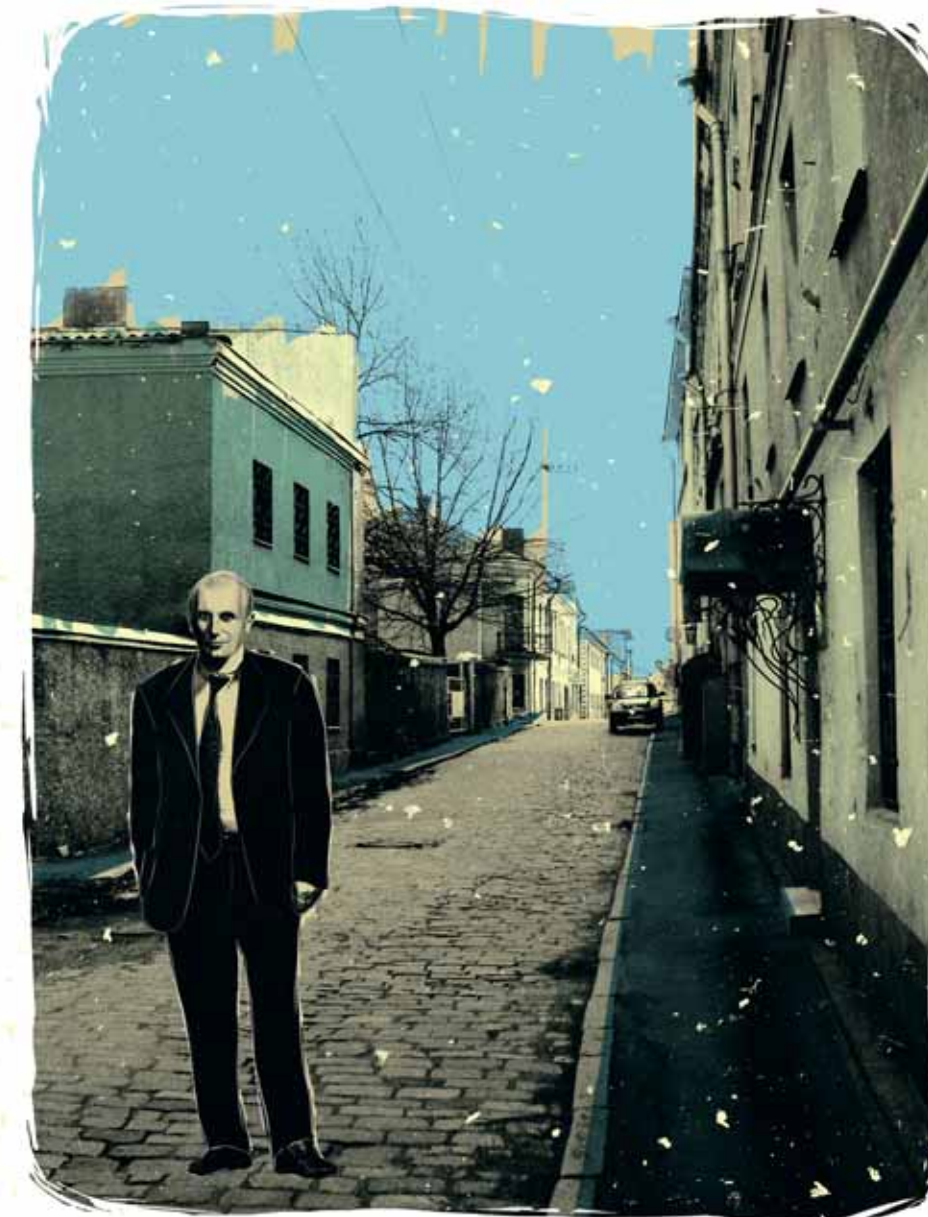
Увлечение мое казалось шуткой, но стало востребованным. Например, Сашей Емельяновым, известным автором и исполнителем песен. Моими консультациями пользуется и популярный автор детективных романов Данил Корецкий. Он вывел меня в качестве одного из персонажей своего криминального романа «Антикиллер-2»: некто Гена Соколов консультирует главного героя в об-

ласти блатного жаргона. Недавно я продал одну из своих песен Михаилу Шуфутинскому — она называется «Романс об Изе Шнеерсоне» (ироническая песенка о картежнике, которого погубила жестокая любовь).

У меня есть мечта — перевести «Фауста» Николауса Ленау. Его «Фауст» — более философский. Еще одной мечтой остается выход толкового словаря «Пословицы и поговорки блатного русского народа», который уже готов и ждет издателя. Пословиц и поговорок там — более тысячи.

Надеюсь, с ними я останусь в истории русской филологии. ■

«Когда меня обвиняют, что я покусился на святая святых — классику, я просто недоумеваю»

премьера

Елена Воробьева
на подмостках

Что обещает театральный сезон

Театр «Сатирикон»

Он всегда радует интеллектуального и взыскательного зрителя. Репертуар постоянно обновляется — спектакли идут не более четырех лет.

У «Сатирикона» — свои художественные принципы: с одной стороны, это основанная на высокой драматургии, на классике, мощная энергетическая атака на зрительный зал, с другой — огромная любовь к зрителю. Все, что происходит на сцене, изначально делается для зрительного зала и с любовью к нему. Это принципиальная позиция, ее «Сатирикон» наследует от театра Аркадия Райкина.

В сентябре в театре премьера — спектакль «Синее чудовище» в постановке его художественного руководителя, народного артиста России Константина Райкина. Это яркое, зрелищное представление для зрителей от юношеского до преклонного возрастов, поставленное по пьесе итальянского драматурга Карло Гоцци. Спектакль решен в жанре комедии дель арте, насыщен динамикой, юмором и... драматизмом. Острый напряженный сюжет, много музыки, трюков и превращений. Моменты «замирания сердца» и участие четырех традиционных персонажей итальянской комедии масок в виде клоунов роднят этот спектакль с цирком. Здесь будет, над чем посмеяться, всплакнуть, чего испугаться и чему удивиться. Финал, где побеждают любовь и справедливость, превращается в грандиозное пиротехническое зрелище, объединяющее персонажей, актеров и зрителей и олицетворяющее торжество праздника и театра.

Каждую осень почитатели театрального искусства ожидают куда более трепетно, чем первоклассники. Новые постановки, новые впечатления, заново пережитые эмоции. Чего ожидать нам в новом сезоне?

Большой театр

Он покажет премьеру — балет «Пламя Парижа», создатели которого еще в советское время были удостоены Сталинской премии.

Впервые балет Бориса Асафьева был поставлен балетмейстером Василием Вайноненом в 1932 году. Произошло это событие в Ленинградском театре оперы и балета, а в 1933 году он перенесен в столицу — в Большой театр.

«Пламя Парижа» шел более ста раз, вплоть до 1964 года. В нем танцевали и покоряли публику гениальные исполнители — Вахтанг Чабукиани, Алексей Ермолаев, Марина Семенова, Ольга Лепешинская, Игорь Моисеев, Михаил Лавровский. Постановщик нынешнего спектакля — Алексей Ратманский. Изменилось либретто — пропал идеологический пафос, появились две любовные линии, отсутствовавшие в первоизданном варианте. Но самое главное — на генеральной репетиции зрители увидели в образе королевы Франции Мари-Антуанетты народную артистку СССР Людмилу Семеняку, ныне педагога-репетитора. Она была великолепна! Зритель, безусловно, получит радость от встречи с легендарной балериной.

В постановке участвуют талантливые танцовщики Большого театра: Мария Александрова, Анна Антоничева, Нина Капцова, Наталья Осипова, Александр Волчков, Владимир Непорожний, Денис Савин, Иван Васильев.

Российский академический Молодежный театр

РАМТ представляет вниманию зрителей премьеру спектакля «Берег утопии» по пьесе Тома Стоппарда. Этот спектакль признан лучшим в театральной столице и удостоен высокой театральной премии «Хрустальная Турандот». Постановка художественного руководителя Алексея Бородина получила один из двух призов в самой престижной номинации «Лучший спектакль».

Драматургия английского интеллектуала Тома Стоппарда — это всегда уровень, а постановка, осуществленная Алексеем Бородиным, — особенная. Стоппард, безусловно, имя звучное на небосклоне мирового театра. Он задает определенную планку, определенный уровень драматургии, после чего довольно трудно решиться на осуществление тех или иных новых постановок. Спектакль о судьбах России идет десять часов, но зритель с интересом смотрит! Стоппард во время репетиций пять раз приезжал в Москву. «Я люблю актеров, — говорит он, — получаю огромное удовольствие, сидя в зале и наблюдая за тем, как русские актеры репетируют мою пьесу.

Абсолютно серьезно могу сказать: я польщен тем, что «Берег утопии» играется на таком высоком уровне — прекрасными актерами в удивительных декорациях Станислава Бенедиктова. И все часы, что я провожу в зале РАМТа, я абсолютно

счастлив — я вижу, что на сцене оживает мой «Берег утопии». Драматическая трилогия Тома Стоппарда «Берег утопии» — это мегахит в истории литературы начала XXI века. Пьеса разделена на три части — «Voyage» («Путешествие») «Shipwreck» («Крушение») и «Salvage» («Спасение»). Каждая из них представляет собой самостоятельное произведение, созданное по материалам русской истории и выдающихся деятелей середины XIX века.

Главные герои трилогии — революционер Александр Герцен, поэт Николай Огарев, философ-идеалист Николай Станкевич, политический деятель Николай Сазонов, анархист Михаил Бакунин, литературный критик Виссарион Белинский, писатель Иван Тургенев. И это еще не все. Всего в пьесе около семидесяти персонажей, разные политические взгляды которых оказали то или иное влияние на нашу историю. Личные драмы героев разворачиваются на фоне политических кризисов и иллюзий. Они переживают за судьбу России и мира, а между тем сами влюбляются, заводят романы, воспитывают детей и разрушают собственные семьи. В спектакле занят блестящий состав актеров: Илья Исаев в роли Герцена, Нелли Уварова — Натали Герцен, Ирина Таранник — Любовь Бакунина, Алексей Рогозин — Огарев, Евгений Редько — Белинский...

Много шума из Шекспира

Никто не сомневается, что человек по имени Уильям Шекспир действительно существовал. Но вот уже без малого четыре столетия кипят споры: кто на самом деле написал многочисленные пьесы и трагедии, классические сюжеты которых разворачиваются в различные эпохи в разных странах Европы? Сын неграмотных родителей из городка Стратфорд-он-Эйвон? Или за его именем скрывался кто-то другой?

Произведения Шекспира содержат энциклопедическую информацию по географии и истории не только Англии, но и Франции, Италии, Испании, Древней Греции и Рима. Автор демонстрирует знание юриспруденции и медицины, военного дела и мореплавания. На языке пьес Шекспира в те годы в Англии говорили очень образованные люди, но никак не жители глубинки, к которой относился Стратфорд-он-Эйвон. Если словарный запас рядового стратфордчанина в конце XVI века состоял примерно из 400 активно используемых слов, то у выпускника Кембриджа он был в 10 раз больше. Автор шекспировских пьес пользовался 20 тысячами слов.

Человек, известный под именем Уильям Шекспир, не оставил никаких подтверждений своего драматического и поэтического таланта: ни переписки, ни рукописей, ни личной библиотеки. Практически все доказательства авторства Великого барда той или иной пьесы сводятся к титульным листам книг, на которых написано, что это произведение издано под именем Уильяма Шекспира.

...Сохранились шесть разных вариантов подписи Шекспира.

Большинство сюжетов его пьес взято из французских или итальянских источников. Но в то время первоисточники на английский язык не переводились, а в оригинале читать он их не мог, поскольку иностранных языков не знал и за границей не был. Едва ли обладал Шекспир и необходимыми для написания пьес знаниями придворной жизни в Англии, Франции и Италии.

В списке претендентов на авторство 37 шекспировских пьес и 154 сонетов — 58 человек. Это и известные литераторы Бен Джонсон и Кристофер Марлоу, и политический деятель Френсис Бэкон, и знатные вельможы: графы Оксфорд, Эссек и Саутгемптон, мореплаватель-пират, сэр Уолтер Рэйли. Есть даже одна женщина, графиня Пемброк.

Сэр Генри Невил

Недавно список пополнился еще одним именем. Бывшая преподавательница университета Портсмута Бренда Джеймс и профессор истории из Уэльского университета Уильям Рубинштейн опубликовали книгу с громким названием «Правда

текст
Денис
Логинов

Человек, известный под именем Уильяма Шекспира, не оставил никаких подтверждений своего драматического и поэтического дара. Все доказательства его авторства сводятся лишь к титульным листам книг

выйдет наружу». Ранее ее героя, сэра Генри Невила, в качестве претендента «на Шекспира» не рассматривали.

Богатый землевладелец из Беркшира, блестящий дипломат и политик, сэр Невил состоял в парламенте и даже едва не стал госсекретарем. Он заинтересовал Брендю Джеймс, когда она пыталась выяснить личность загадочного «WS», которому (или которой) посвящены несколько сонетов Шекспира. После семи лет напряженных исследований Джеймс полностью поверила в авторство Невила и сумела убедить в этом известного шекспироведа, профессора Рубинштейна.

В число доказательств может быть включено отменное образование Генри Невила (Оксфорд), знание языков, многочисленные путешествия по Европе. Его жизнь, как в зеркале, отражает эволюцию творчества Шекспира. Действие пьесы «Мера за меру» происходит в Вене, которую Невил посетил в 1580 году. Действия «Ромео и Джульетты», «Приручения строптивой», «Двух джентльменов из Вероны» и «Венецианского купца» разворачиваются на севере Италии. В этих краях Генри Невил провел два года.

Результатом пребывания сэра Генри во Франции стала, по мнению Джеймса и Рубинштейна, пьеса «Генрих V». Невил, в отличие от Шекспира, отлично владел французским, именно на этом языке написаны отдельные сцены.

Действие «Бури» происходит, по мнению многих шекспироведов, на одном из Бермудских островов. Являясь директором Лондонской Виргинской компании, торговавшей с Америкой, Невил имел доступ к отчету, в котором описывалось, как в 1609 году пошел ко дну один из кораблей компании. Эта история, спустя два года, легла в основу «Бури». Шекспир не мог знать о подробностях крушения. Они хранились в строжайшей тайне, поскольку информация могла вызвать крах на бирже и резкое падение стоимости акций компании.

Двухлетнее пребывание Генри Невила в Тауэре (в 1601 г. он помог графу Эссексу устроить переворот, и за измену был наказан заточением), прервавшееся со смертью королевы Елизаветы I, объясняет неожиданные изменения в тональности и характере произведений Шекспира. Бывшие до этого, в основном, историческими, с большой долей юмора, пьесы все чаще становятся трагедиями.

Самым же серьезным документальным доказательством авторства Невила Джеймс и Рубинштейн считают найденный в 1867 году лист бумаги. В верхнем углу написано имя сэра Генри Невила, а ниже содержатся семнадцать (!) разных вариантов подписи Уильяма Шекспира,

сделанные, как подтвердили специалисты-графологи, рукой Невила.

В XVI веке занятия литературой, и особенно театром, считались недостойными знатных дворян. К тому же сэр Невил не мог подписаться под политически неблагонадежными литературными произведениями. Достаточно вспомнить, что в «Ричарде II» речь шла о насильственном свержении монарха. Накануне попытки переворота 1601 года пьеса ставилась в Лондоне около сорока раз и считалась властями «подстрекательской». Неслучайно Уильяма Шекспира и актеров допрашивала полиция, хотя до ареста дело не дошло.

Почему Генри Невил выбрал для прикрытия имя Уильяма Шекспира? У исследователей — два объяснения. Во-первых, патроном Шекспира был граф Саутгемптон. Он же являлся близким другом Невила и наверняка их познакомил. Во-вторых, Невил и Шекспир были дальними родственниками через мать Великого барда, Мэри Арден.

Потрясающая копьем

Трудно представить более не похожих друг на друга людей, чем Френсис Бэкон и Уильям Шекспир. Бэкон получил отличное образование, был светским человеком, обладал тонким характером и искренне мечтал об изменении мира. Шекспир едва мог написать свое имя, отличался грубостью и жадностью и не испытывал особых угрызений совести, бросив жену с маленькими детьми.

По мнению многих историков, сэр Френсис был гомосексуалистом и окружал себя красивыми юношами. Один из них — Генри Райотесли. Первая из «шекспировских» пьес, написанная в 1592 году, посвящалась как раз этому аристократу. В том же году Райотесли стал патроном Уильяма Шекспира. Возможно, Шекспир и Бэкон заключили сделку, по которой житель Стратфорда согласился служить прикрытием знатному вельможе.

Во время учебы в колледже Бэкон входил в тайное общество «Орден шлема». Члены Ордена поклонялись Афине Палладе, одним из имен которой было «потрясающая копьем», что по-английски звучит как «Shaker-of-the-Spear». Поэтому, предполагается, что когда сэр Френсис встретил необразованного фермера по фамилии Shakespear, он решил, что это знак свыше, и воспользовался его именем.

Еще одним важным доказательством авторства Бэкона долго считалось слово-абракадабра из пьесы «Бесплодные усилия люб-

ви» — «honorificabilitudinitatibus». По мнению сторонников теории авторства сэра Френсиса, это анаграмма — «hi ludi F.Baconis pati tuiti orbi», что в переводе с латыни означает «эти пьесы созданы Ф. Бэконом и сохранены для мира». Правда, сейчас ученые больше склоняются к мысли, что это редкое средневековое слово и, скорее всего, никакого зашифрованного смысла не несет.

Шекспир — это Марлоу?

Согласно еще одной теории, пьесы и сонеты Шекспира принадлежат перу знаменитого английского драматурга XVI века Кристофера Марлоу. Этот весельчак и гений с нетрадиционной сексуальной ориентацией был еще и шпионом Елизаветы I.

Защитники Великого барда утверждали, что Кристофер Марлоу физически не мог быть автором творений Шекспира, так как погиб в кабацкой драке в мае 1593 года в возрасте 29 лет. Однако имеются все основания полагать, что прожил Кристофер гораздо дольше. Есть предположения, что его, после шпионского «прокола», отправили в ссылку. Сначала — во Францию, затем — в Испанию и, наконец, в Италию. На чужбине Марлоу прожил почти десять лет. Для того, чтобы продолжать издаваться в Англии, утверждают те, кто приписывает авторство великих пьес Марлоу, воспользовался именем актера Уильяма Шекспира.

В пьесах Великого барда часто встречаются места, связанные с графством Кент, откуда Марлоу родом. Таверна сестры Кристофера вообще попала в трагедию «Генрих IV». Стратфорда же, родного города Шекспира, в пьесах нет.

Исследователи творчества Уильяма Шекспира считают, что, помимо знания заграничных реалий, драматург прекрасно разбирался в истории и жизни Шотландии, которая была в то время независимым государством и нередко воевала с Англией. Но Шекспир в Шотландии не бывал, а вот Марлоу за несколько лет до своей «смерти» преподавал (читай, шпионил в пользу Елизаветы) при дворе Якова VI.

Бойтесь Шекспира, дары приносящего

Известный английский драматург Роберт Грин в своем предсмертном памфлете с многозначительным названием «На грош мудрости, приобретенной миллионом раскаяний» обвинил Шекспира в плагиате.

Речь идет о явной схожести «Генриха VI» и анонимной пьесы «Истинная трагедия Ричарда, герцога Йоркского».

Поначалу исследователи думали, что «Истинная трагедия» написана по памяти актерами, игравшими «Генриха VI» на сцене лондонского «Глобуса». Однако в XVIII веке появилась теория о том, что «Истинная трагедия» принадлежит перу другого известнейшего драматурга елизаветинской эпохи — Кристофера Марлоу.

Ученые Мерриам и Эванс сумели научно доказать правоту обвинения в плагиате. Для сравнительного анализа в компьютер вводились огромные куски произведений двух драматургов, а также «Истинная трагедия Ричарда, герцога Йоркского» и третья часть трилогии Шекспира «Генрих VI». Автором «Истинной трагедии» программа назвала Кристофера Марлоу. Затем подтвердила, что третья часть «Генриха VI» является переработанным вариантом «Истинной трагедии». «Дополнительный текст» же компьютер уверенно приписал перу Уильяма Шекспира. А проверка, сделанная американским шекспироведом Уордом Эллиотом, позволила усомниться в авторстве Шекспира в отношении другой его ранней пьесы — «Тит Андроник».

Вывод прост: если Уильям Шекспир и был гением, то шедевры из-под его пера выходили не с самого начала карьеры. Скорее всего, он учился трудному ремеслу драматурга, сначала заимствуя и переделывая работы других, более опытных на тот момент коллег.

Последнее и, не исключено, самое важное доказательство обоснованности этих утверждений можно найти у самого... Уильяма Шекспира. В пьесе «Как вам это понравится», написанной в 1599 году, то есть через шесть лет после смерти Марлоу, он написал:

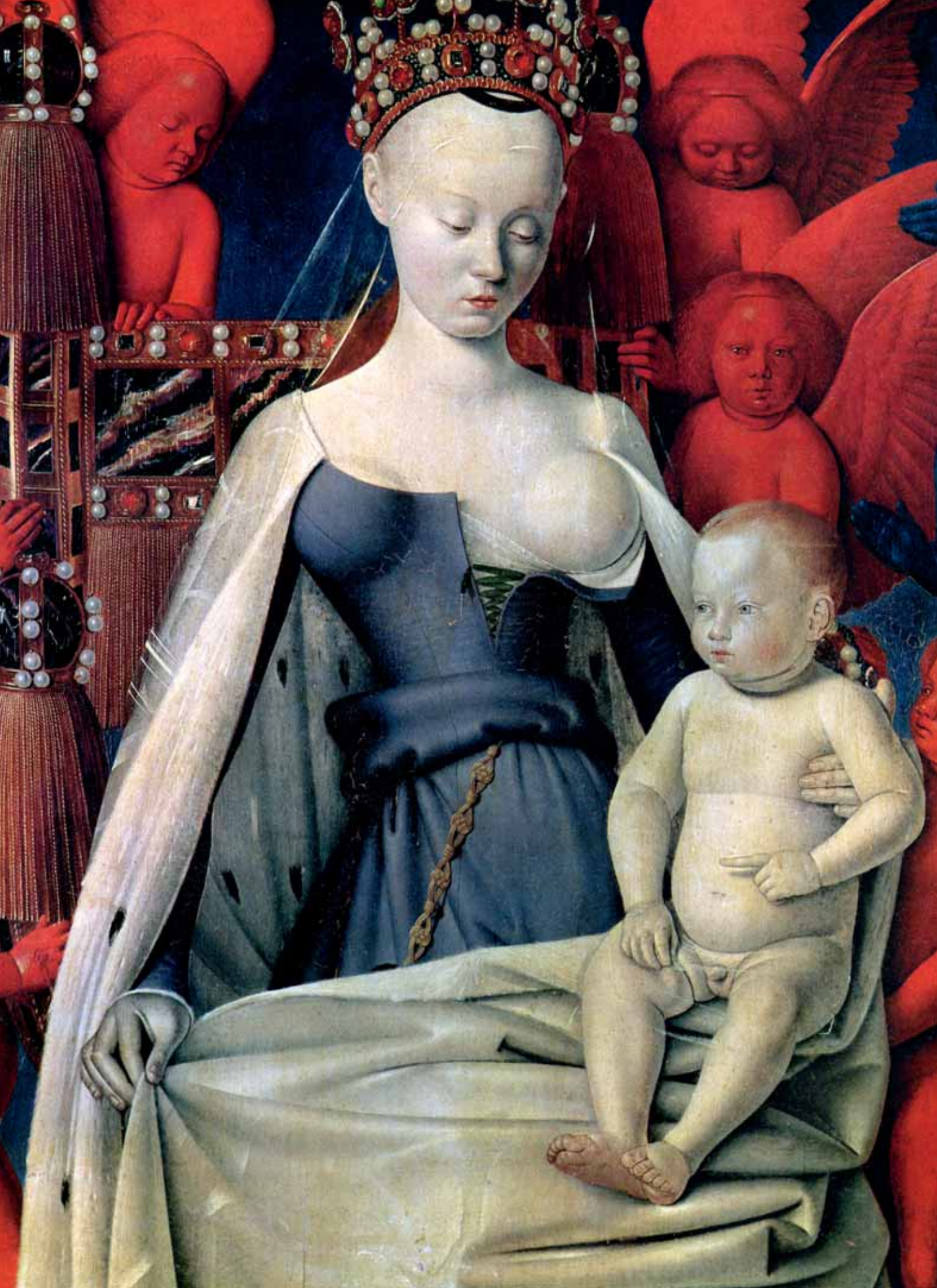
*«Теперь, пастух умерший,
Мне смысл глубокий слов твоих
открылся:
«Тот не любил, кто сразу не влюбился»».*

Последняя строка взята из широко известной в конце XVI века поэмы «Геро и Леандр», а «пастух умерший» — ее автор Кристофер Марлоу.

Какие бы доводы ни приводили ученые, какие бы выводы ни делали «умные машины», защитников Шекспира все эти теории ни в чем не убедят. Но так ли важно, кто написал «Ромео и Джульетту», «Гамлета», «Короля Лира», «Макбета» и другие замечательные пьесы? Ведь самое главное — они существуют! ☞

Получается, что автором пьес Шекспира мог быть любой образованный, знающий несколько иностранных языков человек, к тому же много путешествующий. И, безусловно, умеющий сочинять. А таких в Англии XVI века было предостаточно

Королевская фаворитка

Сегодня только в воображении можно представить эту картину единым целым. «Меленский диптих» был создан французским художником Жаном Фуке в середине XV века. Полотно заказал придворный муж Этьен Шевалье для одной из церквей города Мелена. На левой створке, которая теперь хранится в картинной галерее Берлин-Далем, Фуке изобразил самого Шевалье с его покровителем святым Стефаном. На правой створке, принадлежащей ныне Королевскому музею изящных искусств в Антверпене, художник создал композицию «Мадонна с младенцем». Поражает цветовое решение картины — ярко-красные и синие ангелы, мраморная кожа Мадонны и Младенца, глубокий синий тон фона. Но еще больший интерес вызывает сама Мадонна, а вернее — Ее прообраз. Считается, что на картине Фуке изобразил Агнессу Сорель. Кто же эта женщина, вдохновившая знаменитого французского художника на создание одного из лучших образов Богоматери в мировом искусстве?

Мировая история хранит множество фактов и свидетельств женского влияния на власть. Особенно, пожалуй, в этом смысле показательна история Франции. Их было множество, этих ярких красавиц-фавориток. Имена большинства из них давно забыты, но некоторые остались в истории благодаря своему уму, красоте и благотворному влиянию на королей.

И первой в этом ряду стоит Агнесса Сорель.

Дата ее рождения точно не известна — одни историки утверждают, что Агнесса появилась на свет в 1409 году, другие, и, скорее всего, это ближе к правде, — в 1422-м. Ее отец, Жан Сорель, придворный графа Клермона, поняв, что из красоты дочери можно извлечь определенные выгоды, устроил так, что Агнесса сначала стала фрейлиной герцогини Изабеллы Лотарингской, а потом и самой королевы Марии Анжуйской, супруги короля Карла VII. Агнесса пользовалась при

дворе огромным успехом. Не мог не заметить эту красавицу и король. Ей тогда было, по всей видимости, чуть больше двадцати.

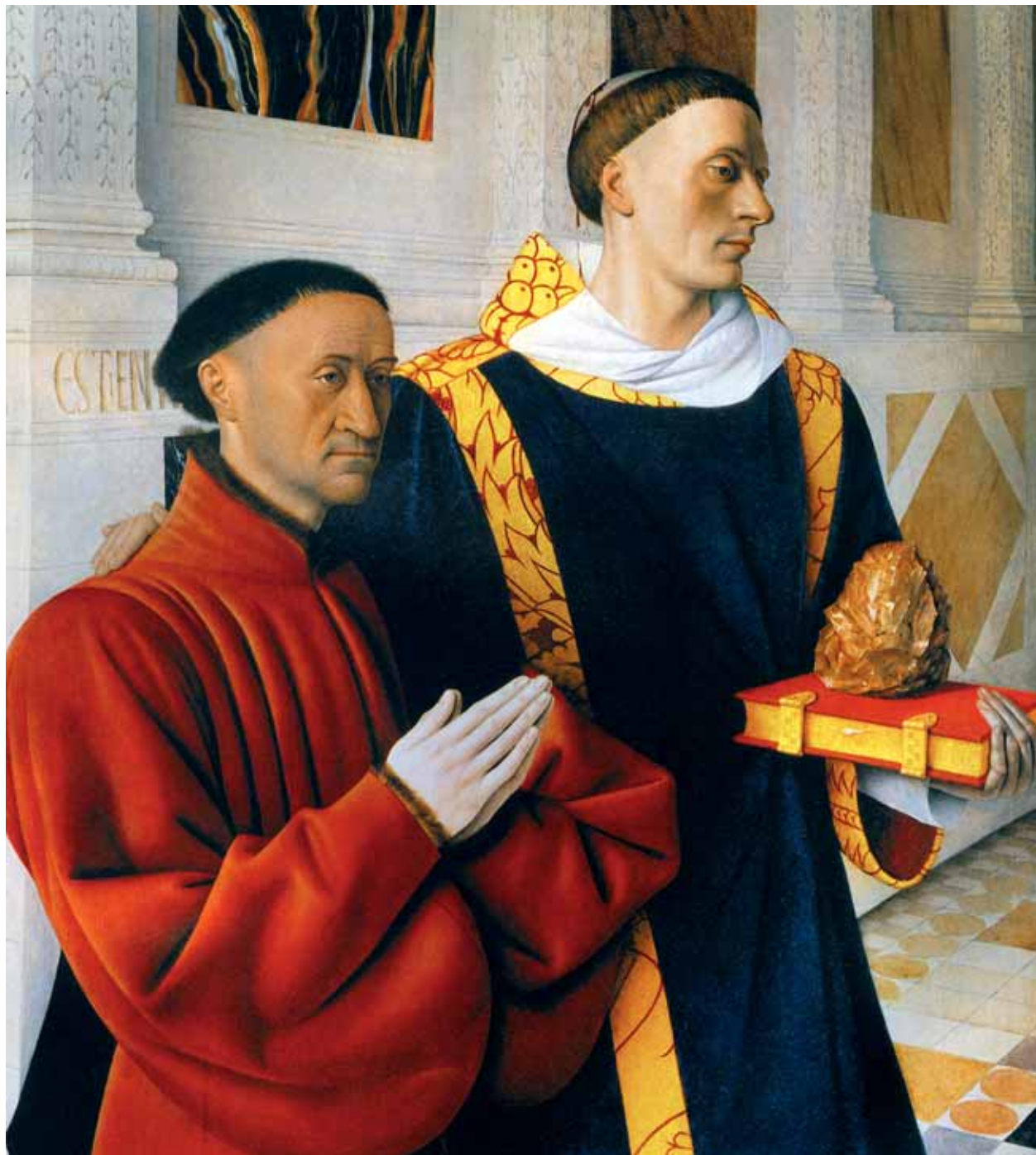
Карл был сложным человеком. Все знали, что законы морали и нравственности его волнуют мало, он был страстным, увлекающимся, трусоватым и жестоким, но при этом неплохо образованным и большим любителем чтения. Уже вечером того дня, когда Агнесса впервые попала на глаза его величеству, он увел фрейлину в свою спальню и признался в нежных чувствах. Агнесса не ожидала ничего подобного и в смятении выбежала из королевских покоев. Однако вскоре она сдалась на уговоры государя. Так началось пятилетие ее власти над королем.

Как водится, законная супруга узнала новость последней. Поняв, что страсть Карла велика, и тут ничего не поделаешь, она, порывав несколько дней, смирилась, более того — подружилась с Агнессой. Они вместе ездили на охоту и гуляли. Та-

текст
Денис
Логовинов

«Мадонна
с младенцем»

«Портрет Этьена Шевалье со святым Стефаном»

кое разрешение проблем весьма порадовало Карла.

В течение нескольких лет, как свидетельствует тогдашний Папа Римский Пий II, «король не мог прожить и часа без своей подружки и был более озабочен совершенствованием своего любовного мастерства, чем ведением государственных дел». Он осыпал Агнессу украшениями, дарил поместья — замок Иссуден в Берри и усадьбу Вернон в Нормандии, награждал титулами, один из которых узнали все. Ма-

дам Боте, мадам Красота — так ее стали звать после того, как король подарил ей поместье Боте-сюр-Марн, Красота на Марне. А в июне 1444 года Карл вместе со своим шурином Рене Анжуйским устроил большой рыцарский турнир в честь прекрасной Агнессы.

Фаворитка родила королю четырех дочерей, и всем им король, несмотря на протесты высоких родственников, даровал родовые титулы Валуа. Это было, пожалуй, высшим проявлением его любви.

Далеко не высокородная аристократка, Агнесса вела образ жизни королевы. До нее брильянты разрешалось носить только мужчинам монаршего рода. После нее это позволяли себе все дамы, которые могли себе это позволить. Она была одной из лучших клиенток крупного негодяя и королевского казначея Жака Кера. Он поставил ей мех куницы, восточные шелка, египетские золототканые материи, из которых она шила потрясающие туалеты. Агнесса поражала современников дерзостью и разнообразием своих нарядов. Именно она впервые ввела в моду облегчающие фигуры платья и длинные шлейфы, которые очень не понравились Церкви — священники называли их «дьявольским хвостом» и запрещали носить благородным дамам. Агнесса же ввела в моду и декольте.

Возмущенный ее неподобающим поведением, архиепископ Жан Жувенель дез Юрсен приводил факты огромных трат на шлейфы и гребни, золотые украшения, драгоценные камни и дорогие ткани и замечал, что «закрывая лицо вуалью, она придумала такие разрезы на платье, сквозь которые видны соски или вся грудь». К декольте при дворе привыкли не сразу, но вскоре аристократки, заметив заинтересованные взгляды своих мужей в сторону Агнессины прелестей, пошпиив для приличия, вынуждены были надеть — а может, они это делали с радостью — туалеты с глубоким вырезом. Так Агнесса победила в этой войне с Церковью и Приличиями.

Однако обожаемая королем, осыпанная всеми возможными монаршими милостями, мадам Красота не могла чувствовать себя счастливой. Она купалась в роскоши — только стоимость драгоценностей, принадлежавших ей, составила двадцать тысяч шестьсот экю золотом! — а народ жил трудно. Напрасно сердобольная Агнесса тратила целые состояния на подаяния нищим и дары монастырям. В ней видели лишь алчную фаворитку, из-за которой король забыл о королеве и подданных. Во всех своих бедах — в нищете, болезнях, тяжких налогах — простые французы обвиняли королевскую фаворитку. И Агнесса решила, что обязана принести народу пользу.

В стране действительно было неспокойно: шла Столетняя война, длившаяся с перерывами с 1337 по 1453 год. После победы при Азенкуре англичане захватили север Франции, включая Париж. Благодаря Орлеанской деве Жанне позже военное счастье перешло на сторону французов, и они смогли отвоевать у англичан некоторые свои земли. Было заключено перемирие, но большая часть французских земель по-прежнему находилась под управлением английской короны.

Бездействие короля не устраивало ни народ, изнывавший от нищеты и тягот налогов, ни Агнессу, чувствующую себя ответственной за то, что происходило в ее стране. Однажды она рассказала возлюбленному, как астрологи предсказали, что ее полюбит самый храбрый и мудрый король на свете. «Я думала, — говорила Агнесса, — это вы, мой король, но, видимо, я ошиблась — вы слишком изнежены и совсем забыли о государственных делах. Возможно, тот, предсказанный мне астрологом, король — правитель Англии, который создает сильные армии и захватывает ваши прекрасные города. Пожалуй, я отправлюсь к нему».

«Такие слова столь сильно уязвили сердце государя, что он разрыдался. Вскоре, набравшись мужества, он взялся за оружие. Карл действовал так успешно, что мы выбили англичан из своего королевства», — писал историк Брантон, считавший, что Агнесса Сорель заслуживает признательности французов в не меньшей степени, чем Жанна д'Арк. Вдохновленный Агнессой, Карл в течение нескольких месяцев вернул Франции все захваченные англичанами земли и положил конец Столетней войне. Карл Победитель — так стали его называть с тех пор.

Однако Агнессе этого триумфа Карла и триумфа своих усилий увидеть не удалось.

Шел январь 1450 года. Король готовился к осаде города Арфлера, который еще находился в руках врага. Его волновало не только будущее сражение, но и состояние Агнессы — она ждала его в замке Лош и должна была вот-вот подарить ему четвертое дитя. Вдруг он увидел бегущего к нему монаха. «Государь! Там привезли мадам Сорель. Она в ужасном состоянии».

Агнесса, утомленная и беременностью, и тяготами пути, сказала, что ей пришлось приехать, поскольку она никому не могла доверить важное известие: среди его подданных есть враги, и они готовят против него заговор — собираются выдать англичанам. «Я приехала вас спасти», — прошептала она. Был ли в действительности этот заговор? Никто не знает. Возможно, Агнесса все-таки спасла любимого — вероятно, заговорщики, узнав, что королю все известно, действовать побоялись.

Вскоре после приезда Агнессы в ставку короля у нее начались роды. Подарив государю четвертую дочь, Агнесса никак не могла оправиться и чувствовала себя очень плохо — беспокоили боли в животе. Во время болезни она много общалась со своим духовником, каялась в грехах, молилась. Предчувствуя скорую смерть, завещала большие суммы церкви и 60 тысяч экю всем тем, кто

Жан Фуке (1420—1481) родился в Туре, учился в Париже, побывал в Италии и Нидерландах, был придворным живописцем французских королей Карла VII и Людовика XI

«Часослов
Этьена Шевалье»

«Портрет Карла VII»

помогал ей в жизни. Отец Дени, духовник Агнессы, отпустил ей все грехи, и 11 февраля 1450 года в 6 часов вечера самая красивая женщина XV века умерла.

Над местом захоронения ее сердца и внутренних органов в капелле Нотр-Дам в Жюмьеже высится великолепное надгробие из черного мрамора. На нем стоит статуя из белого мрамора — молящаяся Агнесса с собственным сердцем в руках. Тело же ее было погребено в саркофаге из черного мрамора в соборе Лоша (ныне церковь Сент-Урс). На надгробной плите из белого мрамора барельеф — Агнесса в отороченном мехом платье, в окружении двух ангелочков и двух агнцев.

Сразу же после ее смерти заговорили об отравлении — трудно было поверить, что молодая женщина могла умереть столь рано по естественным причинам. Сначала на преступлении заподозрили друга Агнессы Жака Кера — придворная дама Жанна де Вандом заявила под присягой, что именно он виновен в ее смерти. Его судили, но за недостаточностью улик оправдали. Однако повод посадить казначея Кера в тюрьму все-

таки нашли — его бросили в застенки за растрату государственной казны.

Затем под подозрение попал родной сын короля дофин Людовик. Он действительно терпеть не мог отцовскую фаворитку, которая пользовалась при дворе большей властью и влиянием, чем его мать, королева Мария. Но и тут не нашли доказательств. Тайна смерти Агнессы осталась нераскрытой...

Но Франция запомнила ее как благородную даму, многое сделавшую для своего народа. Художник Жан Фуке, работавший при дворе Карла VII, получив примерно в 1450 году заказ от Этьена Шевалье на исполнение алтарного диптиха, решил (а может, сделал это по просьбе Шевалье) запечатлеть ее черты в образе Богоматери.

Примерно в то же время (историки искусства не могут точно датировать эту работу художника) он пишет и портрет короля Карла VII — человека пресыщенного, нерешительного, слабовольного, терзаемого страстями. Но при всем при этом на портрете Фуке изображен все-таки правитель государства, настоящий король — наделенный властью монарх, решающий

судьбы своих подданных. Король, оставшийся в истории благодаря двум женщинам — Жанне д'Арк и Агнессе Сорель.

Об Агнессе Сорель напоминали впоследствии всем великим фавориткам французских королей. Мадам Помпадур однажды получила послание от мсье Дюкло, призывавшего ее следовать примеру прекрасной Агнессы. «Это была женщина, к которой Карл испытывал самую сильную страсть, и которая наиболее достойно использовала его привязанность... Редкий случай для подражания тем, кто пользуется такими же милостями, ибо она любила Карла ради него самого и все делала для славы своего возлюбленного и счастья королевства».

После смерти Карла церковники, не любившие Агнессу, пожелали перенести ее захоронение подальше от алтаря, но, как ни странно, Людовик XI, не испытывавший теплых чувств к мадам Сорель, запретил беспокоить ее прах. В 1794 году, когда Францию захлестнула Революция, гробницу Агнессы разбили. Спас останки мадам Красоты некий мсье Пошоль. Позже, в 1806 году, по приказу префекта области

генерала Померала, памятник был реставрирован, а фронтоны украсили смелые слова Вольтера: «Я — Агнесса. Да здравствует Франция и любовь!»

В 2004 году для выяснения тайны смерти мадам Сорель использовали достижения современной науки. 28 сентября гробницу Агнессы вскрыли. Ученые установили — фаворитка Карла VII была отравлена ядом, содержащим ртуть. К сожалению, определить имя убийцы уже невозможно...

Многое изменилось в нашем мире со времен Столетней войны, но об Агнессе Сорель не забыли. О ней пишут исторические исследования и романы, снимают художественные и документальные фильмы, а туристы, приезжающие в маленький городок Лош, обязательно идут на могилу легендарной мадам Боте. Над черным мраморным цоколем — очаровательная головка молодой женщины. Той, что навеки запечатлена в образе Мадонны на великолепной картине Жана Фуке. Той, которая столько сделала во имя Любви для своей страны и своего возлюбленного. ☞

«Часослов
Этьена Шевалье»

Gotham City

фото
Юлиан
Рибиник
текст
Надежда
Панченко

Готем-сити. Огромные небоскребы сдвигаются над проезжей частью, а где-то, высоко, над крышами, парит хмурый Бэтмен: в этом городе полно злодеев, которых он должен покарать. Готем выдумали киносценаристы как пародию на Нью-Йорк. Но это название стало еще одной строчкой в списке имен-синонимов Большого Яблока.

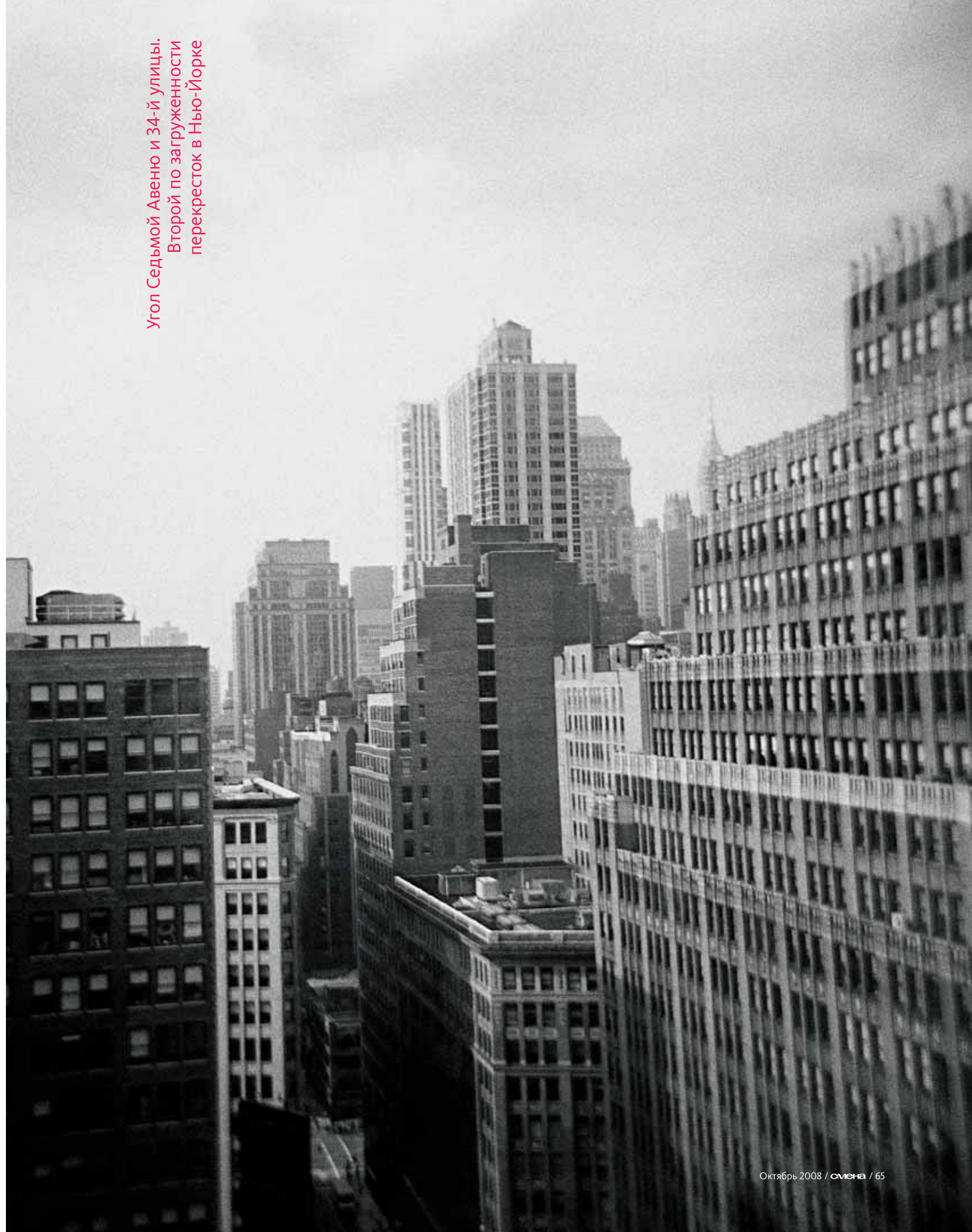

Люди ездят на работу, любят друг друга, делают покупки и получают удовольствие от жизни точно так же, как это делают жители любого другого города. Или даже куда больше — ведь здесь всего много. В том числе — любви и свободы.

Угол Седьмой Авеню и 34-й улицы.
Второй по загруженности
перекресток в Нью-Йорке

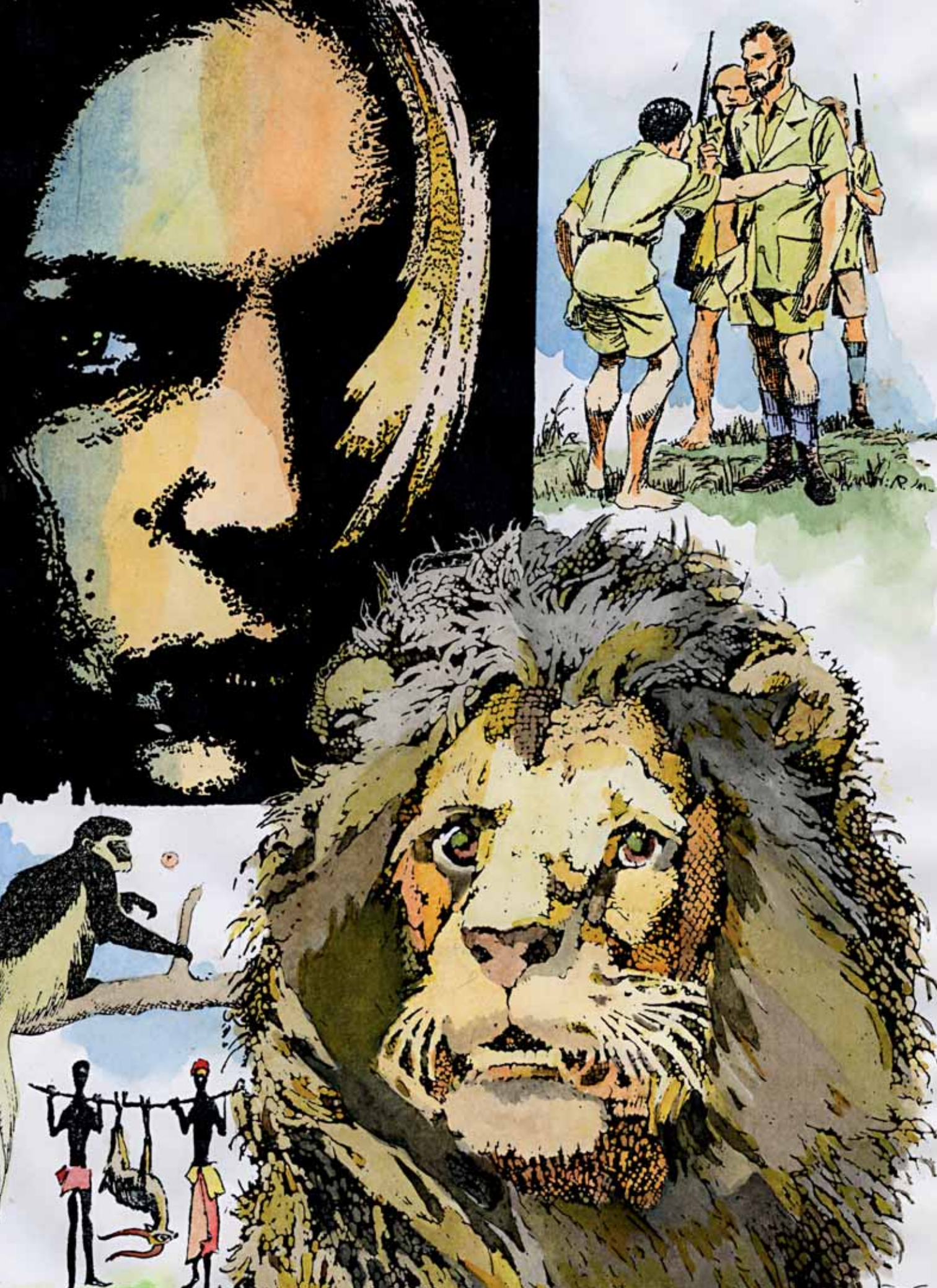

Вид на Уолл-стрит со стороны Бродвея

Готем-сити — урбанистический кошмар,
где на квадратный метр всего слишком много.
Хаоса, насилия, безумия, денег, эмоций,
возможностей — too much.

В Африке Эрнест Хемингуэй побывал дважды — в середине 1930-х годов, перед войной в Испании, и в начале 1950-х, перед присуждением Нобелевской премии по литературе. Первую поездку он очень подробно и ярко описал в книге «Зеленые холмы Африки». О второй — книга не появилась: по каким-то причинам или не захотел писать ее, или не успел, так как через семь лет после возвращения покончил с собой.

От этой поездки остались только дневники, путевые заметки, которые четвертая и последняя жена Хемингуэя Мэри (та, что убила льва) свела в некое подобие книги и опубликовала их в 1972—73 годах в нескольких номерах американского журнала «Sports Illustrated».

Нашему российскому читателю впервые предоставляется возможность получить, можно сказать, «прямой репортаж с места событий» и познакомиться с непосредственными впечатлениями великого писателя.

Эрнест Хемингуэй

Лев мисс Мэри

У каждого есть таинственные страны, они — часть нашего детства. Их мы помним и иногда посещаем, когда спим или грезим. Ночью они столь же прекрасны, что и в детстве. Если ты когда-нибудь возвращаешься, чтобы увидеть эти страны, их там нет. Но ночью они так же хороши, как и всегда, если, конечно, тебе повезло, и ты увидел их во сне.

В Африке, когда мы жили на небольшой поляне, в тени высоких шипастых деревьев, на краю болота, у подножия огромной горы, мы обрели такие же страны. Мы повзрослели физически, но во многих отношениях, я уверен, все еще оставались детьми...

В то время нашей с Мэри общей великой таинственной страной были холмы Чулас. Пи-эн-джи называл ее краем, «где не ступала нога белой женщины, включая и мисс Мэри». Изюм дня в день мы видели Чулас, далекие, голубые, классически изломанные, как могут быть изломаны только холмы, к которым рвешься сердцем. Мы предприняли несколько где-то опасных и где-то комичных попыток добраться до них. Из-за непроходимого болота и застывших глыб лавы, перекрывших все окольные пути, холмы эти превратились в одну из стран, добраться до которых, по крайней мере, тогда, нам было не под силу.

Все понимали, почему Мэри должна убить своего льва. Но даже бывалые охотники, побывавшие на сотнях сафари, не могли взять в толк, почему она должна убить его, как убивали прежде, встретившись на узкой дорожке. Все плохиши не сомневались, что это связано с ее религией...

Ночью я несколько раз слышал какого-то льва, вышедшего поохотиться. Мисс Мэри крепко спала и ровно дышала. Я лежал без сна и думал о разном, в основном, о том, скольким мы с Мэри обязаны Бате, Пи-эн-джи, департаменту охоты и всем остальным. О мисс Мэри не думал совсем, разве что о соотношении ее роста (пять футов и два дюйма) с высотой травы и кустарника, и о том, что ей нельзя надевать на себя много одежды, каким бы холодным ни было утро, так как приклад винтовки «манлихер-шнаузер» слишком длинен для нее, и она может непроизвольно нажать на спусковой крючок, еще только поднимая винтовку, если одежда сильно утолщает плечо. Я не спал и думал обо всем этом, и еще о льве мисс Мэри.

Язычники нашего лагеря полагали, что племенная религия мисс Мэри относится к очень суровым религиям, поскольку она включала охоту на геренов при невыносимых условиях, убийство нехорошего льва и поклонение дереву, сок которого (мисс Мэри, к счастью, этого не знала) возбуждал масаи и

перевод
с английского
и публикация
Виктор Вебер

иллюстрация
Лев
Рябинин

доводил до неистовства перед сражением и охотой на львов.

Они не верили, что лев — часть рождественского ритуала мисс Мэри, потому что составляли ей компанию уже три месяца, в течение которых Мэри искала большого льва. Но Нгуи выдвинул версию, что, возможно, мисс Мэри должна убить большого черногривого льва перед Рождеством, а поскольку она слишком маленькая, чтобы увидеть его в высокой траве, вот и начала поиски так рано. Принялась искать льва еще в сентябре, чтобы убить его в конце года или когда там родился младенец Христос. Точно дату его рождения Нгуи не знал, но случилось это до другого великого праздника — рождения Года, который всегда был выходным днем.

Дикий лев, лев мародер и лев, позирующий перед туристскими фотокамерами в национальных заповедниках, отличаются друг от друга так же разительно, как старый гризли, который будет идти следом по вашей линии капканов, ломать их, срывать крыши с ваших шалашей, пожирать ваши запасы и при этом ни разу не попадетс вам на глаза, отличается от медведей, выходящих фотографироваться на дорогу в Йеллоустоунском национальном парке. Правда, и в заповедниках каждый год медведи нападают на людей, и туристы, если не останутся в автомобилях, могут нажать себе кучу неприятностей. Порой им достается, даже когда они не выходят из автомобиля, а некоторые медведи становятся действительно опасными, и их приходится убивать.

Львы, живущие в заповедниках и привыкшие к тому, что их кормят и фотографируют, иногда выходят за пределы территории, где их охраняют и, не приученные бояться человека, легко попадают на мушку новоиспеченным стрелкам и их женам, находящимся, как правило, под прищмотром какого-нибудь профессионального охотника. Но в нашу задачу не входило критиковать других за то, как они убивали или собирались убивать львов. От нас требовалось выследить самим и помочь мисс Мэри выследить и убить умного, опасного льва, на которого велась охота не один год, и притом сделать это так, чтобы не нарушить если не заповеди нашей религии, то определенные этические нормы. Уже много дней мисс Мэри охотилась в соответствии с этими нормами, очень суровыми нормами…

В день, когда Мэри убила своего льва, выдалась прекрасная погода. Правда, кроме погоды, ничего прекрасного в нем не было. Ночь распустились белые цветы, и на рассвете, когда солнце еще не поднялось, создавалось ощущение, будто полная луна светит сквозь туман на покрытые первым снегом луга. Мэри проснулась и собралась задолго до зари. Правый рукав охотничьей куртки закатала и тщательно проверила все патроны в своем «манлихере». Сказала, что чувствует себя неважно, и не кривила душой. Сдержанно ответила на приветствия, мое и Пи-эн-джи, и мы старались обходиться без шуток. Я не знал, чем ей не угодил Пи-эн-джи, возможно, не нравилась его беспечность накануне несомненно серьезного дела. Злость на меня — нормальная реакция, полагай я, рассчитывая, что в плохом настроении стрелять она будет с беспощадностью, на какую редко способна. Вывод этот полностью укладывался в мою последнюю и величайшую гипотезу, согласно которой у Мэри было слишком доброе сердце, чтобы убивать животных. Некоторые люди стреляют легко и непринужденно, другие — с невероятной быстротой, но при этом владеют собой настолько, что их выстрелы точны,

как первый надрез опытного хирурга, третьи, как автоматы, точно кладут пулю в цель, если что-нибудь не помешает выстрелу. Казалось, этим утром мисс Мэри будет стрелять с мрачной решимостью, презрением ко всем, кто не относится к делу с должной серьезностью, под защитой своего плохого самочувствия, на которое всегда могла сослаться, если бы промахнулась, преисполненная непреклонного стремления победить или погибнуть. Меня это вполне устраивало. Такой на охоту она еще не выезжала.

Серьезные и мрачные, мы собрались возле джипа, ожидая, пока окончательно рассветет.

Все мы были охотниками, и стояли на пороге волнующего события — охоты. О последней написано невероятное множество всякой мистической чепухи, но охота, возможно, значительно древнее самой религии. Одни — охотники от рождения, другие — нет. Мисс Мэри родилась охотницей, и при этом храброй и очаровательной, но она занялась охотой слишком поздно, не с младенчества, и многое на охоте являлось для нее откровением. Она впитывала в себя новые знания и навыки и тут же пускала их в дело, что дается далеко не всем.

У нас подобралась команда, и, наблюдая, как шел процесс перемен, и какой мисс Мэри стала теперь, месяцы спустя, мрачная и серьезная, готовая к любому повороту событий, мы вчетвером напоминали квадрилью¹ очень молодого матадора. Если матадор был серьезен, то и квадрилья относились ко всему очень серьезно. Они знали все слабые стороны матадора, и усердие их так или иначе вознаграждалось. Вот и теперь, когда мы сидели в машине или слонялись вокруг нее, дожидаясь, когда прибавится света и мы сможем тронуться в путь, ситуация эта очень уж мне напоминала приближающееся начало корриды.

Наш матадор был серьезен, состояние это передалось и нам, потому что мы по-настоящему любили его. Наш матадор был нездоров. И мы понимали, что в еще большей степени обязаны защищать его и обеспечивать наиболее благоприятные условия для всего, что он собирался сделать. Но пока мы сидели и ждали, чувствуя, как уходит сонливость, нас переполняло счастье. Вероятно, никто не может ощутить себя таким же счастливым, как охотники в предвкушении нового, только-только нарождающегося, полного неожиданностей дня, и Мэри тоже была охотником. Но она настраивалась на выполнение конкретной задачи, обученная, подготовленная и воспитанная на чистых и благородных принципах убийства льва.

Мутока кивнул мне, как бы говоря, что света достаточно, и мы медленно покатались по усыпанном белыми цветами лугам. Возле самого леса, слева от которого начиналось поле с высокой высохшей желтой травой, Мутока остановил машину, повернул голову, и я увидел у него на щеке напоминающий стрелу шрам и несколько насечек. Проследил за его взглядом. Огромный черногривый лев шел через поле прямо на нас, его громадная голова поднималась над желтой травой. Только голову мы и видели поверх жесткой желтой травы. Потом лев развернулся и двинулся обратно к лесу. И вскоре мы видели лишь траву, колыхание которой указывало его местонахождение.

^[…]

^[1] Квадрилья — команда матадора, с которой он выходит на арену. (Здесь и далее прим. переводчика)

Мы медленно двинулись к тому месту, где укрылся лев. Солнце еще стояло над холмами. Нгуи шел следом за мной, Мэри, справа от нас, шагала чуть впереди Пи-эн-джи, а Чейро — следом за ним. Мы шли прямо к деревьям, и я уже видел льва, продолжая смещаться влево и одновременно приближаясь к нему. Солнечные лучи пробивались через кустарник и освещали льва, огромную черную голову и темно-серое, с золотым отливом тело. Он внимательно следил за нами. Он следил за нами, а я думал о том, какое неудачное он себе выбрал укрытие. С каждым шагом я все больше и больше отрезал ему путь к спасению, к лесу, который уже столько раз выручал его. У него уже не осталось иного выбора, кроме как броситься на меня или на Мэри и Пи-эн-джи, чего он не стал бы делать, если б его не ранили, или попытаться добраться до следующего островка деревьев и густого кустарника, находившегося в четырехстах пятидесяти ярдах к северу. Но попасть туда он мог лишь по открытой плоской равнине.

Я решил, что уже достаточно сместился влево, и пошел прямо на льва. Он стоял у кустарнике, который доставал ему до бедра, и я видел, как его голова повернулась ко мне и тут же снова качнулась в сторону Мэри и Пи-эн-джи. Огромная и черная голова, но, когда он повернул ее, она не показалась слишком большой для его туловища. Тяжелого, крупного и длинного. Я не знал, насколько близко Пи-эн-джи подведет Мэри ко льву. Не следил за ними. Смотрел на льва и ждал выстрела. Подошел достаточно близко, чтобы уложить его, если бы он кинулся в мою сторону, и не сомневался, что, окажись лев ранен, он бросится именно сюда, так как его естественное укрытие находилось за моей спиной. «Мэри должна скоро выстрелить, — подумал я. — Она не может подойти ближе». Но, может, Пи-эн-джи намеревался подвести ее еще ближе? Я взглянул на них краем глаза, не поднимая головы, стараясь не выпустить льва из виду. Мэри уже хотела стрелять, но Пи-эн-джи остановил ее. Они не пытались подойти ближе, и я предположил, что между Мэри и львом оказались ветки кустарника. Я следил за зверем и видел, как изменилась его окраска, когда солнце коснулось вершины одного из холмов. Для стрельбы света еще хватало, но мы знали, что здесь темнеет быстро. Лев чуть сместился вправо и снова посмотрел на Мэри и Пи-эн-джи. Я мог видеть его глаза. Мэри по-прежнему не стреляла. Потом лев сделал еще одно едва уловимое движение, и я услышал, как выстрелила винтовка Мэри, и сухой жесткий удар пули. Мэри попала в него. Лев метнулся глубже в кустарник, а затем выскочил с противоположной стороны, помчался к ближайшему островку густой растительности. Мэри продолжала стрелять, и я точно знал, что она попала в него. Лев удалялся длинными прыжками, его большая голова раскачивалась из стороны в сторону. Я выстрелил — и позади него взметнулся фонтанчик пыли. Я качнулся в ритме его движения и, поймав льва в прицеле, снова выстрелил, но снова пуля прошла сзади. Грохнула двустволка Пи-эн-джи, и я увидел поднятые выстрелом фонтанчики пыли. Я выстрелил еще раз, взяв немного вперед, и такой же фонтанчик поднялся впереди льва. Он бежал тяжело, прилагая отчаянные усилия, но с каждым прыжком удалялся все дальше и дальше, и, когда я, наконец, поймал льва в прицел, то едва различил его и, казалось, он вот-вот достигнет укрытия. Я немного наклонился, целясь чуть повыше головы, и мягко нажал на спусковой крючок — не

было никакого фонтанчика, и я увидел, как лев заскользил вперед, опустив голову, вспахивая передними лапами пыль, еще до того, как мы услышали шлепок пули. Нгуи хлопнул меня по спине и обнял. Лев попытался подняться, но Пи-эн-джи выстрелил, и он повалился набок.

Я подошел к Мэри и поцеловал ее. Она сияла, но что-то смущало ее.

— Ты выстрелил раньше, чем я, — упрекнула она меня.
— Это ты зря, дорогая. Ты стреляла первой и попала в него. Как я мог выстрелить первым, если мы все ждали тебя?
— Ндио. Мемсаиб пига, — подтвердил Чейро. Он все время стоял за спиной Мэри.
— Конечно же, ты попала в него. Оба раза, только первый, наверное, в лапу.
— Но убил его ты.
— Все мы старались не дать ему добраться до зарослей после того, как ты его ранила.
— Но ты стрелял первым. Ты и сам это знаешь.
— Ничего подобного. Спроси Пи-эн-джи.

Лев лежал далеко от нас, и с каждым нашим шагом становился все более крупным и мертвым. Мы все шли к тому месту, где лежал лев. Солнце скрылось, и темнело очень быстро. Во всяком случае, для стрельбы света уже не хватало. По ощущениям я превратился в выжатый лимон. От усталости каждый шаг давался с трудом.

— Разумеется, попала в него ты, Мэри, — заверил Пи-эн-джи. — И попала дважды.

— Почему ты не дал мне выстрелить, когда он стоял, не двигаясь, и смотрел на меня?

— Тебе мешали ветки, они могли изменить направление полета пули и ослабить удар. Поэтому я заставил тебя выждать.

— А потом он сдвинулся с места.
— Все правильно, иначе ты бы не выстрелила.
— Но я действительно попала в него первой?
— Абсолютно. Никто не стал бы стрелять в него раньше тебя.
— А ты не обманываешь меня, чтобы подсластить пилюлю?

В этот момент Пи-эн-джи пристроился ко мне, и я спросил у него:

— На сколько же выше ты целился, сукин ты сын?
— Фута на полтора два. Два. Стрелял, как из лука.
— Когда пойдем обратно, посчитаем шаги.
— Никто не поверит.
— Мы поверим. И это главное.
— Пойди к ней и заставь поверить, что она попала в него.
— Она верит боям. Ты перебил ему позвоночник.
— Знаю.
— Слышал, как долго возвращался звук попавшей пули?
— Слышал. Пойди поговори с ней. А вот и Гарри с машиной.

Нас догонял «ленд роувер». Теперь мы все собрались возле льва, льва мисс Мэри, и она уже не сомневалась в этом и видела, какой он удивительный, длинный, темный и прекрасный. Тело его облепили верблюжьи мушки, желтые глаза еще не потухли. Я прошелся ладонью по его густой черной гриве. Гарри остановил «ленд роувер», подошел к Мэри и пожал ей руку. Мэри опустилаcь на колени рядом со львом.

— Лев-красавец, — восхитился Гарри. — Никогда не видел такого крупного и такого темного льва.

Потом мы увидели грузовик, приближающийся к нам по равнине со стороны лагеря. Там услышали выстрелы, и Кейти вместе со всеми спешил к нам, оставив в лагере лишь двоих сторожей. Они пели песню льва, и, когда спрыгнули на землю, Мэри уже окончательно перестала сомневаться, чей это лев. Я видел много убитых львов и празднований победы. Но не такое, как это. Я хотел, чтобы Мэри воздали все положенные ей почести. Точно знал, что теперь волноваться не о чем, и пошел к островку деревьев и густого кустарника, куда так стремился лев. Ему почти удалось добраться до него, и я думал о том, что бы ждало нас с Пи-эн-джи, если бы пришлось лезть в эти заросли и выкуривать его оттуда. Хотел посмотреть на все собственными глазами, пока окончательно не стемнело. Ему оставалось пробежать всего ярдов шестьдесят, и нам не осталось бы ничего другого, как лезть в заросли в темноте. Я представил себе, как бы это выглядело, и пошел назад, праздновать и фотографироваться. Фары грузовика и «ленд роувера» освещали Мэри и льва, и Пи-эн-джи их снимал. Нгуи принес мне из лежавшего в «ленд роувере» подсумка фляжку Джинни, я сделал небольшой глоток и отдал фляжку Нгуи. Он тоже сделал глоток, покачал головой и снова передал ее мне.

— Пига, — и мы оба засмеялись. Я сделал длинный глоток и почувствовал, как по телу растекается тепло, а усталость выходит из меня, подобно змее, сбрасывающей кожу. До той минуты я еще не осознавал, что мы все-таки убили этого льва. Нет, разумом я это понял, когда мой невероятный, как из лука, выстрел сразил его и бросил на землю. Но за этим последовали беспокойство Мэри и ее разочарование. Сейчас, когда вокруг все выпалили, праздновали и фотографировались, глядя на ее сияющее в свете фар счастливое лицо и на огромную голову льва, которую она не смогла бы даже поднять, гордясь ею и любя льва, чувствуя себя опустошенным, видя искаженную шрамом улыбку Кейти, перегнувшегося через Мэри, чтобы потрогать поразительную черную гриву льва, слушая воркующих, словно птицы, мужчин, каждый из которых гордился нашим львом; нашим, принадлежавшим всем нам и Мэри, потому что она несколько месяцев охотилась за ним и попала в него, говоря казенным языком, самостоятельно и в решающий момент, видя ее такой счастливой и сияющей и похожей при свете фар на маленького, не такого уж смертоносного, сверкающего ангела, чувствуя, как все любят ее и нашего льва, я постепенно расслабился и начал получать удовольствие от происходящего.

Чейро и Нгуи рассказали Кейти, как было дело, и он подошел ко мне, пожал руку со словами:

— Мзури сана, бвана. Шайтани ту.

— Просто повезло, — ответил я, и, Бог свидетель, так оно и было.

— Нет, не повезло, — покачал головой Кейти. — Мзури. Мзури. Шайтани мкубва сана.

И тогда я вспомнил, что именно в этот полдень я предрек смерть льва, и что теперь все закончилось, и Мэри победила, и я поговорил с Нгуи, Муткой, ружьеносцем Бати и с другими о нашей религии, и они качали головами и смеялись, а Нгуи хотел, чтобы я еще глотнул из фляжки. Они собирались подождать, пока мы вернемся в лагерь и уж там выпить пива, но и хотели, чтобы я выпил с ними сейчас же. Сами они лишь коснулись горлышка губами. Мэри, закончив фотографироваться, уже поднялась, увидев, что мы пьем, попросила фляжку и передала ее Пи-эн-джи и Гарри.

От них фляжка снова перешла ко мне, и я выпил еще, а потом лег рядом со львом и очень тихо заговорил с ним по-испански, попросил у него прощения за то, что мы убили его, и, лежа рядом с ним, прощупал раны. Их было четыре. Мэри попала ему в лапу и в ляжку. Проведя рукой по спине, я нашел место, где моя пуля угодила ему в хребет, и еще дыру побольше, оставленную пулей Пи-эн-джи, в боку, прямо под лопаткой. В это время я поглаживал его и говорил с ним по-испански, но плоские твердые верблюжьи мушки в большом количестве начали перебираться с него на меня, и тогда указательным пальцем я нарисовал на земле перед ним рыбу, а потом стер ладонью...

Ночью я проснулся и долго не мог уснуть. Стояла мертвая тишина. Потом я услышал ровное легкое дыхание Мэри и успокоился — нам больше не придется каждое утро готовить ее к битве со львом. Снова огорчился из-за того, что лев умер не так, как надеялась Мэри, как планировала его смерть. После празднования и настоящего, неистового танца, когда она увидела, как любят ее друзья и как привязаны к ней, ощущение разочарования, которое она испытывала, немного притупилось. Но я точно знал: после более сотни дней, когда она каждое утро собиралась охотиться на льва, оно обязательно вернется. Она и не подозревала, какой подвергалась опасности. А может быть, знала, просто я этого не замечал. Ни я, ни Пи-эн-джи не собирались говорить ей об этом, потому что слишком хорошо представляли себе степень риска. Я отлично помнил глаза льва, когда он взглянул на меня, отвернулся, а затем посмотрел на Мэри и Пи-эн-джи и больше уже не отрывал от них взгляда. Я лежал в кровати и думал о том, что лев, рванувшись с места, может чуть дольше, чем в три секунды, покрыть расстояние в сто ярдов. Он бежит, низко пригнувшись к земле, быстрее любой борзой, и не прыгает, пока не достигнет свою жертву. Лев Мэри весил добрых четыреста фунтов, и он мог легко перепрыгнуть через высокий терновник, зажав в пасти корову. На него охотились не один год, и ума ему хватало. Но мы усыпили его бдительность и вынудили допустить ошибку. Меня радовало, что перед смертью он успел покрасоваться, свесив хвост и удобно вытянув огромные лапы, на высоком круглом термитнике и еще раз взглянуть на свои владения, и синие холмы, и ослепительно белые снега на вершине горы. Мы с Пи-эн-джи хотели, чтобы Мэри уложила его с первого выстрела или чтобы он, раненый, бросился на нас. Но он решил поступить по-своему. Первая пуля стала для него не более чем острым, внезапным укусом. Вторая, та, что прошла через ляжку, пока он бежал к густым зарослям, где собирался дать бой, показалась сильным шлепком. Мне не хотелось думать, что он почувствовал, когда в него попала моя пуля, пущенная издалека, которой я надеялся лишь сбить его на землю, но она случайно перебила ему хребет. Пуля весила чуть больше четырнадцати грамм, и я не хотел представлять себе, какую она могла причинить боль. И меня радовало, что Пи-эн-джи тут же прикончил его великолепным дальним выстрелом. Теперь лев умер, и я знал, что нам будет жаль окончившейся охоты.

Я попытался заснуть, но продолжал думать о льве. Мне очень хотелось, чтобы утром Мэри проснулась со словами: «Я так рада. Я убила своего льва». Но на это было мало надежды, а время — три часа утра. Кажется, Скотт Фицджеральд писал, что где то в каком-то уголке

души всегда три часа утра. Порывшись в памяти, я вспомнил эту цитату².

Мэри по-прежнему дышала ровно, а я смотрел в ночь, где вспыхивали угли, когда ветер шевелил золу, и радовался, что страх за Мэри уже позади. Я ничем не мог облегчить ее утреннего разочарования. Может быть, оно прошло бы само по себе. А если нет, в другое время она захочет убить другого большого льва. Но только не теперь, думал я, пожалуйста, только не теперь.

Мэри все еще спала. Во сне она всегда выглядела прекрасно. Когда она спала, я не мог сказать, счастливое у нее лицо или несчастное. Оно просто было. Но сегодня его черты казались прорисованными особенно изящно. Мне так хотелось бы сделать Мэри счастливой, но придумать я мог только одно — не будить ее...

Приятно вспомнить замечательных и уважаемых вралей и кое-что из их наиболее впечатляющих небылиц. Форда Мэдокса Форда³ я, пожалуй, полагал величайшим вралем из всех известных мне по жизни на гражданке, и думал о нем если не с любовью, то, по крайней мере, с уважением. Однажды поздним вечером в старой квартирке Эзры Паунда⁴ на рю Нотр Дам де Шан, впервые услышав его поразительные и откровенные рассказы, я был шокирован и даже оскорблен. Передо мной стоял человек, гонимый мной в отца, самозванный мастер английской прозы, который врал так явно, что мне просто стало стыдно. После того, как Форд отбыл вместе с его тогдашней сожительницей, на которой он не мог жениться, потому что еще не развелся, я спросил, часто ли этот странный человек с тяжелым, даже более противным, чем у гиены, дыханием и кривыми зубами, который напыщенностью манер напоминал первые и неудачные модели гусеничных бронемашин, так много врет людям, хорошо знакомым с предметом его разглагольствований?

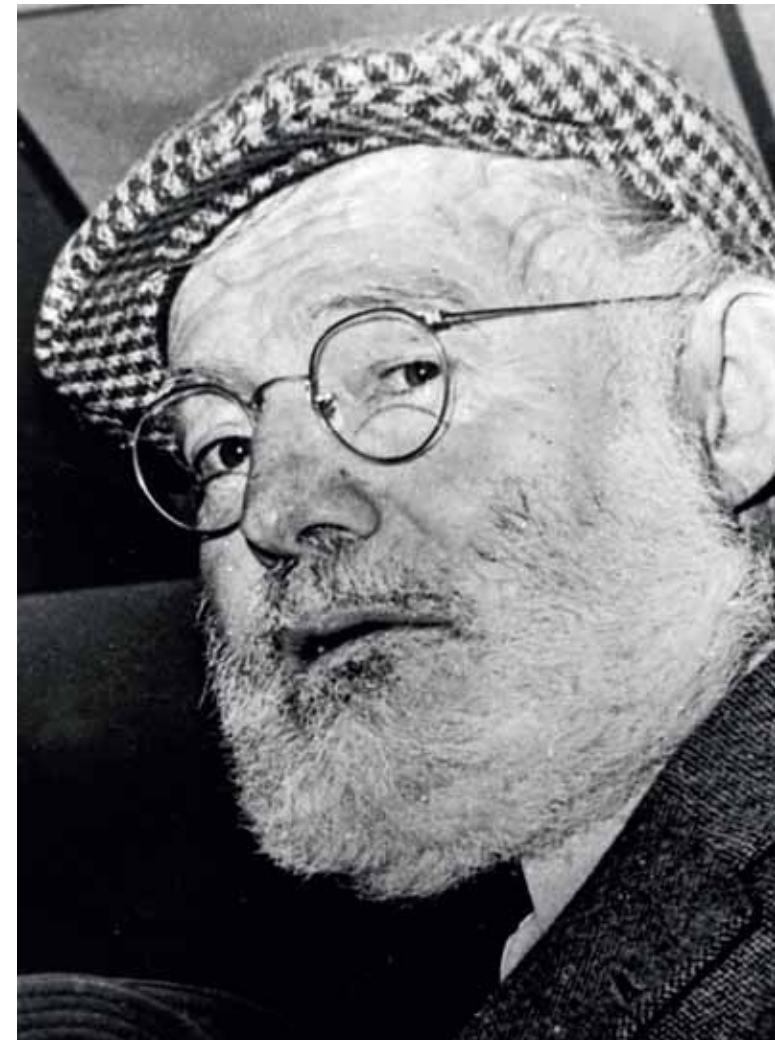
Эзра, милый и добрый человек, безжалостный только в печатных текстах, ответил: «Хем, ты должен попытаться понять. Форд лжет, только когда очень усталый. Это его способ расслабиться».

В ту пору Эзра еще пытался воспитывать меня (занятие, которое он позже оставил как безнадежное), а я учил его боксировать. Правда, здесь мне тоже пришлось отступить, и он занялся игрой на фаготе. Из двух этих видов искусства овладение премудростями бокса в дотелевизионную эпоху требовало больших усилий, да и ученичество давалось тяжелее. Я не мог слушать его игру на фаготе и уже думал о том, чтобы попытаться заинтересовать Эзру контрабасом или тубой — двумя не слишком сложными инструментами, которые, я полагал, он сможет осилить, но по тем временам ни один из нас не располагал средствами, чтобы купить столь громоздкие инструменты, так что, мне просто при-

² В рукописи оставлено место для цитаты, которую Э.Х. не вписал, хотя ниже приводит ее правильно. Это фраза из эссе «Крушение»: «В действительно черной ночи души всегда три часа утра, изо дня в день».

³ Форд, Мэдокс Форд (1873—1939) — английский писатель, написавший, среди прочего, биографию Джозефа Конрада.

⁴ Паунд, Лумис Эзра (1885—1972) — американский поэт, один из основоположников англоязычной модернистской литературы.

шлось пореже бывать в его квартирке, вот мы с Эзрой каждый день, во второй его половине, стали играть в теннис.

В этом виде спорта мы одинаково не могли похвастаться мастерством, и играли на корте с почасовой оплатой, расположенном как раз напротив места, где установлена гильотина для проведения утренних представлений, по-прежнему любимых французами, и потому время от времени мы находили мостовую свежеевымьгой. Надев лишнюю куртку, коей для меня служила подстежка от старого плаща из ткани «барберри», мы подходили к металлическим воротам, ведущим к кортам, и вызывали звонком консьержа.

В то время я не мог позволить себе тенниса, не мог позволить себе практически ничего, за исключением работы — единственного занятия, ради которого мы и рождаемся, да еще оплаты продуктов и жилья для моей жены и ребенка. Эзра также не был богачом, и одно время, когда жил в Лондоне, денег ему хватало на одно утиное яйцо в день: он где-то вычитал, что утиные яйца на семьдесят процентов питательнее куриных, и мы наслаждались нашим теннисом и играли, как нам казалось, с дикарской изящностью. Эзра играл во фланелевом костюме, играл лучше меня, а следовательно, получал от игры больше удовольствия. В то время, да и потом, я выполнял загадочную подачу, которая называлась «свиной мяч». Мяч при ней летел быстро, но при-

контакте с землей не подпрыгивал, а катился по ней. Часто такие «свинные мячи» подавать не удавалось, потому что при этом приходилось резко вскидывать правую руку, рискуя порвать плечевые связки. Есть много видов подач, принимать которые сложно, но постоянно их подавать нет никакой возможности, точно так же, как нет никакой возможности оставаться трезвым, налегая на спиртное.

Итак, я думал обо всем этом и о Хью Кейси, уже покончившем с собой, и о Кирби Хигби, ныне ставшем евангелистом, и о веселых ночах, которые мы проводили в Гаване, и стрельбе по голубям с Оджи Галаном, Куртом Дэвисом, Ларри Френчем и Билли Херманом. Все они стреляли прекрасно, за исключением Хигби, поскольку тот признавал исключительно ночную жизнь. Обожал затевать ссоры в казино и ночных клубах. Но, едва ссора достигала пика, кричал: «Подойди, Эрни, и врежь ему». Вот я и подходил, чтобы занять в отведенной дракам части жизни Хигби положение, аналогичное тому, что занимал Хью Кейси, играя за «Доджерс»⁵.

Это были последние беззаботные месяцы на многие последующие годы. Мне, как писателю и просто человеку, не верилось, что после Испанской войны и событий в Китае мир вновь охватит разрушительная война. Правда, мне повезло, и я, по крайней мере, успел написать одну книгу. Теперь же я перестал думать об этом и о Гаване, хотя никогда не чувствуешь себя одиноким, вспоминая Гавану, и мыслями переключился на гражданскую войну в Испании. Эти воспоминания также прогоняют одиночество, что правда, то правда, и хотя обычно мы стараемся не думать о войне после ее окончания, иной раз невозможно не думать о ней и не вспоминать.

Хью Кейси в 1939 году

Утром Мвенди принес чай, я поблагодарил его, выпил чай, выйдя из палатки, у потухшего костра, думая и вспоминая, пока пил, потом оделся и пошел к Кейти. Держались мы официально и дружески, и он сказал, что хотел бы пойти со мной на ночную охоту с копыями. Меня его слова очень тронули, и я знал, что в этом он гораздо лучше меня. Поэтому спросил, все ли в порядке в лагере, и он ответил, что да, порядок в лагере идеальный, но несколько молодых людей вернулись поздно, после того, как праздновали победу над леопардом.

Я вернулся в палатку-столовую, чтобы позавтракать. Там меня ждали доставленные авиапочтой из Лондона газеты, несколько номеров «Таймс» и один — «Дейли телеграф», которые я не читал, вот я и отодвинул мысли в сторону и предался удовольствию чтения о нашем мире, начав с «Придворного циркуляра»⁶ и закончив регулярной колонкой, которую «Телеграф» посвящала деяниям сенатора Маккарти. Я много чего наслушался от европейцев о сенаторе и двух его ближайших помощниках и никогда не высказывал своего мнения о них, за исключением разве что дюжины раз, когда пытался объяснить, как это все работает на примере умного и богатого. Среди последней доставленной в лагерь партии книг были две и про

^[1]
^[5] Хью Кейси играл на позиции питчера за профессиональную бейсбольную команду «Бруклин доджерс» с 1939 по 1948 гг. При игре команды в защите от питчера зависит гораздо больше, чем от полевых игроков.

^[6] «Придворный циркуляр» — ежедневный бюллетень об участии членов королевской семьи в официальных мероприятиях.

сенатора, вот мы с Пи-эн-джи и пытались понять, какую же он из себя представляет проблему. Батя отказался читать эти книги, а саму проблему отмел с порога, сказав: «В жизни достаточно всякой мерзости и без необходимости читать об этом сенаторе, как бы там его ни звали».

Но нас с Пи-эн-джи продолжал интересовать и сам сенатор, и, особенно, два его помощника, и их шалости, поэтому в то утро я читал «Дейли телеграф» с явным удовольствием. Это вообще прекрасная газета, и в свое время я постоянно читал в ней все материалы о скачках. Но в Лойтокитоке в материалах о скачках оставалась исключительно информационная сторона. Во-первых, букмекеров здесь не было, во-вторых, сами скачки проходили неделей, а то и месяцем раньше. Из того, что я узнал вчера от мистера Сингха, вышло, что сделать ставку возможность все-таки оставалась. Но линии связи были очень уж ненадежными.

Мвенди в 1939 году

Той ночью я лежал и слушал голоса ночи и пытался их все понять. Кейти сказал очень правильные слова: никто не знал ночь. Но я собирался узнать ее, насколько возможно, в одиночку и на своих двоих. Я не хотел делить ночь с кем бы то ни было. Делить — это про деньги, но женщину ни с кем не делят, вот и я не хотел делить ночь. Я не мог заснуть и не принимал снотворное, потому что хотел слушать ночь и еще не решил, идти ли на охоту с восходом луны. У меня не было достаточного опыта в обращении с копьем, чтобы охотиться в одиночку и не попасть в беду, и я знал, что мой долг (не говоря уж об удовольствии) — быть в лагере и ждать мисс Мэри, которая уехала к парикмахеру в Найроби… Я подумал, что добрая половина моей жизни приходится на ночь, и, наверное, ее следует признавать лучшей, потому что проведена она с женщинами, которые никак не могли получить оргазм или получали его очень легко, гасили сигареты в пепельнице и начинали свои предложения словом «дорогой».

Слово это мужчина не может слышать бессчетное число раз, а у погашенных в пепельнице окурков такой отвратительный запах, вот я и подумал, что мысли эти не вдохновляют, не радуют, не дают пищи уму и сердцу, и прислушивался к ночи, обыкновенной ночи, обещающей и манящей, как шлюха, но только не для меня, потому что я слишком долго не спал и, слушая ночь, я незаметно заснул.

Не было еще ни одной проведенной в одиночестве ночи, когда бы меня не посещали приятные или, напротив, жуткие сны. Иногда их трудно запомнить, особенно если тебя разбудили выстрелы из пистолетов, винтовок, автоматов, или телефон, или раздраженная жена; но обычно сны не уходили совсем, и этой ночью мне приснилось, что я — в гостинице или, вернее, в Gasthaus, в кантоне Вод в Швейцарии. Со мной — моя первая и самая любимая жена — мать моего старшего сына, и мы спали, крепко прижавшись друг к другу, чтобы сохранить тепло и потому, что именно так лучше всего спится, если люди любят друг друга и ночь холодная. Фасад гостиницы и беседку увивали ветви глицинии, или винограда, и каштаны в цвету напоминали залитые воском канделябры. Мы сбирались на рыбалку на Ронский канал, а за день до этого сна удили в Штокальпере. От талых вод обе речушки обрели молочный цвет, и стояла ранняя весна. Моя первая и лучшая жена, как всегда, крепко спала, и я чувствовал аромат ее тела и цветущих каштанов, идущее от нее тепло, и голова ее лежала у меня под подбородком, и мы спали,

доверчиво прижавшись друг к другу, как котятя. Тогда мне, случалось, снились плохие сны, вызванные наследием или последствиями скверно организованной войны, и в такие ночи меня интересовал только сам сон. Но той ночью в моем сне я спал счастливо, обняв свою любимую, и ее голова покоилась у меня под подбородком. Проснувшись, я с изумлением думал о том, сколько возлюбленных, которым мы храним верность, пока не перестаем ее хранить, может быть у женщины, и еще о том, как меняются нормы морали от страны к стране, и о том, кто же все-таки может точно знать, что есть грех.

У Нгуи было пять жен, это мы знали наверняка, и двадцать голов скота, хотя вот тут сомнений хватало. У меня, согласно американским законам, была одна законная жена, но все с уважением вспоминали мисс Полин⁷ которая приезжала в Африку много лет назад, и наши друзья, особенно Кейти и Мвенди, любили и восторгались ею и, по-моему, считали ее моей темноволосой женой-индианкой, а Мэри — белокурой женой-индианкой. Они не сомневались, что, пока мы с Мэри находимся в Африке, мисс Полин присматривает дома за шамбой, и я не говорил им о смерти мисс Полин, потому что их бы это опечалило. Никто также никогда не рассказывал им о другой жене, которая им наверняка бы не понравилась. Считалось само собой разумеющимся, причем так думали даже наиболее консервативные и скептически настроенные старейшины, что у меня, если уж у Нгуи пять жен, в силу различия в нашем финансовом положении должно их быть, по крайней мере, двенадцать.

Полагали также, что я был женат и на мисс Марлен, которая, судя по полученным мною фотографиям и письмам, работала в принадлежащей мне небольшой увеселительной шамбе, именуемой Лас Вегас. Они знали мисс Марлен как автора «Лили Марлен», и многие люди действительно думали, что зовут ее Лили Марлен, и все мы сотни раз слушали на старом патефоне ее песню «Джонни», и следующей была мелодия «Рапсодия в стиле блюз», и мисс Марлен пела о «кудельках вокруг вымени»⁸. Мелодия эта всех глубоко трогала, и, порой, когда я пребывал в мрачном или подавленном состоянии, находясь вдали от своей увеселительной шамбы, Моло, старший брат Нгуи, спрашивал: «Кудельки вокруг вымени»? И я просил поставить пластинку, и он заводил патефон, и все мы с удовольствием слушали красивый, глубокий, необыкновенный голос женщины, которая никогда не была моей женой, пела в увеселительной шамбе и так успешно и преданно ею управляла.

Мвенди в 1939 году

Наверное, потому, что я не спал и сомневался, удастся ли мне вообще заснуть, мне вспомнилась еще одна девушка, которую в свое время знал и очень любил. Это была стройная американка, с ногами от плеч, с обычными для американок роскошными буферами, которые особенно нравятся тем, кто не познал прелестей небольшой, упругой, правильной формы груди. Но эта девочка, с красивыми ногами негритянки и такая очаровательная, постоянно на что-нибудь жаловалась. Ночью, пока не спалось, мысли

^[2]
^[7] Пфейфер, Полин — американская журналистка, вторая жена Эрнеста Хемингуэя.

^[8] «Мотыльки вокруг пламени» — слова из песни «Влюбляясь вновь», которую Марлен Дитрих исполняла в фильме «Голубой ангел».

о ней доставляли удовольствие, и я вспоминал ее, и коттедж, и Ки Уэст, и охотничий домик, и различные игорные заведения, где мы бывали, и пронизывающий утренний холод, когда мы вместе охотились, и порывистый ночной ветер, и вкус горного воздуха, и запах шалфея в те дни, когда она еще интересовалась охотой на что-либо, помимо денег. Человек никогда не бывает по-настоящему одинок; даже когда в предполагаемой тьме души время останавливается в три часа утра, это лучшие часы человека, если только он не алкоголик и не страшится ночи и того, что принесет грядущий день. В свое время я боялся ничуть не меньше, чем любой человек, а может быть, даже больше. Но с годами страх стал казаться мне своего рода глупостью, такой, как, например, превышение банковского кредита, заражение венерическим заболеванием или страстиe к наркотикам. Страх — порок молодости, и, хотя мне нравилось ощущать его приближение, этим страх не отличался от остальных пороков, все же испытывать его было недостойно взрослого мужчины, и единственное, чего ему следовало бояться, так это столкновения с настоящей и неминуемой опасностью. Вот этого момента упустить нельзя, как нельзя терять контроль над собой, если ты несешь ответственность за жизнь других. При встрече с настоящей опасностью от инстинктивного страха кожу головы начинает покалывать, а если ты утратил подобную реакцию, значит, пора заняться чем-нибудь другим. Вот тут я подумал о мисс Мэри и о том, какой смелой она показывала себя все девяносто шесть дней охоты на льва, учитывая, что из-за небольшого роста никак не могла толком высмотреть его, и как однажды Чейро, преданный и любивший мисс Мэри, но старый и уставший от погони за львом, что особенно проявилось у Магади, сказал мне: «Бвана, убей льва, и покончим с этим. Женщине не дано убить льва».

Но мы продолжали казавшееся бесконечным преследование, и мисс Мэри убила своего льва. Но потом дело приняло неудачный оборот, и Мэри засомневалась в нас всех.

В Африке всегда пребываешь в состоянии счастливого беззаботного отчаяния, но из всех нас лишь один Осведомитель испытывал сожаление. Он таскал его с собой, как носят бабуина на плече. Римос⁹ — прекрасная кличка для скаковой лошади, но плохой попутчик в жизни. У меня была воистину восхитительная бабушка с лицом ангела, если бы ангелы были орлами, и однажды она сказала мне, написав объяснительную записку по поводу моего шестидневного отсутствия в школе (я получил сотрясение мозга, боксируя под чужой фамилией, потому что никто бы не заплатил ни цента, чтобы посмотреть, как дерется мальчишка с фамилией Хемингуэй):

— Эрни, обещай мне делать только то, чего тебе действительно хочется. Всегда так поступай. Я уже стара, и я всегда старалась быть хорошей женой твоему деду, а ты сам знаешь, как с ним подчас трудно. Но я хочу, чтобы ты запомнил, Эрни. Ты запомнишь, Эрни?

— Да, бабушка, я могу запомнить все, кроме тех шести раундов.

— Не в них дело, — она покачала головой. — А теперь запомнай. В жизни я сожалею только о том, чего не сделала.

— Спасибо большое, бабушка. Я постараюсь запомнить. ☞

^[3]
^[9] Римос — от английского слова getorse, одно из значений которого — сожаление.

Прекрасная ЛИТВИНКА

Как она рыдала! Как билась в руках у ближних боярынь, рвала на себе волосы, царапала лицо! Как кидалась на грудь к супругу своему — еще утром великому князю Всея Руси Василию Ивановичу, а теперь — преставившемуся схимнику Варлааму. Успели великого князя перед кончиной в монахи постричь, а она, супруга его любимая, мать двоих долгожданных сыновей, осталась вдовицей неутешной, горькой... И даже самый внимательный взгляд не различил бы в причитаниях и рыданиях княгини Елены Васильевны ноток истерического смеха. Она была свободна! Она могла любить того, кто был светом ее очей уже много лет. И — главное — она могла править! Сама править этой великой державой, этой загадочной Русью, княгиней которой стала по капризу уже немолодого великого князя. Ныне — покойного...

Князь Михаил Львович Глинский на своем веку много повидал: и ласку государеву, и опалу, и даже в темнице под кремлевской башней сиживал. Возрос и возмужал он при дворе германского императора Максимилиана, затем служил Альбрехту Саксонскому, а будучи в Италии, даже принял католичество. Не помогло: польский король Сигизмунд «московита» все едино не жаловал, наоборот, отобрал все должности и владения. Пришлось князю со всей семьей бежать в Москву — к великому князю Василию III Ивановичу. А тот повелел новому своему слуге немедля идти «поляков воевать», ибо зарился король Сигизмунд на исконно русские владения.

Михаил Глинский не оплошал: поляков побил и, победно пройдя через всю Литву, вступил в Великий Новгород. За то великий князь Московский пожаловал его городами Малым Ярославцем и Медынью, да еще полки дал для обережения литовской вотчины. С этими полками Глинский отвоевал у поляков Смоленск и уже видел его своим городом, да только...

Смоленска великий князь ему не дал, и Глинский, в обиду великой, тайно написал польскому королю, что готов служить ему верой и правдой. Да только перехватили то письмо шпионы великого князя, и угодил Михаил Львович на полгода в подземную темницу. А выйдя оттуда, зарекся королям и великим князьям служить, построил себе под Москвой усадьбу и засел там бирюком — с женой и чадами, вдовой брата Василия Анной и ее единственной дочерью Еленой, которую воспитывал, как родную.

В этой-то усадьбе и увидел великий князь Московский свою будущую супругу, когда после долгой охоты в местных лесах заехал к полуопальному боярину...

Большинство летописцев согласно указывают, что в последних числах ноября 1525 года великий князь Василий III развелся со своей женой — великой княгиней Соломонией после примерно двадцати одного года совместной жизни. Причина развода — отсутствие наследников, «бесплодие» супруги. Двадцать лет терпел подле себя Василий Иванович «бесплодную смоковницу», супругу свою законную, потому что не было тогда на Руси женщины краше Великой княгини.

Светлана
Бестужева-Лада

иллюстрация
Лев
Рябинин

Но вот узрел великий князь Елену Глинскую — темно-волосую, синеглазую, с точеными тонкими чертами лица и вишневым ртом... На русских белотелых, пышных, плаксивых и не в меру стыдливых боярышень она ни капельки не походила: выросла в Ливонии, где нравы были иными. Мужчин не дичилась ни капли, любила верховую езду, танцы да охоту, в ненастные вечера читала книги: знала княжна немецкий и польский языки, говорила и писала по-латыни. Рукоделие не жаловала вовсе. Глянула на Василия Ивановича — и пропал почти пятидесятилетний крепкий мужчина, теперь все его мысли были только о «прекрасной литвинке».

И еще, конечно, о том, как расторгнуть первый брак. Насильственное пострижение великой княгини Соломонии произошло в Рождественском монастыре, возле современной Трубной площади. Синодальная летопись уточняет: «...и послал в Суздаль к Покрову в девичь монастырь; а постриг ее на Москве, у Рождестве Пречистые за Пушечными избами в девиче монастыре Никольский игумен Давид».

Развод великого князя был беспрецедентным шагом для Руси того времени. Во-первых, уход в монастырь одного из супругов дозволялся православной церковью лишь при обоюдном согласии обоих; во-вторых, ни о каком новом браке при живой первой жене и речи быть не могло! Если вообще второй брак (после смерти жены или мужа) церковь допускала с трудом, считая его «полузаконным», то этот никаким образом не мог быть оправдан и расценивался как прелюбодеяние.

Против Василия III резко выступила часть боярства и духовенства, тем более, что решение о женитьбе на Елене Глинской означало приближение к трону ее родичей и утрату реального влияния на государственные дела и Сабуровых, родственников Соломонии, и братьев великого князя — Юрия и Андрея Ивановичей, уже привыкших считать себя прямыми наследниками престола московского. Да и сама Соломония отнюдь не смирилась со своей отставкой.

Современники вспоминали, что бывшая великая княгиня от пострижения отбивалась, сорвала с себя и топтала ногами монашеский куколь. Но в конце концов, упав духом, громко заявила в присутствии всех, что надевает куколь против воли и по принуждению и призывает Бога в мстители столь великой обиды. Ее сослали в Суздаль, но уже через несколько месяцев поползли слухи, что Соломония беременна и вот-вот родит. Бесплодная-то?! Но в любом случае, родись у нее сын, именно он становился законным наследником престола московского.

Василий Иванович поспешил обвинить бывшую супругу в «непотребном блюде», но... и только. По слухам, старица Софья (под таким именем постригли Соломонию) родила сына Георгия и надежно спрятала его... при монастыре(?!). Любопытствующим же отвечала, что младенец помер...

После свадьбы супруг почти мгновенно оказался под каблучком маленьких сафьяновых сапожек Елены Глинской. Уже пожилой, по меркам того времени, великий князь Василий Иванович сбрил бороду и переменил полувизантийскую-полутатарскую одежду на польский кунтуш. Бояре обомлели от такого зрелища: не водилось на Руси никогда, чтобы муж скоблил лико в угоду своей супруге, а ей позволял присутствовать и при приемах иностранных послов, и при торжественных трапезах. И не только бояре — весь народ впал в великое изумление.

Возле Василия Ивановича тотчас же появились новые люди — прежде всего родственники, друзья и подруги его юной жены, веселые, молодые, совсем не похожие на степенных, молчаливых, скучных бояр, окружавших его недавно — старых, бородатых, одетых в длиннополые ферязи. Теперь около великого князя были братья Елены — Михаил и Иван, их жены — Аксинья и Ксения, и целый выводок молодых красавиц, боярынь да боярышень великой княгини — сестер Челяднинных, Третьяковых, княжон Волынской и Мстиславской.

Ближе прочих была Глинской Елена Федоровна Челяднина — родная сестра князя Ивана Федоровича Овчины — Тепелнёва-Оболенского — красавца, храбреца и прекрасного военачальника, украдкой бросавшего влюбленные взоры на молодую великую княгиню. И бросал он эти взоры (а по сплетням — не только взоры бросал) всю жизнь, ибо пережил свою государыню очень ненадолго.

Шло время, а великая княгиня все так и оставалась «порожней». При дворе уже открыто поговаривали, что государь потомства иметь не может, что и первая его супруга забеременела в монастыре неизвестно от кого и родила не наследника престола, а обыкновенного «выблядка» (тогда еще это слово матерным и заторным не считалось, просто означало суть явления). Во всех монастырях молились за появление сына у великого князя, во всех церквах ставили за это свечи. Но лишь три с лишним года спустя, после очередного паломничества в Троице-Сергиев монастырь Елена Васильевна сообщила супругу долгожданную весть: «зачреватела» она. Василий Иванович так и бухнулся перед святыми иконами: свершилось!

Великая княгиня родила сына в пятницу, как раз в тот день, когда вихрь небывалой силы в жгут скрутил крест на Архангельском соборе и основательно разрушил постройки Чудова монастыря. И тут же поползли слухи, что это черти празднуют бесовскую свадьбу, и что младенец родился с дьявольской отметиной, так что, надобно ожидать на Руси бед великих, ежели унаследует он отцовский престол.

А государево чадо тем временем окрестили Иваном, в честь же его рождения счастливый отец повелел возвести в селе Коломенском под Москвою каменную церковь, да такую, какой нигде и никогда не бывало. И денег мастерам отсыпал — изрядно. Дива не было, что через полгода взметнулись над излучиной Москвы-реки белокаменные стены, увенчанные огромным шатром. А позлащенные купола сияли так, что были видны за двадцать верст — от самой первопрестольной. Подобного храма Русь еще не видела — един он был, храм Вознесения, возведенный в честь будущего государя Ивана Васильевича, Ивана Четвертого, Ивана Грозного...

Вот только на освящение храма великий князь приехать не смог: скрутила в одночасье лихоманка. Вместо него поехала... великая княгиня Елена Васильевна в сопровождении боярина Ивана Овчины Тепелнева-Оболенского. Была, конечно, при ней многочисленная свита, да злые языки трепали только одно имя — княгинино полюбивника. Нужды нет, что его сам государь к супруге в телохранители определил: всем известно, что державный супруг ни в чем не отказывал княгине Елене. Кто знает, может, и царевич-то Иван вовсе не Васильевич, а... Иванович. И не царевич вовсе, а выблядок...

Через год с небольшим после рождения Ивана великая княгиня родила второго сына — Юрия. Увы, младший

царевич не обладал богатырским здоровьем и вообще, как выяснилось чуть позже, был глухонемым и не вполне нормальным — «несмыслев и прост». Никого он особенно не интересовал, посему довольно благополучно прожил довольно долгую, по меркам тех времен, жизнь, причем в четырнадцать лет его женили на боярышне из влиятельного рода Палецких, дали в удел город Углич, а со временем чинно погребли в Архангельском соборе в Москве.

Великий князь Василий Иванович особо не скорбел, что младший сын у него убогонький: сам же молился перед иконами, клялся, что любое испытание достойно примет. Вот Бог и послал ему испытание. Зато старший сынок рос на радость родителям здоровым да смышленным.

Однако детство его было безоблачным лишь первые три года: в 1533 году отец царевича занемог.

Началось все, как обычно бывает, с пустяка: поехал государь на охоту, слегка простыл, и на левом бедре вскочила у него багровая болячка с булавочную головку. По ходу путешествия царь еще бывал в пирах у местной знати, но выпивалось уже без удовольствия и до бани доходилось «с нуждой». Охота не ладилась — зверь непонятным обычаем ускользал. Сначала царь еще выдерживал пару верст в седле, потом и за столом сидел на подушках, а там и слег вовсе.

Приехал тесть — Михаил Глинский — с двумя иностранными врачами. Стали они прикладывать к болячке верное средство — пшеничную муку с пресным медом и печеным луком. Болячка стала «рдеть и загниваться», лекари уже только руками разводили.

С охоты Василия Ивановича везли уже в крытых саянях. По дороге нарыв прорвало, из боку выскочил гнойный стержень чуть ли не в аршин длиною, и вытекло больше таза гноя. Опухоль спала, и появилась надежда на полное выздоровление и благополучное возвращение в Москву. По дороге в храмах великий князь слушал службы, лежа на паперти — стоять не мог.

В Москву въехали тайно, да не в саму столицу, а в подмосковное село Воробьево, где был летний дворец. Какое-то время ушло на то, чтобы соорудить особый мост через Москву-реку у Новодевичьего монастыря. Строили очень быстро, поэтому при въезде великокняжеского возка мост обломился. Стража еле успела подхватить возок на руки и обрубить упряжь. Въехали в Москву на пароме, а в Кремле Василий Иванович призвал к себе ближних бояр и объявил им свою последнюю волю: «Князю Михайле Глинскому, за сына моего Ивана и за жену мою, и за сына моего князя Юрья кровь свою пролить и тело свое на раздробление дать, коли нужда будет... Князю Ивану Овчине-Тепелневу-Оболенскому помогать князю Глинскому, да вдовой великой княгине держать государство под сыном до его возмужания».

Последние часы Василия прошли в усилиях спасти душу: его успели постричь в монахи под именем Варлаама. Скончался он в ночь со среды на четверг 3 декабря 1533 года. Елену Васильевну, обессилевшую и полумертвую от слез, унесли в ее покои, откуда она не выходила до похорон.

После отпевания и похорон государя, после сороковин короновали на царство малолетнего Ивана, которому принесли присягу все, даже родные дядья, которые вроде бы навсегда отказались от мечты о власти. Но Елена Васильевна подозревала, что все это — только слова, и что на деле и ее жизнь, и жизни ее детей висят на тонюсеньком

волоске: боярская Дума признавала только власть великого князя, да не всякого, а показавшего себя крутым и бескомпромиссным владыкой. Какой владыка из Ванюшки, когда он еще за материнский подол держится?

Не прошло и года со смерти Василия Ивановича, как князь Иван Овчина-Тепелнев-Оболенский чуть ли не открыто стал вхож в опочивальню великой княгини... Сама она большого греха в том не видела: вдова — не мужняя жена и не девка, себя блюсти строго не обязана. Да только в народе поговаривали, что «литвинка» ворожьбою извела государя, теперь вот присушила к себе первого красавца на Руси и вообще — не от него ли и чада ее? Вон как государь малолетний, Иван свет Васильевич, на боярина Овчину-Тепелнева-Оболенского похож: одна стать, одна походка и в профиль ястреба напоминает... Тому ли государю присягали? И не возжелает ли молодая вдова с полюбивником обвенчаться? Тогда на престол уж точно воссядет не Юрий-кович (пусть и сомнительный). Того ни Шуйские, ни Воротыньские, ни, разумеется, Глинские допустить не могли.

А то, что Елена в правление государством стала открыто вмешиваться, и вовсе переполнило чашу терпения. Боярская Дума и ахнуть не успела, как увидела великую княгиню Елену единоличной правительницей России на правах регентши при малолетнем Иване. Пробовали заговоры устраивать, но хитрая литвинка наводнила Москву своими шпионами, и многие заговорщики томились в подземных казематах, а иные и головы лишились — «страху другим ради». Крута оказалась на расправу «прекрасная литвинка».

Ей удалось раскрыть несколько боярских заговоров, ставивших целью ее свержение, и она сумела, хотя это и потребовало от нее неоднократного пренебрежения нравственными нормами, удержаться на престоле. Зато старший ее сын, Иван, жил в обстановке такой ненависти и такого страха, что это навсегда наложило неизгладимый отпечаток на его характер и психику. И немудрено. Расправившись с очередным врагом, матушка вопрошала любимое чадо, крутившееся подле нее:

— Что должен делать государь-батюшка с изменниками? — Наказывать, матушка, — со знанием дела пищал малолетний «государь-батюшка».

— И как же ты будешь их наказывать, государь? — продолжала «урок» Елена Васильевна.

— Вот как! Вот как! — упоенно визжал Ванечка и что было сил молотил по пухлому заду боярыню или девку, на свою беду подвернувшуюся под государеву ручонку.

Неведомо ему было, что маменька изменников наказывала по-другому: ободрать кнутом для начала, а потом тихонько удавить в глухих кремлевских подвалах. Оба его родных дяди уже отмучились, а их удельные княжества — Дмитровское и Старицкое — без особого шума были присоединены к княжеству Московскому. Много позже возмужавший и ставший Грозным Иван Васильевич по достоинству оценит политику своей матушки и станет ее достойным преемником. В том числе и по отношению к слишком своевольным боярам.

Но за пять лет своего регентства Елена Глинская успела сделать столько, сколько не каждый мужчина-правитель успевает свершить за десятилетия. Литовский король Сигизмунд обманулся в расчетах на внутренние смуты и бессилие государства, руководимого женщиной: он начал в 1534 году войну против России и проиграл ее. Правительство Глинской беспрерывно вело запутанные интриги в

области международной дипломатии, пытаюсь одержать верх в соперничестве с казанским и крымским ханами, еще полвека назад чувствовавшими себя господами на русской земле.

Княгиня Елена Васильевна сама вела переговоры и сама принимала решения. В 1537 году, благодаря ее дальновидным замыслам, Россия заключила договор со Швецией о свободной торговле и благожелательном нейтралитете.

Но самое большое достижение великой княгини Елены — денежная реформа, едва ли не первая на Руси. Основной монетой тогда была «деньга», причем существовала она в двух вариантах: московском и новгородском. А в 1535 году вышел указ: «отставиша торговати старыми деньгами и начаша торговати деньгами новыми, копейками».

Проще говоря, многочисленные резаные и поддельные серебряные монеты было приказано перелить в новые, на которых был изображен великий князь на коне с копьем в руке. Деньги эти и называть стали соответственно — копейками. Весила серебряная монетка 0,68 г., а одна четвертая часть копейки называлась полушкой. Таким образом, произошло установление единой монетной системы, а также унификация чеканки монеты — весомый шаг для стабилизации экономики Руси. И этого бояре тоже не собирались прощать регентше: стабильная экономика укрепляла государство, а сильное государство лишало бояр возможности самоуправствовать.

Внутренняя политика Елены Глинской также отличалась большой активностью. Подобно княгине Ольге, основавшей в X в. немало новых поселений, Елена Васильевна отдала приказ о построении городов на литовских границах, о восстановлении Устюга и Ярославля. В богатую Московию потянулись эмигранты из других стран, только из Литвы выехало 300 семей.

В годы правления Елены Глинской началось и проведение так называемой «губной реформы». Губные старосты были выборными лицами из местных дворян и становились судебными исполнителями. В помощь им избирались старосты, сотские и «лучшие люди» из крестьян и посадских людей. Это стало еще одним ударом по наместникам и волостелям и в то же время усилением «снизу» формирующегося сословно-представительного государства.

Но это все было настолько скучно и неинтересно — ни заговоров, ни войны, ни, на худой конец, таинственных младенцев. Старица Софья, в миру — великая княгиня Соломония, затихла в своей Суздальской обители, никак не напоминая о себе нынешней государыне. Маленький царь Иван рос, как говорится, не по дням, а по часам, а младшенький, Юрий, оставался всецело на попечении мамок и нянек, поскольку болел непрерывно и только раздражал Елену своим невнятным писком.

И еще раздражало ее то, что Иван Овчина-Оболенский накрепко привязался к маленькому великому князю. Учил его ездить верхом, стрелять из лука и драть вожжами нерадивых холопов. Понятно, что любил его мальчик немерено и только что не бегал за своим старшим другом, как собачонка.

А власть — она ведь кружит голову сильнее любви. Уже и полубовник Елене Васильевне стал не нужен, да как от него избавиться? Уже бродили в ее красивой головке мысли отправить ненаглядного посланца куда-нибудь подальше. Вот лето наступит...

А пока наступала весна, заканчивался Великий Пост. Пасха в том году была ранней, на середину апреля выпадала, до

Страстной недели — рукой подать. Потому не пила государыня вина, не ела скоромного, только в одном строгий пост нарушала: каждое утро подавали ей творог, и ела она его с солью, как еще с детства, с отчего дома, привыкла.

В то утро Елена вышла к первой трапезе выпавшаяся, веселая, даже приказала старшего сыночка привести, чтобы вместе позавтракать. Придвинула к себе мисочку с творогом, круто присолила, взяла в рот первую ложку и... сморщилась. Горчил творог.

— Уберите, — приказала она девкам. — Не стану есть.

— И я не стану! — радостно закричал Иванушка, колотя ложкой по столу. — И я не буду, коли матушка не кушает!

— Еще как будешь, — погрозила ему перстом Елена.

Придвинула снова миску, через силу проглотила пару ложек. Нет, горький был творог, так и стояли его комки поперек горла. И голову точно железным обручем стянуло.

— Неможется мне что-то, — прошептала она. — Лекаря позовите...

Всю неделю в церквах шли службы, священники и монахи денно и ночью пели псалмы за выздоровление пресветлой государыни. Немецкие лекари, призванные к Елене Васильевне, руками разводили: отравили, спасти невозможно. Теперь лишь сон и покой.

Навзрыд рыдал у постели умирающей князь Овчина-Телепнев, горько плакал малолетний государь Иван. Но Елена уже никого не узнавала, почти все время была в забытьи, хотя иногда все же приходила в сознание и просила клюквенного киселя.

— Сына позовите, — вдруг внятно промолвила государыня. — Увидеть его хочу... в последний раз.

И взгляд ее окончательно застыл...

Московскую государыню похоронили на Благовещение. С самого утра вдруг повалил густой снег, однако московиты проводили свою государыню в последний путь чуть ли не всем городом, пусть и «литовка», она давно стала для них своей, мудрой и милостивой правительницей, надевшей узду на алчных и своевольных бояр и давшей простому люду свободно вздохнуть.

А на девятый день на двор к князю Ивану Овчине-Оболенскому всем миром ввалились бояре в сопровождении вооруженных дружинников. Первым шел Василий Шуйский.

— Стало быть, на девятый день пришли? — встретил их на крыльце хозяин.

— Нешто ты, Ванька, думал, что я стану сорочин дожидаться? — усмехнулся Шуйский. — Полубовницу твою, гадюку литовскую, зарыли... Собирайся и ты теперь.

— На погост, что ли? — усмехнулся в ответ князь Иван.

— В гости. Любил ты со своей зазной людишек в подземелье саживать, вот теперь и сам там посидишь... охолонешься.

Через полгода, по случаю своей свадьбы, князь Василий Шуйский приказал накормить и напоить всех узников «от его стола». Ивану Овчине-Телепневу принесли сдобный калач и огромный кубок с вином. Но на сей раз Шуйский не прибеж к яду: задремавшего после необычной сытной и хмельной трапезы князя Ивана удавили железной цепью...

Через пятнадцать лет царь Иван Васильевич Грозный отомстит боярам и за смерть матери, и за гибель своего любимца. Страшно отомстит: зальет кровью всю землю русскую.

А началось-то все с прекрасных синих очей юной литвинки, волею судьбы попавшей в Московию. ☞

dvd

Кирилл Подоляк
dvd-бульвар

**«Мадагаскар-2»
(Madagascar: Escape 2 Africa)**
США, комедия, 92 мин.
Режиссеры: Э. Дарнелл,
Т. МакГрат, в ролях: Б. Мак,
Б. Стиллер, С. Барон Коэн,
Д. Швиммер, 2007 (2008 в РФ)

Современные создатели фильмов с завидной регулярностью оставляют себе заделы на будущее с целью заработать на полубовнивших героях. Зрителю традиционно запомнились самые смешные и яркие персонажи первой серии, например, «пингвиний спецназ», и вполне логично, что при просмотре второй части он будет ждать их появления. Как мы помним, звери, окрыленные жаждой свободы, бежали из Нью-Йоркского зоопарка и попали на Мадагаскар. Во второй серии они решают бежать от «свободы», и их заносит в Африку, где лев Алекс встречает свою семью, но при этом ощущает огромную пропасть между собой и родней... Ждем продолжения в стиле «Back To Зоопарк». Главное, чтобы американцам не сказали, что между США и Африкой еще много мест, куда может занести героев.

**«Драма/Мекс»
(Drama/Mex)**
Мексика, драма (авторское кино), 92 мин. Режиссер Х. Наранхо, в ролях: Ф. Бесериль, М. Моро, Х.П. Кастаньеда, Э. Вальдес, 2006 (2008 в РФ)

Авторское кино, игнорируя общественный вкус, редко становится популярным. В итоге, подобные картины ценятся лишь приверженцами кино-арта и фестивальными критиками. В данном же случае у нас имеется нечто авангардное и из ряда вон выходящее. Видеоряд знаменует собой оригинальный подход — все снято на любительские камеры, при этом на разные модели. Херардо преследовал именно такую цель — создание фильма, близкого к зрителю ощущением домашней, непрофессиональной съемки. Сюжет делится на три взаимосвязанных линии, события разворачиваются стремительно. Дело происходит в Мексике на курорте Акапулько. Фильм не претендует на гениальность сюжета, он скорее показывает жизнь молодых людей, попутно рассуждая о ней. В руках молодого режиссера камера превращается в перо, которым пишется история.

**«Марадона»
(Maradona by Kusturica)**
Франция, Испания, документальный, 90 мин.
Режиссер Э. Кустурица,
в ролях: Э. Кустурица,
Д.А. Марадона, 2008

Это интересная совместная работа легендарных режиссера и футболиста, оформленная в виде интервью или репортажа. Эмир ведет беседу с Диего, как со старым знакомым, расспрашивая о насыщенной жизни спортсмена. Зритель видит факты из жизни футболиста, правленные документальными съемками: восхождение к Олимпу славы, период величия, внезапное падение и спасение. Простое жизнеописание было бы не столь интересно без раскрытия интересных фактов. Документальный характер картины не исключает ни режиссерской, ни операторской работы, выполненной профессионализмом. Фильм достоин внимания, хотя бы ради того, чтобы узнать, как все было на самом деле...

**«Заложница»
(Taken)**
Франция, триллер, 93 мин.
Режиссер П. Морел,
в ролях: Л. Нисон, М. Грэйс,
Ф. Янссен, К. Беркли, 2008

Неподражаемый Люк Бессон поймал волну и стремительно движется к астрономической популярности среди любителей современного кино. Пусть сюжеты его картин банальны, предсказуемы задолго до начала просмотра, зато интересно, чем все закончится. В наших руках очередная картина Люка, попавшая в категорию легких фильмов для одноразового просмотра. Из названия угадывается как минимум содержание трети истории. Стрельба, погони, рукопашные схватки, море драматизма, и все это во французско-бессоновском неподражаемом стиле. Ход событий местами сумбурен, не всегда логичен, смущает и выбор главного героя (роль, кажется, совсем не его). При просмотре чувствуются параллели с фильмом «Коммандос» со Шварценеггером в главной роли. Но... отбросив предвзятость, все равно интересно, захватывающе и достойно внимания ценителей кино.

После выхода третьей книги повестей и рассказов Бориса Пантелеймонова «Золотое число» Надежда Александровна Тэффи писала: «Он уже занял место в первых рядах не зарубежной, а нашей большой русской литературы». Сказано это было в 1949 году, почти полвека назад. А через год писателя не стало. Четвертый его сборник под названием «Последняя книга» вышел уже посмертно, в 1952 году. Часто о писателях пишут: «Он оставил огромное литературное наследие, которое еще не изучено». К Борису Григорьевичу Пантелеймонову эти слова не могут быть применимы. Почти все им написанное вошло в четыре небольших книги, наследие отнюдь не огромное. И почти все, что можно было сказать о творчестве Пантелеймонова, было сказано при его жизни или вскоре после смерти Н.А.Тэффи,

А.М.Ремизовым, Г.В.Адамовичем и еще несколькими писателями и критиками. Его высоко ценил И.А.Бунин. Трогательная нежная дружба связывала Бунина, Тэффи и Пантелеймонова в последние годы его жизни. Они ушли из жизни один за другим — Пантелеймонов — в 1950, Тэффи — в 1952, Бунин — в 1953 году. Пантелеймонов был самым молодым из них — ему едва исполнилось шестьдесят два года. Он и писателем был молодым, несмотря на возраст — первая его книга вышла в 1947 году. А до этого — большая жизнь в науке. Крупный ученый-химик, посланный во второй половине 20-х годов за границу в научную командировку, он стал невозвращенцем. Открыл в Париже большую химическую лабораторию. В годы войны участвовал в Сопротивлении. Как писателя его сравнивали с Пришвиным, Маминым-

Сибиряком, Ремизовым и вместе с тем отмечали, что Пантелеймонов — самостоятельный, оригинальный художник, со своим ощущением жизни, с присущим ему своеобразным стилем. Прозрачность и ясность рисунка его прозы, неожиданные художественные образы, пронизывающее его творчество радостное, любовное отношение ко всему живому, гимн единству человека и природы — все это делает Бориса Пантелеймонова удивительно современным писателем, хотя писал он, в основном, о том, что хорошо и досконально знал — о дореволюционной Сибири. К читателям на Родине Борис Пантелеймонов пришел одним из последних писателей Русского Зарубежья. И хочется надеяться, что его живое русское слово найдет отклик в душе человека двадцать первого столетия.

Страшная книга

Рассказ о Феде надо начать древним арабским заповедом:

«Хвала Аллаху, который одарил светочи ума светом вечного созерцания и создал человека в прекрасном образе, увенчав его венцом благодати».

В молодости пришлось мне видеть несчастного Федю, купца молодого и богатого, непривлекательного, однако, для женщин.

От разного страдает душа, но нет ужасней муки, на которую человек обрекает себя сам. Федя мучился страхом бедности.

Конечно, судьба богатого неизвестна — не пришлось бы однажды сказать о нем: «Погиб любимец судьбы, и скоро придется его кормить кому-либо из вас».

Льются слезы и через богатство, почетна и бедность, но мудрый просит Бога спасти его от того и другого.

Пришлось мне видеть Федю, его страдания и муки. Говорили, что сирота терзался ужасно. Оставшись без отца-без матери в тридцать лет, он не имел другого благосостояния как деньги.

А мудрые сказали, что иметь деньги — это пороку носить в кармане: нет тебе покоя ни днем, ни ночью. Нет у богатого и товарищей, даже родственников, — все хотят обмануть, вытянуть, перехитрить. Не лица видит такой человек, в личины. Не дружбу, а притворство. Не любовь, а коварство. И создавши богатого в прекрасном образе, Творец осудил его и на муку: едкое одиночество, презрение к ближнему, зависть к более богатому. Человек, это совершеннейшее создание, крутится только во зле, и нет в мире другого, как одно зло.

Сказано: не смерть страшна, а страх смерти. Мудрый не боится бедности, но сильнее его — страх потерять деньги.

Нельзя без содрогания видеть Федю: страдальческие складки, убитый взор, горькие речи, безнадёжность. Гибнет светлая молодость, черствеет сердце, и Федя ищет утешения в книге. Книги тоже: обман, глупость, баловство, пока не находит он старинную и действительно мудрую книгу — «О бедности и богатстве». Книга — из тех же

иллюстрация
Лев
Рябинин

публикация
Станислав
Никоненко

светочей, как творение Барзюя, главы персидских врачей и переписчика книги Бейдебы, философа индийского, главы брахманов, составившего когда-то книгу для Дабшалима, царя индийского. Да благословит Бог таких сочинителей, их род и их сподвижников.

С этой книгой Федя не расстается, читает днем и ночью, пока не выучил ее наизусть.

Вот оно, проклятие бедности, читает Федя.

«Сказано: несчастен тот, кто долго живет в нужде. Сказано: пусть считают скотом и коровой того, у кого нет иной заботы, кроме своего живота».

«Разве неправда? — думает Федя. — И разве не ждет и меня такая судьба, когда уйдут все деньги?»

И мысли его текут, как слова мудрой книги, тот же строй, та же горечь:

«Нет, видно, и путник, и брат, и родственник, и друг, и помощник следуют только из-за денег. Я не вижу, чтобы и доблесть обнаруживала что другое, кроме денег, и нет ни ума, ни силы, как только при деньгах. У кого нет денег, мешают ему бедность в достижении желаний, и перестает он стремиться к своей цели».

И в самом деле: уж на следующей странице он находит почти такие же мысли самого сочинителя:

«Я нашел, что брат неимущий не имеет ни семьи, ни детей, ни имени. И у кого нет денег, нет у того, в глазах людей, и ума, и не принадлежит ему ни здешняя, ни будущая жизнь. Бедный ненавидим даже ближним своим. И когда постигнет человека нужда, то бросают его братья и пренебрегают им его близкие. А иногда житейские нужды и потребности принуждают его искать удовлетворения этого средствами, коим он приносит в жертву честь свою и гибнет. Бывает, человек начнет заискивать у других. Но был ли кто на свете, который когда-нибудь заискивал у человека и не был бы унижен?»

Федя читает при свечке. Свечка-шестерик то удлиняет, то укорачивает свое желтое жало. Федя отстранил книгу, глаза устремляются на мрачные тени. Свеча, она всегда дает страшные тени. При таком свете легко кончить с собой, легко распалить в себе отчаяние.

«Бедного ненавидят все братья его, тем более удаляются от него друзья его, — терзает себя Федя дальше. — Бедность — вершина всех несчастий, навлекающая на бедняка злобу людей. Вместе с тем ею же похищаются ум и добродетель, и через нее уходит знание и благовоспитанность. Она — верховой конь для дурных мнений и место, где кончается стыд. А у кого пропадает стыд, уходит и радость, и встречает он злобу, а кто встречает злобу, тот бывает обижен, а кто обижен, тот печалится, пропадает у него разум, и плохи становятся память и ум. У кого же недостаток постигает ум, память и разум, у того большая часть его слов бывает против него, а не за него. Я обнаружил, что обедневшего человека начинает подозревать тот, кто прежде думал хорошо. Если согрешит другой, думают на него, и становится он мишенью для подозрений и злых мыслей. И нет качества, которое было бы для богатого в похвалу, а для бедного не стало бы порицанием. Если он храбр, его назовут опрометчивым, если он кроток, его назовут слабым, а если он исполнен достоинства, его назовут тупоумным. Погибель для бедных — их бедность, и смерть легче бедности. В одном осажденном городе нашелся человек умный, но бедный, и он спас этот город умом своим, однако никто не вспомнил об этом

бедном человеке. Ум лучше силы, однако же ум бедняка не уважается, и слова его не слушают».

Со стоном отрывается Федя от книги, где каждое слово вонзается в сердце, и босой идет к иконам, падает ниц, молит о спасении.

«Человек, пораженный нуждой и стеснением, от которых он не оправился, либо лишенный власти и богатства, бывшего в руке его, — на всякого такого человека не след спешить полагаться царю, доверять и верить ему...» — пребывает молитвенный строй его мыслей еще одно яркое место из книги, врезавшейся в память.

А шестерик бросает от Феде тень на стену — уродливая громадная обезьяна творит непонятное дело, или мохнатый ведьмак мечется от потолка к полу.

Но нет беспросветного горя. Загнанный в угол зверь решается на отчаянное и бросается, наконец, на своего мучителя.

Федя снимает комнату у вдовы-дьяконицы. Через нее просачивались в село слухи о какой-то страшной книге, о ночных бдениях Феде, разговорах с самим собой и о многом другом.

— Известно — деньги, до кого не доведись, разве сладко, — шепчет дьяконица.

— Раз такие деньги у человека — жениться надо, а то спятит, — вздыхает соседка.

Растворяются двери, мимо женщин проходит Федя: серый, под глазами круги, подозрительно оглядывается, губы крепко сжаты. Идет на могилку к родителям.

Сторож погоста не боится Феде, заметил его и подходит: — Убиваешься?

— Убиваюсь, — едва выговаривает Федя, губы у него, как из глины: тяжелые и вот-вот отвалятся.

— Ну, что ж, в час добрый, убивайся, пока жив. Разговор прекращается — сторож заметил две головы, показались и сразу спрятались за забором. Мальчишки дивуются на Федею. Сторож крадется, но мальчишки исчезают. Тишина. Федя чувствует себя, как береза в лесу, если с нее одной ободраны все листья — обездоленная.

Дьяконица нашептала отцу Василию, и однажды он пришел к Феде. Едва достучался — Федя не открывает кому попало. В комнате затхлый воздух — окна наглухо, смятая постель, неугасимая лампада перед образом. Отец Василий крестится на образа, а Федя прячет под подушку какую-то затрепанную книжку.

— Чего, Федор, сокрушаешься? — говорит отец Василий. — Дух человека дает пищу его болезни. Но духа уныния никто не может перенести. — Льет бальзам на истерзанную душу богача. — Надеющийся на свое богатство падет, но праведные расцветут, как молодой отпрыск. Умному нет радости в большом богатстве, ни печали в малости его, — поучает отец Василий, — богатство это, как тень облаков, дружба со злыми или ложная хвала — нет в этом постоянства.

Федя вздыхает, не смотрит на отца Василия, положил руки на колени, сидит, как у фотографа.

— Богатый человек — мудрец в глазах своих, но умный бедняк обличит его. Завистливый человек спешит к богатству и не знает, что нищета постигнет его. Посмотри, Федор, на бедного, ходящего в своей непорочности. Не печалься, если один день у тебя будет мало денег (Федя заметно вздрогнул), доблестный почитается и в бедности, яко лев, который внушает страх, даже когда он лежит не-

подвижно. А богатого презирают, если нет добродетели у него, как собаку, к которой относятся с презрением, хотя и разукрашена она ошейником. Быстро портит человека не нужда, а богатство. И деньги, и прочие блага жизни скоро приходят, когда приходят, и быстро уходят, когда уходят. Довольство жизнью лучше богатства.

Дверь приоткрывается, и дьяконица делает знаки, шепчет: «Вспрысните его святой водичкой, батюшка», но отец Василий сердито отмахивается.

— Ну, прощай, Федор, купеческий сын, — поднимается он, — помни: не тронет нужда душу бедного, и не унизит его, если душа еще жива, и нет пропасти, из которой Бог не поднял бы человека, если он достоин и хочет этого.

Федя остался один, ни жив, ни мертв: ему ясно — отец Василий не сомневается в его разорении, подготавливает его к страшной доле. Эта беседа, как соборование безнадежно больного.

Что будет делать человек, истомивший себя воздержанием? Как поведет себя закаявшийся пьяница, если его уверить, что все равно погибнет он под забором, сгорев от вина? Нет ли предела всякому терпению?

«Вот они — бедные, ходящие в своей непорочности», — думает Федя, выглядывая из окна на базарную площадь, куда сегодня съезжаются крестьяне со всей округи. Противные веселые морды — о чем таким печалиться? — раздражающий смех, глупые шутки. Животные, скоты.

«Но почему все-таки отец Василий приходил меня успокаивать своими речами? Что ему стало известно? Почему он хитрит со мной, не сказал прямо? Конечно, неспроста это...»

А что если... — вдруг ознобом мелькает у Феде мысль, — что если... Если вот взять, выйти сейчас на базар и поиздеваться над ними. Денег вам надо? Натe, жрите. Думали, я не вижу? Я все вижу. Натe, жрите. Еще? На, подавись.

Эта мысль, как стакан с ядом перед глазами отчаявшегося человека. Что если...

Но нет. Чего-чего, а этого они не дождутся. Шум на базаре, гогот, смех, песни — становится невыносимо.

Нет, этого они не дождутся, — думает Федя, — но посмеяться над ними...

Федя решительно берет шапку и выходит на базар. Особого переполоха его появление не произвело. Федя даже удивился. Впрочем, хитрят, наверно.

Идет по сенному ряду. Воз сена. Федя подходит, дернул за веревку — воз стянут слабо — обман. Засунул руку по локоть в сено, спрашивает:

— Ты это за воз продаешь?

— Известно, воз. Федя злобно взглянул и пошел дальше.

— Стой, купец, — кричит мужик, — сколько даешь? Ведь и цена по возу.

Но Федя — уже около овса. Берет горстку с воза, пересыпает с ладони на ладонь, отсеивает сор, пробует зерно на зуб, выплевывает.

— Сколько у тебя возов? — обращается к мужику, не спросив даже цену.

— У меня один, да вот у Семена два. Тебе сколько надо? — Десять возов, меньше не покупаю.

Федя идет дальше, а за его спиной удивленные взгляды, перешептывание, цены мчатся вверх, не подступись.

И где ни проходит Федя, после него — молчание. Заметно стих шум и гам — люди серьезные.

— Вот оно, не зря Федя сидел, дурачком прикидывался, — заявляет седой дед, — вот оно, теперь все скупит.

Базар кончился мрачно: никто не хотел продавать. Даже старуха — продает лук — подобрала губы, прикрыла юбкой лукошко и сидит не шелохнется — не дура, чтобы спускать по такой цене, что потом смеяться будет.

Вечером к дому дьяконицы подошла толпа. Впереди — седой дед, на вытянутых руках хлеб-соль на полотенце. Когда Федя вышел, то все сдернули шапки, подталкивают деда.

— Мир пришел поздравить тебя, Федя, с началом коммерции, — заявляет дед, — в добрый час!

Федя злобно взглянул на хитрецов, стоит, не шелохнется. А мир напирает:

— Не побрезгуй откушать у нас. Чествование происходит в избе старого деда. Федя мрачный. Беда видеть насквозь людей: не лица, а личные, не дружба, а притворство. А кругом сгущается воздух такой лести, что глаза на лоб. Но что-то казалось и правильным. Федя подобрел. Откушал стаканчик, другой.

В глубокую ночь на столе стоит лампа, стекло лопнуло, чадит коричневая от жары бумажка, приклеенная на дырку, к Феде тянется слюнявыми губами пьяный дед: — Друг наш, благодетель, Федя. Уж так за тебя сердце болит, чего ты сторонись. Да разве мы по корысти? Эх, поверь старому.

— Не имей сто рублей, имей сто друзей.

— С мира по нитке, голому рубашка.

— Один в поле не воин.

Слушает мудрые речи Федя, и сердце оттаивает. Умней мира не будешь. Что капитал без людей?

Под утро дьяконица встретила Федею со свечкой, сзади ее страшная тень к потолку, глаза у дьяконицы, как серебряные гривенники — крупные и тускло блестя: испугалась.

Федя — еще в кровати, не пришел в себя, как за дверью шум.

— Федя, здравствуй, — вваливается дед, в руке — бутылка водки, — вот, опохмелиться принесли, откушай немного, а больше ни-ни. Пьян да умен, два угожья в нем. Вот как мы. Пить умереть и не пить умереть. Во благовремени...

В пьяном наваждении вспоминает Федя только отдельные картины. Откуда эта солдатка? Чего лезет? Где он, опять у деда?

— Родимый, суженый. Сохну без тебя, не буду греха таить. Красавчик мой.

Жарко прижалась солдатка, впилась в Федею.

— Эй, почтенные, выйдем-ка на минутку! — распоряжается дед.

Опять пришел отец Василий.

— В каком ты образе, Феодор, — начинает он, — в каком подобии? Для чего деньги в руки безумного?

Федя угрюмо молчит.

— У кого горестные восклицания? У кого стоны? У кого ссоры? У кого пустословие? У кого безвинные побои? У кого мутные глаза? — восклицает отец Василий. — У тех, которые сидят до позднего времени за вином, у тех, которые хотят отведать напиток, растворенного с пряностями. Не смотри на вино, как оно краснеется, как оно искрится в чаше, упадает ровно. Впоследствии оно укусит, как змея, и ужалит, как василиск. Так говорит писание.

Федя безнадежно молчит. Отец Василий посмотрел на его синее, одуловатое лицо и, поднимаясь, скорбно говорит:

— И если какому человеку Бог дал богатство и имущество, и дал ему власть пользоваться от них и брать свою долю, и наслаждаться от трудов своих, то это дар Божий. А что ты делаешь с даром?

Стоя на пороге, он заключает:

— У богатого много друзей. Только что толку? С кем ты спутался, оглашенный?

В душе Федя считает, что во всех его несчастиях виноват отец Василий. Зачем, все-таки, он тогда, в первый раз, пришел к нему? Почему он его пугал, как будто Федя уже потерял деньги? Что ему было известно тогда, и почему он не сказал?

Правда, книжка терзала еще больше. Но то книжка, а то человек, священник. Не сам ли он говорил, что составлять много книг — конца не будет, и много читать утомительно для тела.

Нехорошо поступил отец Василий.

В угаре самого черного хмеля является Федя к отцу Василию. Батюшка возрадовался:

— Ну, вот, давно бы так. Каяться пришел?

— Церковь покупать пришел, — едва ворочая языком, говорит Федя. — Как капитал мне позволяет, то хочу купить себе церковь. Только цен я не знаю, почем они сейчас ходят. Ты уж определи правильно.

Отец Василий в испуге отшатывается, набирает воздух.

— Моя будет церковь, и пускать в нее будем по выбору, — торопится сказать Федя, — а колокола снимем, мне они в другом месте нужны будут.

— Они нам в другом месте надобны будут, — высовывается из-за спины Феде дед.

Что случилось, не поверить. Небывалое происшествие на базаре. Впереди идет дед, очищая дорогу Феде и его приближенным — пьяная ватага мужиков.

— Сейчас весь базар будем покупать, — объявляет дед. — Эй, говори ваши цены, покупаем все, знай наших.

Федя, не глядя, раздает кредитки — задаток по указанию деда. Мужики рвутся к купцу, отталкивая друг

друга, бабы надсадно кричат, вызывая отлучившегося мужа, дети заливаются плачем, со стороны видно только толпу, в середине которой скачет и беснуется дед, загоразивая Федю.

— Чей воз? — орет дед. — Покупаем, бери задаток. А это чей?

На другом конце базара — смятение.

— Война, — кричит на ходу мужиченко, — базар скупают! Для армии. Прикидываются пьяными. Гони, ребята, а то сейчас сюда дойдут. Спасай добро.

Скрипят возы, крики мужиков, две телеги сцепились втулками, не разъедутся, мужик впрягся в оглобли, лошадь была распряжена, тянет воз на себе, бабы воют:

— Война.

Впереди мчится старуха с лукошком, она все еще не продала лук, выжидает настоящую цену.

Перед домом дьяконицы — новый базар: сгоняют закупленные возы. Распоряжается дед:

— Которые с сеном, становись сюда в ряд. С овсом — туда. Это что? Рыба? Разве мы и рыбу купили? Ну, все равно — вали сюда. Соль? Вот кстати. Живей, православные, шевелись.

Федя стоит, прижавшись спиной к забору, лицо зеленое, глаза дикие, бросает мужикам деньги:

— Денег вам надо? Натe, жрите. Думали, я не вижу? Я все вижу. Натe, жрите. Еще? На, подавись.

После того, как Федю, связанного, безумного, увезли в город, дед разъярился:

— Книжка у него тяжелая была, книжка погубила Федю.

Погиб любимец судьбы. Но сочинение «О бедности и богатстве» — все-таки хорошая книга, хотя и не Барзудей написана. Да благословит Аллах память о сочинителе, — человеку из дома ума, образованности, достоинства, щедрости и благородства.

А что до Феде, то сказано: если человек пробует на себе яд змеи и умрет, то нет в этом вины на змею. ☐

cd

Кирилл Подольяк
cd-бульвар

President Evil «Hell in a Box»

(Германия, «припанкованный» Трэш). CD-Maximum (в РФ)

Прослушивая очередной диск, на ум все чаще приходят мысли о кризисе жанра в тяжелой музыке. Стиль, где возможно настоящее разнообразие, превратился в «салфетку», о которой упоминал ныне покойный Фредди Меркьюри. Наши сегодняшние герои — молодые немецкие парни, не претендующие на уникальность, да и вряд ли стремящиеся к ней. При записи своей второй работы они руководствовались слоганом: «Громче, веселее и побольше раздолбайства!» Результат подобного подхода характеризуется в том же духе — громко, задорно, молодо и безалаберно. В альбоме наблюдается горячая смесь самых разных направлений от тяжелого рок-н-ролла до брутального метала. Одним словом, демонстрация разнообразия во всей красе. Но ничего принципиально нового услышать не удалось, релиз получился проходным. Как говорится, музыка тоже бывает одноразовой.

Дмитерко Леонора «4 века русской классической музыки»

(Россия, классика). Extraphone, 2008

Классика занимает самые почетные места в музыкальном мире, тем не менее это не мешает ей быть не самым популярным направлением. Она живет своей жизнью и, к радости меломанов, активно развивается. Сегодняшняя героиня это подтверждает. Мы держим в руках новую работу Дмитерко, наполненную огромнейшей палитрой чувств, настроений и прочтений. Она постаралась в краткой форме показать веки развития отечественной классической музыки. В диск вошли произведения О.Козловского, А.Вьетана, П.И.Чайковского, Н.Римского-Корсакова, С.Рахманинова, М.Мусоргского, Ю.М.Александрова, А.Муравлёва, Т.Рубина и А.Эшпа. Центральное место отводится А.Эшпаю и транскрипциям его произведений для скрипки. Композиции исполнены эмоционально и с присущим скрипачке артистизмом. Работа достойна внимания ценителей самого высокого искусства.

Al Turner «Movin'»

(Германия, Jazz). Megawave Records, 2008

Джаз, как и классика, перекочевал на новый уровень потребления и восприятия слушателем. Он перестал быть творчеством для обширной аудитории, тем не менее продолжает эволюционировать, представляя на суд слушателя новые и новые произведения. Стоит отметить, что джаз условно делится на классический и коммерческий (музыка для торговых центров, ресторанов, мероприятий и так далее). Прослушивание новой работы Тернера наводит на мысли о последнем варианте. Релиз не дотягивает до категории для вдумчивого прослушивания. Альбом воспринимается либо целиком, либо вообще никак. Эл играет на бас-гитаре огромным количеством пассажей, ходов, мелодий. Хорошо проработаны партии саксофона, звучащие мягко и ненавязчиво. В целом же, диск достоин внимания ценителей хорошего музыкального сопровождения. Меломаны не разочаруются.

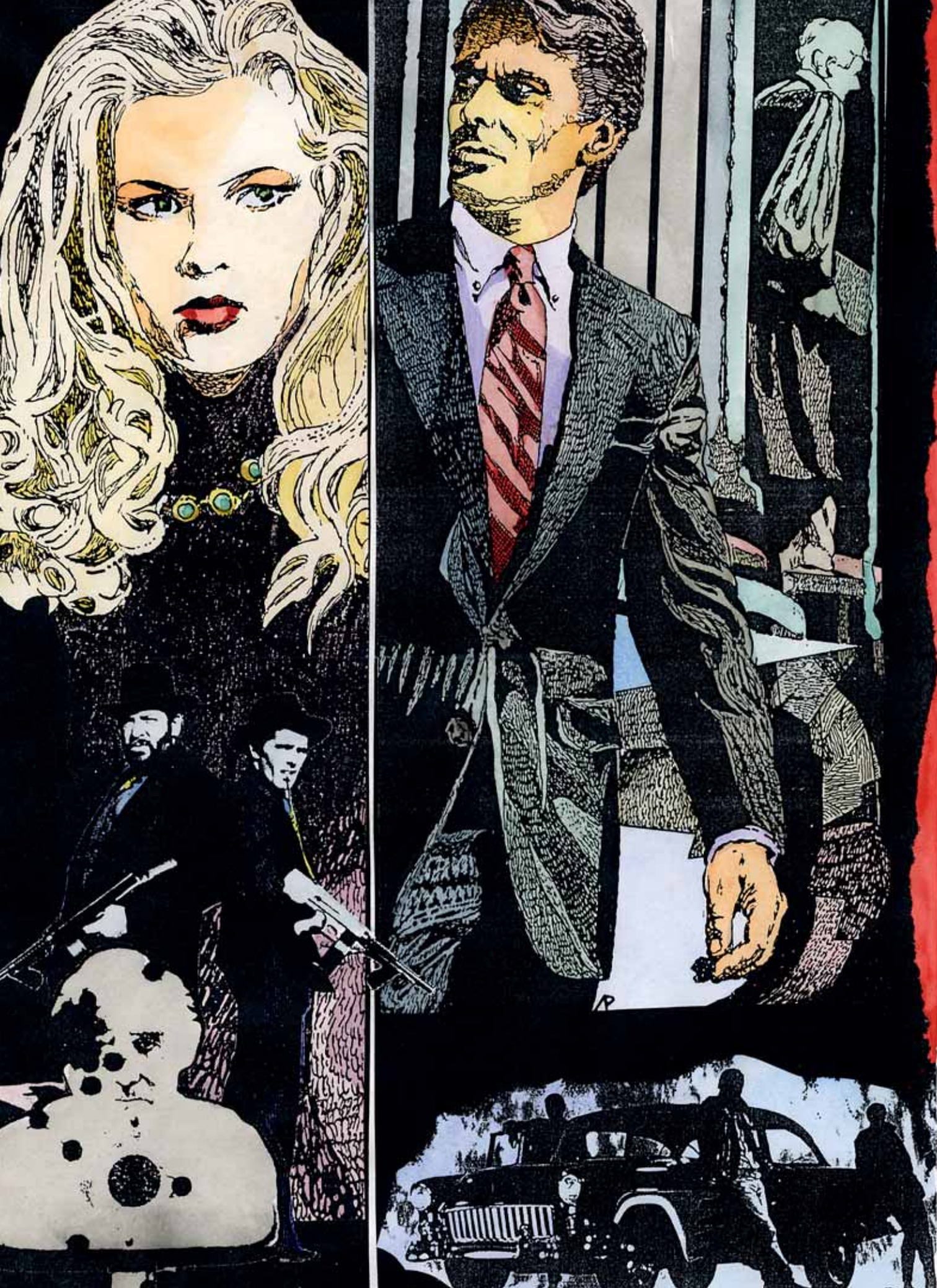

Karunesh «Enlightenment»

(Германия, New Age). Real Music, 2008

Музыка для медитации, йоги, релаксации — одно из самых неоднозначных направлений. Представляем новую работу одного из законодателей направления New Age. На самом деле, новым в релизе являются аранжировка, взгляд, некоторые инструменты, в остальном же — это известные и проверенные временем композиции автора, проще говоря, сборник. Вся работа имеет характерное восточное звучание, навеянное ассоциацией с Тибетом, храмами, монахами, а самое главное — с духовностью, познанием себя и окружающего мира, гармонией. Экзотика и своеобразие бьют через край. Каждая композиция несет в себе положительную энергетику и умиротворение. Наверное, если слушать регулярно, организм, как по волшебству, начнет исцеляться от разных недугов. Красивые, эмоционально насыщенные композиции, которые йоги и любители жанра оценят по достоинству.

УБИЙСТВО

судьи Робинсона

Глава 4

Рэй Митчелл вошел в мой кабинет, придвинул стул и уселся с видом человека, принявшего бесповоротное решение.

— С меня хватит, Джерри. Я уйду.

Уже несколько дней я чувствовал, как в нем закипают гнев и недовольство. Следовало предполагать, что пар вот-вот вырвется наружу, но я все же надеялся, что взрыва не произойдет.

— Рэй, вы ведете себя, как ребенок!

— Возможно! И тем не менее я уйду.

— Почему?

— Вы знаете это не хуже меня.

— Куда вы пойдете? Для вас оставить «Гэзет» — все равно что оторвать себе правую руку.

— Я уйду в субботу.

— Перестаньте! Вы работаете здесь уже двадцать пять лет, вы и Дженнисон. Он что, тоже хочет уйти?

— Ушел бы, да не хватает мужества. Билла так же тошнит от всего этого, как и меня.

— Вас не тошнит, это просто обида! Должны бы понимать, что у меня есть веские причины действовать именно так. А беситесь вы, потому что я вам ничего не рассказываю.

— Веские причины! Знаем мы их! Думаете, мы ослепли и оглохли? Все вы, молодые, одинаковы. Говорят, мы должны уступить вам дорогу, отдать власть. А что получается? Какое-то время вы ведете себя по-мужски, но стоит только встретить женщину... весь пыл мигом улетучивается. Вы вдвигаете цветочек в петлицу и начинаете мечтать. — Он свирепо смотрел на гардению, которую Эллен приколотла к моему пиджаку.

— Так вот что вам не дает покоя!

Р.Л. Goldman

перевод
с французского
Мария Малькова
и Владимир
Григорьев

иллюстрация
Иван
Каменщик

¹ Окончание. Начало в № 9-2008

Я снял трубку и вызвал Билла Дженнисона. Билл явился, с неохотой волоча ноги.

К шестидесяти пяти годам он уже изрядно сгорбился и поседел. Очки в золотой оправе сидели на самом кончике носа — они нужны были только для чтения, но почти никогда не снимались. Дженнисон сел по другую сторону стола напротив Митчелла. Оба сверлили меня взглядом. И в серо-стальных глазах Рэя, и в голубых, подернутых влажной дымкой, глазах Билла читалось одинаковое осуждение.

— Можете ослабить галстук, Дженнисон, разговор будет долгим. В последнее время я не давал вам писать взрывных статей, и «Гэзет» уже не нападает на Робинсона и его свору с прежней яростью. Поэтому вы решили, что я слабак, и воображаете, будто вам известны причины моего отступничества.

Дженнисон выглядел грустным и смущенным.

— Мы же знаем, что вы встречаетесь с маленькой Робинсон, — насмешливо бросил Митчелл.

— Я ждал такого ответа.

— Поэтому я и решил уйти. Двадцать лет боролся с Эндрю Робинсоном, и будь я проклят, если перейду на его сторону!

— Полегче на поворотах! Я молчал, потому что сам почти ничего не знал. Да и того, что знаю сейчас, далеко не достаточно. Но я не могу отпустить вас в тот самый момент, когда вы мне нужнее всего.

Похоже, мои старики оживились — глаза у обоих заблестели.

— Вы возмутились, когда я зарубил статью о побеге Мэджи, а потом запретил поднимать шум вокруг следствия против наших врагов. Когда я отказался даже упоминать о нападении на Хэтфилда, ваше негодование достигло предела. Ну, а уж после статьи о смерти евангелиста вы окончательно взбесились.

— После статьи! — взорвался Митчелл. — И вы называете это статьей?! — Он выхватил из кармана газету трехдневной давности. На пятой странице внизу была отчеркнута синим карандашом маленькая заметка. — Вот она, ваша статья! Три дня ношу ее в кармане! Стоит мне засомневаться, надо ли уходить из газеты, как я перечитываю это и снова набираюсь решимости. Прочтите сами. Честное слово, если сможете найти оправдание — вы просто гений!

Я, улыбаясь, взял у него газету. Милейшие старики просто не понимали, что происходит, и их негодование ничуть меня не удивило. Я прочитал: «Евангелист пал жертвой гангстеров.

Джонас Хэтфилд, бродячий проповедник-евангелист, был найден мертвым вчера вечером в одной из квартир Бэкингема. Тело обнаружили через несколько часов после того, как пуля пробила грудь проповедника.

По-видимому, Хэтфилд пал жертвой гангстеров, которые, как водится, пригласили его «прокатиться», а потом отвезли труп на квартиру, сказав портье, будто помогают пьяному.

Полиция начала следствие».

— Это шедевр, — заключил я, кладя газету на стол.

— Шедевр?! — возмутился Митчелл.

— Вот именно. Не так-то просто сделать из слона муху. Вам известно, почему убили Хэтфилда?

Дженнисон молча кивнул. А Митчелл ответил:

— Потому что он затеял тяжбу с Робинсонами.

— Ничего подобного. Евангелиста прикончили, чтобы помешать мне открыть важную тайну. Вот посмотрите... — Я достал из кармана почтовую квитанцию и протянул ее Дженнисону. Тот посмотрел и передал ее Митчеллу. — Это было приколото к рединготу Хэтфилда. Кроме меня, об этом не знает никто. Даже Лаудербек не в курсе. Этой бумажкой меня хотели предупредить, чтобы я не слишком зарывался.

— Что же вы такое сделали?

— Хотел выяснить, кто устроил побег Мясника Мэджи, чтобы тот зарезал судью.

Когда волнение улеглось, я выложил им всю историю. И с каждым моим словом взгляд стариков смягчался. Казалось, они готовы просить прощения за то, что усомнились во мне.

— Ладно, забудем об этом, — закончил я, имея в виду их «бунт». — Наверное, я поступил бы так же. Но сейчас нужно принять решение и действовать с величайшей осторожностью.

— У меня есть предложение, — сказал Дженнисон.

Мы с удивлением посмотрели на него — старик чаще орудовал пером, чем открывал рот.

— По-моему, так... Мы могли бы напечатать такую серию статей, что им придется открыть новое следствие...

— Нет, это было бы верхом неосторожности.

Никто не догадывается, как далеко я продвинулся. В этом — моя сила. А как только мы начнем болтать...

— Джерри прав, — согласился Рэй.

— Чернила вам пригодятся потом, Дженнисон.

Если мы победим, я дам вам размахнуться. А пока лучше следовать тактике, которую я проводил до сих пор. Но прежде всего нам нужно найти ответ на некоторые вопросы. Во-первых, каким образом Уилксу удалось натравить Мэджи на судью? Внушение? Гипноз?

— Вероятно.

— Так. К этому мы еще вернемся. Во-вторых, сам ли Мэджи додумался выключить свет, прежде чем ушел из шестнадцатого блока? Или это Уилкс опустил рубильник после побега сумасшедшего? Мэджи пришлось сначала отпереть две стальные двери, а потом снова закрыть их и выйти с другой стороны. Уилксу вообще не требовались ключи — достаточно было пройти через никогда не запирающую перегородку. А потушить свет было необходимо — иначе побег Мэджи заметили бы сразу. И еще одно: почему за несколько дней до этого в гостях у судьи Уилкс вдруг посмотрел на часы и бросился бежать, как застигнутый врасплох грабитель?

— По-моему, это не так уж важно, — заметил Митчелл.

— Нет, важно — обычно он себя так не ведет. Но оставим пока этот вопрос — он относится к разряду «как», а для нас сейчас важнее разряд «почему». Почему Уилкс хотел избавиться от судьи? Что за смерть стоит между ними? Как только мы до этого докопаемся — опрокинуть Робинсонов уже не составит труда. Или дело закончится просто скандалом, компрометирующим судью и Уилкса... — Сомневаюсь, — возразил Рэй. — Ведь, скорее всего, это Эндрю приказал убить Хэтфилда...

— Я видел Эндрю вчера вечером. Может, он и притворялся — Бог свидетель, он это здорово умеет, — но, по-моему, Большой Босс и впрямь недоволен, что ребята Керфью так переусердствовали.

— Чепуха!

— Возможно. Но вы же знаете Большого Босса: приняв решение, он действует не таясь. Все меры приняты, риска никакого. И все-таки вчера мне показалось, он действительно сожалел, что евангелиста убили.

— Не верю!

— На этот вопрос нам тоже придется ответить. Не исключено, что он так же обманут, как и все вокруг: и Лаудербек, и вы оба до сегодняшнего дня. Да и я сам знал бы не больше, если бы не тот разговор с доктором Хейли.

— Ну, и что? — спросил Дженнисон. — Зачем Робинсону покрывать Уилкса?

— А покрывает ли он его? Опять вопрос. Обычно он защищает только своих. Помните, в ночь побега, не успела еще замолкнуть сирена, как губернатор позвонил Уилксу и приказал помалкивать до заключения следствия? Неужели губернатор пекся об Уилксе или подозревал, что тот замешан в убийстве судьи? Нет, конечно. Он опасался, что оппозиция попытается использовать этот побег в своих целях. Вероятно, Большой Босс думал так же. Допускаю даже, он вообще понятия не имеет, что тревожило совесть его брата. Я говорю «допускаю».

— А что вас навело на эту мысль? — спросил Рэй.

— Прикидываю все возможные варианты. Когда банда Керфью захватила Хэтфилда в первый раз, его просто избили и потребовали забрать иск, но ни словом не упомянули про то, что он мог знать о судьбе.

— Это еще ничего не доказывает, — проворчал Митчелл. — Робинсон мог из чистой осторожности скрыть все от Керфью.

— Тоже возможно.

— Только одно нам известно наверняка: Хэтфилда убили, прежде чем он успел открыть вам тайну. Кто-то из сестер подслушал вас в тот вечер в клинике, потом все передали дневной сиделке... а уж банда поспешила избавиться от евангелиста. Стало быть, приказ исходил от Робинсона либо до, либо после вашего вмешательства.

— Я думаю, Уилкса тоже занимала судьба Хэтфилда.

— Да, но если Робинсон не знал, что врач замешан в этом деле, то отдал приказ совсем по другой причине. Допустим, это просто несчастный случай, и бандиты в самом деле перестарались. Да ну, Джерри, вы так много об этом думаете, что сами вконец запутались! Ведь «квитанция» доказывает, что убийство — преднамеренное.

— Согласен, но это вовсе не значит, что приказ отдал именно Эндрю.

— Тогда кто же?

— Уилкс.

— Не вяжется. Не может Уилкс приказывать Керфью через голову Большого Босса.

— Вы уверены? Одна моя знакомая, Милли Андерс, очень дружна с секретаршей Уилкса. Так вот, да будет вам известно, Керфью частенько бывает на дружеских вечеринках у доктора. Соображаете?

— Это мало что меняет.

— Они отлично спелись. Уилкс даже вложил деньги в казино и ночной клуб Керфью.

— А, тогда совсем другое дело!

— Но у меня нет никакой определенной версии. Я от них просто устал. Каждый раз возникает что-нибудь непредвиденное, и все летит к черту. Короче, меня не интересует, виновен Уилкс или нет. Главное — докопаться до тайны судьи. Она мне очень пригодится для предвыборной кампании.

Дженнисон не проронил ни слова, но глаза его сверкнули: старик явно предвкушал цикл разгромных статей.

— Так что вы собираетесь делать? — немного помолчав, спросил Митчелл.

— Для начала отложим этот разговор до двух часов — сегодня я обедаю с рекламным агентом. Я встал и тщательно поправил гардению в петлице. Митчелл не спускал с меня глаз, и я насмешливо подмигнул. Рэй пожал плечами и смущенно проворчал:

— Ладно-ладно, нечего меня подкалывать, мы же ничего не знали!

— Эту женщину зовут Оливия Клейтон, — начал я, когда мы вновь собрались у меня в кабинете. — Знаете такую?

Рэй Митчелл посмотрел на Дженнисона.

— Случайно, не жена Уэсли Клейтона?

Дженнисон кивнул.

— Уэсли Клейтон был...

— Да, знаю, Эллен мне говорила.

— Она была еще маленькой, — заметил Дженнисон, — а вот мы с Рэем прекрасно помним Уэсли Клейтона.

— Что верно, то верно, — отозвался Митчелл. — Он сам искал ссоры с Уорнером. Я помню, как-то утром Клейтон пришел прямо сюда. А после этого Уорнер чуть не выставил меня из редакции. В конце месяца будет ровно девятнадцать лет...

— Тихо-тихо! Расскажите-ка по порядку.

— Дженнисон знает все гораздо лучше, — заметил Митчелл. — Когда Клейтон погиб, я всего год проработал в газете.

— Эта женщина погубила своего мужа, — начал объяснять Билл. — Вообще-то, они с Уорнером давно ненавидели друг друга.

— Кто такой Уорнер?

— Наш бывший главный редактор. Он работал с вашим отцом и умер в тюрьме от туберкулеза. Замечательный был журналист. Белокурый шотландец. И пил виски больше, чем пятеро таких, как мы, вместе взятых. Впрочем, дело от этого не страдало. Каждое утро главный являлся в офис свежий, как огурчик.

— Но, в конце концов, виски взяло верх, — пробормотал Митчелл.

— Этого следовало ожидать, — пожал плечами Дженнисон. — Что до Клейтона, он был высокого роста, широкоплечий и всегда невозмутимо спокойный. Никогда не повышал голоса, но твердо знал, чего хочет. Эндрю Робинсон на него похож. К тому времени уже лет десять, как большим боссом в городе был Клейтон. Когда Уорнер прикончил его, мы было решили, что отделались от этой мерзости, но освободившееся место тут же занял Робинсон... и все осталось по-прежнему.

— Поменьше эмоций, Дженнисон! — прервал его Митчелл. — А то Джерри вообразит, будто Уорнер ухлопал Клейтона из политических побуждений. А ведь ничего подобного! На самом деле, во всем виноваты виски и эта баба.

— Когда-то отец мне об этом рассказывал, но все давно вылетело из головы. Продолжайте, Дженнисон.

— Сам я видел жену Клейтона всего два-три раза, но о ней столько болтали, что казалось, будто мы хорошо знакомы. Слепительная блондинка. Когда все это случилось, ей было лет двадцать шесть — двадцать семь. Клейтон не мог не знать, что его жена — прелегкомысленная особа, и на самом деле ссора произошла из-за ненависти, которую они с Уорнером испытывали друг к другу. Это были не только политические противники — они на дух не выносили один другого. И в тот день, когда Клейтон появился в газету и сказал, что Уорнер позорит его жену, он просто искал предлог для серьезной стычки.

— А Уорнер и впрямь опозорил ее?

— Вполне возможно.

— Должно быть, ему доставляло особое удовольствие ухлестывать за женой врага, — заметил Митчелл.

— Так вот, однажды утром Клейтон ворвался в редакцию и направился прямо в кабинет Уорнера. Вашего отца, Джерри, не оказалось на месте — только мы с Рэем и два-три репортера.

— Да, — кивнул Митчелл, — когда Клейтон вошел, я стоял у стола главного. Клейтон приблизился и спокойно заявил: «Предупреждаю вас: не смейте больше разговаривать с моей женой». Уорнер встал, сжимая кулаки. Клейтон стукнул его. Уорнеру мешали кресло и стол — он не успел увернуться, и удар свалил его с ног. А Клейтон взял со стола сигарету, нарочито медленно закурил и спокойно вышел. Уорнер с трудом поднялся: удар по голове явно оглушил его. Я помог шефу встать.

Он тотчас же рванулся за Клейтоном, но я удержал его. Это было чисто инстинктивное движение.

Помню, как Дженнисон подошел ко мне и сказал: «Отпустите его!» Правда, Дженнисон?

— Конечно. Я вижу это так ясно, будто все это случилось вчера.

— Ну, я разжал руки, и Уорнер выскочил из кабинета. Но Клейтон уже исчез. Главный вернулся и с порога закричал, что я уволен. Я был вне себя. Чуть позже вернулся ваш отец и сказал, что все уладит. Поэтому-то я все еще в «Гэзет».

Через несколько дней, — продолжал Дженнисон, которого я еще ни разу не видел таким болтливым, — мы с Уорнером пошли в ресторан Хоффмана, который был тогда в большой моде. Мы засиделись в редакции допоздна, и главный пригласил меня поужинать. Он заказал бутылку виски и сразу присосался к ней. Когда в зал вошли Клейтон с женой, Эндрю Робинсон, полковник Райс и один журналист из «Трибьюн», бутылка почти опустела. Они сели довольно далеко от нас, но Уорнер не отводил от них взгляда. Он вылил в стакан остаток виски, залпом проглотил и двинулся к столику Клейтона. Я хотел было остановить его, но заранее знал, что это бесполезно. При виде врага Клейтон встал. Я не смог разобрать слов Уорнера, но зато услышал, как адвокат сухо ответил: «Вы пьяны, и я не собираюсь спорить с вами в присутствии жены. Разберемся в другой раз». Но Уорнер рвался в драку. Тогда Клейтон обернулся к гостям: «Прошу прощения, мне придется с ним выйти, но это не займет много времени». Оба направились к двери в сад. Эндрю Робинсон вскочил и попытался удержать Клейтона, но тот вырвался и догнал Уорнера у двери. Робинсон махнул рукой и побежал на улицу. Я надеялся, что он приведет полицию. Однако прежде чем он успел найти полицейского, мы услышали два почти одновременных выстрела. Все бросились в сад. В темноте я различил два мужских силуэта. Один стоял, прислонившись к стене, другой лежал — это был Клейтон. Его уже подняли, когда с улицы вернулся Робинсон вместе с полицейским. Уорнер медленно сполз по стене на землю, около его вытянутых ног лежал револьвер. — Дженнисон умолк.

— Ваш отец спас Уорнера, — продолжил рассказ Митчелл. — Он нанял лучшего нью-йоркского адвоката — Сиднея Пембрука. Тот счел наиболее разумным признать вину и таким образом избежать суда присяжных. Уорнера приговорили к тридцати годам тюремного заключения.

— Присяжные наверняка отправили бы его на виселицу, — подтвердил Дженнисон. — Но Пембрук очень ловко повернул дело. У Уорнера не было никаких смягчающих обстоятельств. Он ничего не помнил: ни где взял револьвер, ни то, что сам спровоцировал Клейтона и вышел с ним в сад.

Наступило молчание. Оба старика задумчиво опустили головы, снова переживая старую драму.

— Это все?

— Да.

— Очень интересно, но где связь с нашим делом?

— Такова история Оливии Клейтон, — тихо проговорил Рэй.

— А при чем тут судья Робинсон?

— После смерти мужа миссис Клейтон вела довольно бурный образ жизни. Но я ни разу не слышал ни о каких шашнях с судьей.

— А с Уилксом?

— Тоже, вроде бы, нет.

— И что с ней теперь?

— Не знаю.

Дженнисон поднял руку и посмотрел на меня поверх очков.

— Погодите! Я что-то припоминаю. Рэй уже сказал вам, что, оставшись без мужа, миссис Клейтон решила пожить в свое удовольствие. Продав все акции Клейтона, вдова получила весьма приличную сумму, кроме того, ей выплатили большую страховку. Миссис Клейтон продолжала жить в шикарном особняке на Джексон-бульвар, но вскоре пристрастилась к наркотикам. Всего за несколько лет огромное состояние вылетело в трубу, а дом пошел с молотка. Чуть позже Оливию Клейтон обвинили в торговле наркотиками, но признали невменяемой и отправили в Грейстоун.

— В Грейстоун?

— Да. Там она и умерла лет пять назад.

Теперь уже я забегал по комнате.

— Что с вами? — с тревогой спросил Митчелл.

— Нашел! Вы что, не понимаете? Я слушаю вас битых два часа, пытаюсь найти хоть какую-нибудь связь между Оливией Клейтон и убийством судьи. И наконец, вот она: Оливия Клейтон — судья — Уилкс — Грейстоун!

— Слабовато, — пробормотал Митчелл.

— Пусть. Все же ниточка существует. Вот что, Дженнисон, разыщите в старых подшивках все, что касается Оливии Клейтон.

Билл встал, поправил очки на носу и своей обычной шаркающей походкой вышел из кабинета. На пороге он обернулся.

— Все, что у нас есть, будет завтра у вас на столе.

Поразительно, насколько одно и то же повторяют из номера в номер газеты, рассказывая о каком-нибудь событии, всколыхнувшем читательский интерес. Целых четыре часа я читал статьи и заметки, подчеркнутые синим карандашом Дженнисона в подшивке «Гэзет», но не нашел ничего такого, что могло бы дополнить рассказ Митчелла и Дженнисона. В полдень, убедившись в бесполезности этого утомительного занятия, я отложил подшивку и пошел обедать.

К двум часам на моем столе оставалось лишь несколько последних газет, и одна заметка особенно привлекла мое внимание.

«Оливия Клейтон признана невменяемой.

Оливия Клейтон, на прошлой неделе обвиненная в торговле наркотиками, помещена сегодня в грейстоунскую лечебницу для душевнобольных по распоряжению судьи Дж. Ф. Робинсона.

Экспертная комиссия в составе докторов Дж. Арнольда Уилкса, Аллена Рейнольдса и Престона Макфи, проводившая обследование, пришла к выводу о невменяемости подсудимой.
Миссис Клейтон, вдова...»

Я вызвал Рэя Митчелла. Он прочитал заметку, заглядывая через мое плечо, и вопросительно посмотрел на меня, не понимая, чем я так взволнован.

— Ну, и что? Ведь Дженнисон говорил вам, что Оливию Клейтон отправили в Грейстоун.

— Да, но он не сказал мне, кто ее туда отправил. Всю эту компанию, за исключением Макфи, я знаю.

— Макфи умер.

— Я в этом не сомневался, иначе и у него сейчас было бы тепленькое местечко. Теперь все ясно: это было подстроено.

— Вы хотите сказать...

— Почему бы и нет? Не исключено, что от нее захотели избавиться. И, как только мы узнаем причину, тайна судьи прояснится.

Митчелл пожал плечами.

— По-моему, притянуто за уши.

Я не собирался спорить и открыл единственную оставшуюся на моем столе подшивку. В ней сообщалось о смерти Оливии Клейтон.

— Четвертое июня, — пробормотал я, раскрывая газету на той полосе, где красовался один из моих первых репортажей, посвященный церемонии открытия новых корпусов Грейстоуна. Как раз четвертого июня доктор Уилкс показал нам еще пустые палаты. Больных собирались переселить на следующей неделе.

— Вам что-то не нравится? — спросил Митчелл.

— Многое. Судью терзали угрызения совести, потому что засадил Оливию Клейтон. Уилкс руководил экспертизой. И он же подготовил убийство судьи. Я уверен, что это не совпадение, а логическая цепочка. Нить — у меня в руках, и я во что бы то ни стало ее распутаю.

Четверть часа спустя я уже ехал в Грейстоун. Насколько я помнил, к кабинету Уилкса примыкала комната, все стены которой занимала картотека. По идее, карточка Оливии Клейтон должна быть в одном из ящиков. У меня было мало шансов найти ее, но я решил рискнуть.

В холле дежурный сказал, что директора нет в кабинете, и раньше, чем через полчаса, он не вернется.

— Я подожду, — ответил я, направляясь к кабинету.

Дверь была заперта на ключ.

Я вышел по боковой лестнице и оказался в саду. Несколько пациентов играли в бейсбол. Я присел на скамейку в тени рядом со сторожем.

— Вы — судья?

— Нет, вон тот старичок, Сэм Шеффер. Он прекрасно знает игру, но уже не может бегать. А потому уже десять лет судит.

Я тихо повторил: — Сэм Шеффер... Ах, да, конечно! Кажется, он здесь очень давно...

— Восемнадцать лет. Сэма несколько раз выпускали, но он всегда возвращается. Это клептоман: крадет все, что видит. Болезнь такая. А во всем остальном он вполне нормальный. Да и другие здесь тоже не опасны.

Сторож, как видно, любил поговорить и долго рассказывал мне о своих подопечных. Когда игра закончилась, он встал и пошел на другую сторону площадки. Я же приблизился к Сэму Шефферу и представился другом Гарри Додда, с которым познакомился во время первого посещения Грейстоуна. Мы встретились с ним во дворе, где он подрезал кусты, и Гарри наговорил много непонятного, в частности, о какой-то Потерянной Душе — привидении, замурованном в стену казармы, и преследовавшем его своими криками и стонами по ночам. Тогда я не придавал значения его рассказам и быстро с ним попрощался, сразу выбросив странного Гарри из головы. И вот сейчас это имя мне очень пригостило для знакомства с Сэмом. Но помнил ли его Сэм?

— Помню ли я Гарри? Конечно! В последний раз мы виделись, когда я вышел отсюда лет шесть назад. Он все еще садовник у судьи Робинсона?

— Да.

Мы медленно подошли к скамейке и сели.

— Гарри до сих пор считает Грейстоун адом и радуется, что вырвался отсюда. Сейчас ему здесь было бы лучше.

— В больнице он чувствовал себя несчастным.

— Да, но тогда мы жили в старых корпусах. Теперь-то стало по-другому. Каждый день можно играть в бейсбол. И палаты гораздо удобнее, чем во времена Гарри.

— Знаете, он мне рассказывал о какой-то Потерянной Душе. Это не давало ему покоя.

— Вот как?

— Да, он сказал, что слышал стоны привидения, замурованного в стену.

Шеффер расхохотался.

— Какое там привидение! Просто бедная женщина, которая кричала и стонала дни и ночи напролет. Гарри — как ребенок. Я и не стал его разубеждать — пусть себе верит в призраков.

— Он говорил, что слышал ее по ночам...

— Потому-то Гарри и думал, что это привидение. Днем мы не могли слышать женщину из-за постоянного шума, а по вечерам ее голос доносился до нас, потому что в стене между нашими камерами проходил дымоход, а несчастную держали внизу, под нами. Сам-то я быстро во всем разобрался, но Гарри ничего объяснять не стал. — Он замолчал, серьезно посмотрел на меня и вдруг весело подмигнул. — Я стал искать во время прогулок и нашел.

— Очень интересно! И что же вы нашли?

— В общем, ничего особенного. Эта женщина сидела в одной из подвальных камер. Почему ее загнали туда? Не знаю. По крайней мере, в подвалах больше никого не было. Беднягу оставили там, даже когда нас всех переселили в новые корпуса.

— А вы всегда сидели в одной и той же камере, по соседству с Гарри?

— Да, целых тринадцать лет. Каждый вечер я прижимался ухом к стене и прислушивался: как она там. Через несколько месяцев бедняжка перестала звать на помощь, а стала разговаривать сама с собой. Я так думаю, потому что других голосов ни разу не слышал. Она разговаривала и в тот вечер, когда нас переводили. Значит, была жива. Эта женщина и сейчас там.

— Откуда вы знаете?

— Наблюдаю. Я ни разу не видел ее, но считаю почти подружкой. Моя камера сейчас на пятом этаже, в пятьдесят третьем блоке, — это в левом крыле с другой стороны. Из окна я вижу старые корпуса, и если бы этой женщины там не было, то зачем миссис Морган стала бы приходить сюда три раза в неделю?

— А кто такая миссис Морган?

— Вы не знаете Нелли Морган? Когда она еще была старшей сестрой в Грейстоуне, мы называли ее Мамашей Морган. Потом она ушла на пенсию. С тех пор через день, как только стемнеет, она приезжает в Грейстоун и приносит какие-то пакеты. — Сэм еще раз подмигнул и хитро улыбнулся. — Оставляет машину у ворот, проходит через огород и на несколько минут исчезает в старом корпусе, а потом выходит, но уже без пакетов. Когда темнеет рано, почти ничего не видно, но уж я-то Мамашу Морган не спутаю ни с кем.

— Она и сейчас приезжает?

— В последний раз я видел ее позавчера вечером. Иногда, правда, очень редко, к ней приходит доктор Уилкс. Тогда я понимаю, что женщина заболела. А когда Мамаша Морган перестанет приезжать, станет ясно, что незнакомка умерла.

— Замечательная история.

— Только никому не говорите, иначе меня могут перевести в другую палату, а мне нравится моя. Я вам все выложил только потому, что вы — друг Гарри, и он рассказывал вам о Потерянной Душе.

— Не беспокойтесь. Я никому ничего не скажу, даже Гарри.

— Вот-вот, пусть продолжает верить в свое привидение!

Я быстро вернулся в холл и сразу заметил, что дверь в кабинет Уилкса приоткрыта.

— Доктор Уилкс вернулся и сразу вышел, — сообщил мне дежурный.

Я поспешил в кабинет, прикидывая, хватит ли мне времени. Дверь в архив была распахнута. Вокруг — ни души. Я отыскал глазами ящики с буквой «К» и выдвинул тот, на котором значилось «Клан — Клей». Никакой карточки на имя Клейтон там не оказалось.

Я обошел комнату. Если бы мне удалось найти карточку, я бы переснял ее и постарался вернуть на место. Внезапно мое внимание привлек шкаф, стоявший отдельно от прочих. «Свидетельства о смерти», — прочел я.

Но только протянул руку к ящику, помеченному «Кле — Кре», как за моей спиной послышался неприятный голос:

— Что вы здесь делаете?

Я обернулся — в дверях стоял Уилкс.

— Здравствуйте, доктор.

Глаза Уилкса злобно поблескивали, но он старался сохранить спокойствие.

— Вы что-то искали?

— Нет, ничего. Я ждал вас и, честно говоря, надеялся, что вас не будет еще хотя бы минут пять. Я вышел вслед за ним в кабинет. Он закрыл за нами дверь и сел.

— Спенс, вы переходите все границы. Что вы искали? Какие карточки вам понадобились?

— Допустим, меня интересуют обитатели шестнадцатого блока. Я же вам говорил, что собираюсь написать серию статей о «Клетке».

Какое-то время он молча смотрел на меня, наверняка раздумывая, что именно мне известно, и неожиданно воскликнул:

— Предупреждаю вас, Спенс! Не лезьте на рожон!

Я придвинул ногой стул и уселся напротив Уилкса.

— Вы, кажется, угрожаете мне, доктор Уилкс? Перестаньте, руки коротки!

— Я не намерен с вами препираться. Советую только не соваться в чужие дела. А то... — Он не закончил и нервно забарабанил пальцами по столу.

— Нет уж, договаривайте! Что означает эта угроза?

Уилкс не ответил. По-прежнему барабаня по столу, он сверлил меня взглядом, надеясь, что я не выдержу и опущу глаза.

Я встал и перенулся через стол.

— Кишка тонка! Ничего-то вы со мной не сделаете! — И я вышел, хлопнув дверью.

Полчаса спустя, подъехав к дому, я заметил Джо Доминика. По-видимому, он ждал меня. Это был красивый смуглолицый парень с большими карими глазами. Ближайший помощник Керфью питал слабость к шикарным нарядам. На сей раз он облачился в белый костюм и голубую шелковую рубашку. Не вынимая рук из карманов двубортного пиджака, Джо презрительно и нагло взирал на меня.

Я остановился в двух шагах и несколько раз смерил его взглядом. Наконец, наши глаза встретились. Когда Доминик работал, а в данный момент он именно этим и занимался, в глазах его читалась угроза. И частенько этого оказывалось достаточно, чтобы запугать какого-нибудь слабака.

— Вот это да! Насколько я понимаю, Уилкс уже успел вам позвонить?

— У меня к вам порученьце, — сквозь зубы процедил Доминик.

Я молча повернулся к нему спиной и вошел в подъезд. Поднявшись, позвонил Митчеллу. Рэй как раз собирался уходить из редакции.

— Подождите, я приеду минут через двадцать. — Жена будет вне себя, — недовольно проворчал он. — У нас сегодня гости.

— Что поделаешь! События развиваются слишком быстро — нельзя терять ни минуты.

Приехав в редакцию, я сразу же рассказал Рэю все, что узнал об Оливии Клейтон. Он слушал

спокойно, явно не разделяя моего воодушевления. Прагматичный Митчелл никак не мог уверовать в то, что жертва Робинсонов все еще заточена в старом корпусе Грейстоуна.

— По-моему, вы слишком серьезно приняли рассказ сумасшедшего, — заметил он, когда я закончил.

— В нем нет никаких противоречий. Кроме того, я уже успел кое-что проверить, после того, как распрощался с Уилксом. Во-первых, нашел место, где всегда останавливается автомобиль, во-вторых, тропинку, ведущую через огород к старым корпусам.

— Это уже лучше.

— Перед тем, как идти сюда, я нашел в телефонной книге имя Нелли Морган. Она вышла на пенсию и снимает квартиру в Сент-Реджис. Только не говорите мне, что на пенсию медсестры можно жить в этом квартале! Откуда же у нее деньги?

— Совсем хорошо. Но что со всем этим делать? Ничего. Мы в том же положении, что и Хэтфилд. Знаем много, а доказательств — никаких. Все равно, что пылинка в солнечном луче — видишь, да не схватишь!

— Для начала я хочу повидаться с Оливией Клейтон. Вот кто ответит на все наши вопросы!

— Да, если она в Грейстоуне. Но для ордера на обыск нужны веские причины. Не дай Бог, попадем пальцем в небо, уж «Трибьюн» не упустит случая поиздеваться. — Немного помолчав, Рэй добавил: — У нас пока слишком мало фактов, Джерри, чтобы что-то предпринять.

— Согласен. Но это не должно нас останавливать. Я знаю, где Оливия Клейтон. И сегодня же вечером мы отправимся к ней в Грейстоун.

— Ничего у нас не получится, тем более что у вас на хвосте ребята Керфью.

— Это мы еще посмотрим! Давайте-ка испробуем футбольную тактику: быстрый прорыв по флангу и стремительное перемещение в центр. Вечером я поведу Милли Андерс потанцевать в «Казино» и постараюсь как можно больше намозолить глаза.

— А дальше?

— Уилкс еще ничего не решил окончательно. Он не знает, насколько я осведомлен, а потому просто велел Керфью поругать и удерживать меня. Все это блеф чистой воды.

— Не очень-то расслабляйтесь!

— Я им не Джонас Хэтфилд! Керфью не рискнет действовать со мной с позиции силы. На этом-то мы и сыграем. Сегодня вечером за мной наверняка будут следить, но никому не придет в голову, что я решил не терять ни минуты.

— Я уже говорил: вам сядут на хвост.

— Вероятно. Но от этого пострадала бы только репутация Милли, а она и так давным-давно наплевала на всяческие приличия. Следить будут за моей машиной, которую я оставлю у подъезда мисс Андерс, — вот пусть себе и ждут, пока я выйду. А мы тем временем отправимся за Оливией Клейтон и перевезем ее ко мне. И все — можно считать, победа за нами. Нам хватит суток, чтобы перевернуть весь город вверх дном. — Я порывисто

вскочил и принялся нетерпеливо мерить шагами комнату. — Мы их всех возьмем за горло, Рэй! И Эндрю Робинсона — первым. Мокрого места не останется!

— Надеюсь, вы не слишком рассчитываете на показания Оливии Клейтон?

— А почему бы и нет?

— Она — душевнобольная. Даже если бедная женщина была нормальной, когда ее посадили, то уж за шестнадцать лет взаперти наверняка свихнулась. Стало быть, ее показания никто не примет всерьез.

— И все-таки Оливия Клейтон будет у нас. Мне этого достаточно. Наше дело — ставить вопросы, а уж они пусть отвечают, если смогут. — Я схватил Митчелла за плечи и несколько раз сильно встряхнул. — Старина Рэй, завтра будем праздновать победу! Я сейчас уйду, а вы задержитесь еще минут на пятнадцать. Скорее всего, этот тип из банды Керфью, который провожал меня сюда, все еще торчит на тротуаре, и не отстанет. От меня. До часу ночи я буду паинькой.

— А я, когда буду уезжать, попрошу машину у кого-нибудь. Что до инструментов, то мой слуга быстро раздобудет все необходимое.

— Постарайтесь ничего не забыть. Дело предстоит нелегкое: придется пилить решетку на окне, а уж что нас ждет внутри — предвидеть вообще невозможно.

— Не беспокойтесь. Я ничего не забуду.

Когда я вышел из редакции, на противоположном тротуаре меня поджидал молодой парень. При виде меня он бросил сигарету и слегка надвинул на глаза шляпу. Но вместо того, чтобы сесть в машину, я направился прямо к незнакомцу.

— Вы меня ждете?

Бледный худой паренек испуганно посмотрел на меня.

— Не бойтесь, я вас не обижу.

— А я и не боюсь!

— Так, значит, это вам велено за мной следить? Он молча отвел глаза.

— Ну, что ж, пожалуй, я облегчу вам задачу.

Сейчас уже темно, а езжу я очень быстро... Так что, пошли.

— Чего-чего?..

Я взял его за руку, подтащил к машине и усадил рядом.

— Мне-то наплевать, следят за мной или нет, но вы еще так молоды, а Керфью шутить не любит.

— Куда вы меня везете?

— С собой. Так вы меня уж точно не упустите.

Я затормозил возле дома, оставил его в машине, а сам поднялся переодеться. Через десять минут с плащом в руках я вышел на улицу.

Парень окинул оценивающим взглядом мой белый смокинг.

— Вы похожи на бармена, — восхищенно прошептал он.

— Будете хорошо работать — скоро купите себе такой же. Сможете одеваться не хуже Доминика... до того дня, как ваша задница опустится на

электрический стул. Там ваша элегантность будет всем до лампочки.

Он не ответил. Когда мы подъехали к дому Милли, я доверительно проговорил:

— Дальше вам придется добираться своим ходом. Здесь живет одна моя знакомая, и я веду ее ужинать в «Казино». Можете не верить мне на слово. Найдите такси и поезжайте следом.

— Ну и странный вы тип!

— Нет, просто хочу вам помочь. Чем стремительнее будет ваша карьера, тем скорее вы усядетесь на электрический стул.

Мы с Милли поужинали в «Казино» на открытой веранде. По небу плыли тяжелые черные тучи, и я радовался: темная ночь только благоприятствовала операции.

Я нарочно выбрал столик поближе к танцплощадке, и Джек Керфью сразу заметил меня. Когда он подошел, мы уже заканчивали ужинать.

— Добрый вечер, Керфью. — Я вежливо привстал.

Он поклонился Милли и пожал мне руку.

— Ах, мистер Керфью, надеюсь, вы не позволите этому противному дождю начаться и испортить нам настроение, — пошутила Милли. — Здесь так хорошо!

— Сделаю все возможное, но, уверяю вас, внутри не хуже. Вы не возражаете, мисс, если я похищу у вас мистера Спенса на пять минут? Мне нужно кое-что ему сказать.

Милли скорчила недовольную гримаску.

— Оркестр вот-вот заиграет мою любимую румбу, а по мне, пусть лучше мороженое растает — только бы не пропустить этот танец!

— Тогда увидимся после, — ответил я Керфью. — Я сам к вам зайду.

— Какой приятный мужчина, — промурлыкала Милли, когда мы пошли танцевать. — Похож на немного постаревшего Кларка Гейбла. Ни за что не поверю всем этим ужасам, которые про него рассказывают!

— Я тоже, особенно когда начинают болтать, будто он за три дня дважды убил родную бабушку.

Кабинет Керфью сверкал роскошью: лакированное красное дерево и кожа. Окон не было — лишь массивная, также обитая кожей дверь. Благодаря искусной системе вентиляции воздух оставался всегда свежим. Керфью кивнул мне на глубокое кресло и сел сам. Между нами на круглом столике стояла бутылка виски, сифон и серебряное ведерко с кубиками льда.

— Может быть, вы пьете что-нибудь другое?

— Нет, виски наверняка превосходное. Малыш уже доложил вам?

Керфью расхохотался.

— Вы его потрясли!

— Надеюсь, он ничего не забыл — мы расстались всего на десять минут. Я, извините, принимал ванну.

Почувствовав в моем голосе сдерживаемое раздражение, Керфью перестал улыбаться.

— Зря не хотите воспринимать нас всерьез, Спенс.

— Я не привык переплачивать. А тут — обычная дешевка.

Он медленно покачал головой и с сожалением посмотрел на меня.

— Вы нарывааетесь на неприятности.

— Только не надо меня пугать. Плевать я хотел на ваши угрозы. Я вам — не Джонас Хэтфилд. Попытайтесь приколоть мне на брюхо квитанцию и увидите, что из этого выйдет!

Керфью мелкими глотками прихлебывал виски.

— По-моему, урезонить можно любого!

— Купите очки, раз не видите, что за мной — самая влиятельная газета города! Это вы нарывааетесь на неприятности. До сих пор мы вас не трогали, по крайней мере, пока вы не начали корчить из себя политического деятеля. Нам плевать, что вы обложили данью всех торговцев спиртным и содержателей притонов — к сожалению, это беда всех американских городов. Так что, какая разница — Джек Керфью или кто другой? Мы охотимся за более крупной дичью.

— Короче, вы не берете меня в расчет.

— Пока — да. Но, если захотим, можем изрядно попортить вам кровь. Поэтому лучше оставьте нас в покое.

— Так кто из нас кого пугает?

— У меня на столе лежит готовая подборка статей. И завтра же я могу начать кампанию против всего вашего ночного бизнеса. Хотите?

— Видали мы эти кампании!

— Да. Комаринские укусы за пару-тройку недель до выборов. Но даже это действовало вам на нервы. Кабаки ваши закрывали, и приходилось тратить уйму денег, подкупая то одного, то другого чиновника. А помните, как три года назад на вас ополчилась Ассоциация женщин?

— Как видите, мы все еще живы!

— Так-то оно так, но вам пришлось прикрыть три четверти игорных и публичных домов, в ожидании, пока эти дамочки займутся чем-нибудь еще. И это стоило вам очень дорого. Если же за дело возьмусь я, то буду держаться до конца и вытрясу из вас все, вплоть до коронок. Не лучше ли оставить все, как есть? Я еще готов мириться с наглой рожей Доминика, но не переходите границ — пожалеете!

Я взял бокал и медленно допил виски. Керфью задумчиво разглядывал свои туфли.

— Лично мне это не будет стоить ни цента.

Наш синдикат за все заплатит — вот и все.

— Не морочьте мне голову! Сейчас вы работаете на Уилкса.

Он пронзил меня взглядом.

— К чему вы клоните?

— Сам еще не знаю, но и вы тоже. Меня в эту историю втянул Хэтфилд. Он хотел отомстить Робинсонам. Я выплатил аванс — тысячу долларов — и обещал еще четыре за сведения, из которых мог бы сделать прелюбопытную статью. Но Хэтфилд так ничего и не принес, сами знаете почему. Однако я понял, что тут замешаны судья Робинсон и доктор Уилкс. Так что, нечего

пудрить мне мозги — ваш синдикат вообще ни при чем.

Керфью долго смотрел на меня, затем угрожающе произнес:

— Мы будем следить за вами. И лучше не рыпайтесь, а то шлепнем, и дело с концом.

Я встал.

— Ладно, на сегодня хватит. В выходные надо отдыхать, а субботний вечер для того и создан, чтобы танцевать и веселиться.

— И все же подумайте, — посоветовал он, провожая меня до двери. — Вы — неплохой малый, и мне будет от души жаль, если с вами что-нибудь случится.

Я вернулся к Милли, не сомневаясь, что Керфью ни на секунду не заподозрит меня в намерении действовать безотлагательно. Возможно даже, снимет слежку до завтрашнего утра.

В час ночи я отвез Милли домой, но провел у нее не больше пятнадцати минут. Затем спустился на лифте в подвал и вышел через служебный ход и гараж. Пройдя еще сотню ярдов, поймал такси.

Митчелл уже ждал меня в машине.

— Полный порядок — никакой слежки. Вы все принесли?

— Да. С таким инструментом можно ограбить даже Федеральный банк. Я уже чувствую себя взломщиком!

Рэй гнал изо всех сил. Я накинул серый плащ поверх белого смокинга. Небо скрывали густые облака. Где-то на севере слышались раскаты грома, и спящая долина, казалось, вздрагивала от вспышек далеких молний.

— Ночка — что надо!

Я немного натянуто рассмеялся. Честно говоря, на душе было далеко не так спокойно, как хотелось бы. Нервы пошаливали, и от этого становилось еще больше не по себе. В сущности, мной двигала лишь смутная догадка, а в подобных случаях душу охватывает почти болезненная тревога. Однако надо было стряхнуть оцепенение. Если Керфью не распорядился оставить меня сегодня в покое, бледный молодой человек продолжает любоваться моей машиной у дома Милли. Стало быть, с этой стороны опасаться нечего.

Выехав на грейстоунскую дорогу, Митчелл сбросил газ, выключил свет, и машина остановилась в нескольких шагах от шоссе. Я взял сумку с инструментами, и мы стали искать тропинку, ведущую в огород. Слева высилась темная громада новых корпусов, и мы отчетливо различали ее всякий раз, когда вспышка молнии прорезала темноту.

Мы прошли по тропинке через заброшенный огород и оказались на пустыре, заваленном строительным мусором. Идти приходилось осторожно.

— Можете включить фонарь, — сказал я. — Здесь, за старым корпусом, нас не видно.

Я опустил на землю сумку и наклонился, выбирая подходящий напильник, а Митчелл включил фонарь и пошел к стене. Услышав приглушенное ругательство, я обернулся. Рэй стоял неподвижно, направив луч фонаря в пустоту.

Я тоже невольно выругался.

Стена исчезла. Конечно, не полностью, но в ней зияла огромная дыра. Я бросил инструменты, взял у Рэя фонарь и пошел к развалинам. На одной из балок, поддерживавших остатки стены, висела табличка. На ней большими красными буквами было написано:

ОПАСНО!

ЗДАНИЕ ПОДЛЕЖИТ СНОСУ!

Справа и слева высились кучи камней.

Мы пробрались в подвал, заваленный разными обломками. Одно помещение, со стороны фасада, еще оставалось нетронутым, но и там было пусто.

— Рэй, они опередили нас!

Он положил руку мне на плечо.

— Мне очень жаль, Джерри...

— Ее держали именно здесь. Вот дымоход, через который крики и стоны доносились до камер Сэма и Гарри. А впрочем, какая теперь разница, когда несчастную женщину уже увезли!

Мы вышли, и я, уже не таясь, освещал дорогу фонариком. Строители взялись за дело всерьез: на соседнем пустыре возвышался кран, а возле кучи мусора стоял большой ящик с инструментами.

— У них в запасе было семь часов. Я ушел от Уилкса примерно в половине шестого.

— За это время можно было добиться разрешения на снос мэрии, — заметил Митчелл. — Да, видать, шустрые ребята! Неужели мы так и не сможем обставить их?

— Кто знает? Я лично не отчаиваюсь. Эту женщину мы еще найдем.

— Если ее не убили...

— Наверяд ли. За шестнадцать лет они могли безнаказанно избавиться от нее. А не найду — так все равно не сдамся! Это был один из моих козырей, но далеко не последний.

— Дождь пошел, — проговорил Рэй. — Может, вернемся?

Луч фонаря скользнул по ящику с инструментами.

— Представляю, как они сейчас смеются над нами, — со злостью пробормотал я. — Им не... — И вдруг остановился на полуслове, ошарашенно глядя на ящик. Несколько раз перечитав крупную надпись на боку, я вздрогнул и схватил Митчелла за руку.

— Нет, вы только поглядите!

— В чем дело?

— Вот оно! Я был прав! Как же я сразу не догадался, Рэй? Смотрите, что написано на ящике! Видите?

— Ну, и что? — пожал он плечами. — Тут написано: «Ноэль Ленахан. Строительные работы». И что в этом особенного?

Я осветил кран.

— Ага, то же имя. Вам это ни о чем не говорит?

— Нет.

Я погасил фонарь и подобрал сумку с инструментами. Мы пошли по тропинке к машине, и я бросил на ходу:

— Надеюсь, Рэй, на этот раз я не ошибся.

Глава 5

Когда Митчелл подвез меня к дому Милли Андерс, я сразу заметил, что крыша моего кабриолета поднята. Мы с Рэем попрощались, и через несколько секунд я уже открывал дверцу моей машины. Вид спящего на переднем сиденье бледного молодого человека меня ничуть не удивил.

— Эй, подвиньтесь-ка! — Я слегка встряхнул его.

— Ну, и паршивая же из вас ищейка. Я мог спокойно уйти пешком. Уже почти половина пятого. Когда вы должны им позвонить? Ночью?

— Нет, завтра утром. Как только вы вернетесь домой, я могу идти спать. Ну, и собачья работенка!

— Зачем же вы этим занимаетесь?

— Надо ведь на что-то жить! Я приехал из Питтсбурга вместе с приятелем, который знает Доминика.

— Уже сидел?

— Год исправительных работ. Пять лет назад.

Мне тогда было двенадцать. И с тех пор еще несколько раз... так, по мелочам...

— А вы не очень похожи на бандита. Почему бы вам не заняться чем-нибудь приличным?

— Для этого надо найти работу.

— Нет проблем. Когда решите «завязать»,

зайдите ко мне в «Гэзет».

Он вытаращил глаза.

— Что-то я вас не понимаю...

— Можете не торопиться. Приходите, когда

созреете. Где вы живете?

— Снимаю комнату.

— Вас подвезти?

— Нет. Я должен расстаться с вами в Бэкингеме.

Когда я загнал машину в гараж, бледный молодой человек назвал свое имя: Джимми Уэллс. Он поднял воротник плаща, поглубже надвинул кепку и вышел под дождь.

Едва войдя в квартиру, я бросился к столу и схватил телефонный справочник. Фирма «Ноэль Ленахан и К°» не значилась ни в алфавитном указателе, ни в разделе «Строительные компании». Справочник вышел в сентябре прошлого года. Я позвонил ночному портье и попросил принести специальное приложение, выходящее раз в две недели. Там-то я и обнаружил «Ноэля Ленахана и К°».

За окном уже брезжил рассвет, но спать не хотелось. Я разделся и налил себе виски с содовой. Последующие два часа я провел в кресле-качалке — надо было пораскинуть мозгами. Теперь передо мной стояла вполне конкретная задача, время теорий и загадок миновало. Все догадки, вертевшиеся в голове со дня смерти судьи, улеглись в стройную систему. Таким внезапным прозрением я был обязан исключительно надписи на ящике для инструментов.

Но это, конечно, не значило, что все трудности позади. Я знал, как опасно недооценивать противника. Мои враги соображали быстро и действовали без промедления. Бдительность их не ослабевала ни на секунду. Меня они не слишком опасались, но, судя по тому, как старались опередить возможные удары, все же принимали в расчет.

Хотя большая часть собранных мной доказательств была, строго говоря, из области предположений, все вместе они слетались в крепкую сеть.

Я знал, где Оливия Клейтон, по крайней мере, догадывался. Если я ошибался, значит, в моих руках всего-навсего деревяшка, но если был прав, то батарея пополнялась еще одним заряженным стволом. Кроме того, у меня были: перерезанное горло Кеннеди; свидетельство доктора Хейли, Мамаша Морган, а также «Ноэль Ленахан и К°».

Рассвело. Я выключил свет, задернул шторы, лег в постель, и впервые за последние две недели уснул, не раздумывая, почему доктор Уилкс так внезапно покинул в тот вечер дом судьи.

Через свою подругу, секретаршу Уилкса, Милли Андерс помогла мне выяснить, что в субботу в шесть сорок вечера в Грейстоун поступила новая больная: Дора Уилкоккс, шестидесяти лет, без работы и средств к существованию, без определенного места жительства. Диагноз: ярко выраженное психическое расстройство.

Даже более чем скептически настроенный Рэй Митчелл согласился, что Дора Уилкоккс и Оливия Клейтон — одно и то же лицо.

— Что вы собираетесь делать?

— Пока ничего. Я знаю, где она. Подождем удобного момента.

— Есть еще что-нибудь новенькое?

— Нет. За мной круглые сутки следят. Их четверо, и они постоянно сменяют друг друга. Керфью прекрасно осведомлен о каждом моем шаге, начиная с субботы, за исключением, разумеется, нашей маленькой экскурсии в Грейстоун. Я пока выжидаю. А станет неважно — тогда посмотрим.

Неважно стало в ближайшее воскресенье, когда я вышел из дома, собираясь отправиться к Эллен. Один из ребят Керфью нагло ждал меня на тротуаре, его мотоцикл стоял рядом с моей машиной. Стоило мне открыть дверцу, как он тут же завел свой мотоцикл. Внезапно я почувствовал, что это последняя капля: мы с Эллен задумали прокатиться за город, и я вовсе не желал, чтобы этот тип увязался за нами. Я подошел к нему.

— Сегодня вы за мной не поедете!

— Да ну? Это вы так решили?

— Да. Вы меня поняли?

— Я имею право гулять, где вздумается.

Я вынул из кармана перочинный нож, открыл большое лезвие и до упора воткнул в шину мотоцикла.

— Придется малость подкачать, а вообще — пусть Доминик купит вам новый. Только не пытайтесь угнаться за мной со спущенной шиной. Это опасно для здоровья.

Он с ненавистью посмотрел на меня, не осмеливаясь ни возразить, ни шевельнуться.

— Вот и умница! Спорить бесполезно — не та весовая категория.

Я сел в машину и укатил. Конечно, проку от моего поступка было немного, но зато я отвел

душу. Ясно, что парень сразу позвонит Доминику, и меня засекут еще в пределах центра.

Тут-то я и решил положить конец этой осточертевшей мне слежке, начавшей действовать на нервы. По-видимому, от моего добродушия эти мерзавцы только нагтели. И вот сегодня мое терпение лопнуло. Из сети Керфью не выпутаешься, ее можно только порвать. Я, наконец, решился.

Эллен сидела с дядей на крыльце. С тех пор, как с удьи не стало, Эндрю навещал племянницу каждый день.

— Джерри, дядя предлагает мне переехать к нему, — тут же сообщила мне Эллен и незаметно кивнула.

Я повернулся к Эндрю, ошарашив его словами:

— Мы с Эллен решили пожениться.

— Когда?

— Меня бы вполне устроило сегодня, но она хочет подождать еще пару недель.

Эндрю задумался, потом посмотрел на племянницу.

— Вы что, просите у меня благословения? — тихо спросил он.

— Я знаю, ты не одобряешь этого решения, но ничто не помешает мне выйти за Джерри!

Эндрю взял девушку за руку и, обращаясь ко мне, сказал:

— Поймите меня правильно, Джерри, я ничего не имею против вас и уверен, что более достойного мужа Эллен не найти. Но вы же твердо решили оставаться моим врагом, все время пытаетесь свалить меня, разорить, лишиться влияния.

— Совершенно верно.

— Но почему? Жаждете занять мое место?

— Нет.

— Жаль. Если бы причина вашей враждебности была только в этом, я бы к свадьбе преподнес вам такую власть, о которой вы и мечтать не смели. Впрочем, я уже предлагал...

— Нет, к власти я не стремлюсь. Вам этого не понять, не так ли? Для вас власть — религия.

— Вы правы. А во что веруете вы?

— Не знаю. Вероятно, мной просто движет желание завершить начатое. А о награде я не думаю.

— Слишком старомодно, Джерри. Так рассуждал ваш отец.

— Но я продолжаю его дело...

Эллен сидела, низко опустив голову. Думая, что мы на нее не смотрим, она время от времени поднимала руку и смахивала со щеки слезинку.

— Должны же вы понимать, насколько деликатно наше положение! — серьезно заметил Эндрю. — Я — глава семьи, а Эллен носит фамилию Робинсон.

— Ничего, скоро она сменит ее на мою. И у нас будет своя семья. Не менее могущественная, чем ваша, но мы достигнем этого другими средствами.

Эллен вскочила и убежала в дом. Дядя проводил ее взглядом, и лицо его вдруг погрузнело.

— Я хотел с вами поговорить, — признался я. — Мое терпение лопнуло. Надеюсь, вы понимаете, что я имею в виду. За мной следят день и ночь.

Не знаю, чей это приказ — ваш или доктора Уилкса...

— Мой.

— С меня хватит!

— Нет, милейший, так будет всегда.

— Не выйдет. Я с этим покончу, пусть даже силой.

— То есть?

— Я объявляю вам войну. Если понадобится, найму банду гангстеров и привезу ее в Мидленд. Их будет много, и пощады не ждите.

— Это было бы ужасно, — пробормотал Эндрю.

— Я им хорошо заплачу, а, кроме того, обещаю в награду все хозяйство Керфью.

Большой Босс начал тихонько насвистывать.

— Вы думаете, что я на это не способен?! — рассердился я.

— Напротив. Но, повторяю, это было бы ужасно.

— Разве вы не делаете то же самое уже двадцать лет? Все это мне не по душе, но вы не оставляете другого выхода. И уж если я примусь за дело, меня ничто не остановит...

— Джерри, по-моему, мы говорим на разных языках, и оба запутались: я не уверен, что вы сами знаете, к чему стремитесь, и не знаю, в чем именно хочу вам помешать. Вы правы: хорошо организованная банда может и вправду поставить на уши весь город. Прольется кровь. Погибнут и мои, и ваши люди — потеря невелика, но будут и невинные жертвы: женщины, дети, полицейские — отцы семейств.

— И все-таки, если вы меня вынудите, я на это пойду.

Он покачал головой.

— В таком случае, лучше поискать мирное решение.

— Что ж, давайте попробуем.

— Вы хоть знаете, чего хотите?

— Я хочу знать, почему шестнадцать лет назад Оливию Клейтон незаконно посадили в Грейстоун.

— Почему незаконно?

— Это мне известно. Я знаю, в каких условиях она жила там все эти годы, и знаю, где она сейчас. Говорю открыто, потому что вы уже не в силах что-либо изменить. С Доры Уилкокс не спускают глаз. И если она вдруг исчезнет, доктору Уилксу придется давать объяснения.

— И, по-вашему, я замешан в этой истории?

— Сейчас попытаюсь это доказать. А тогда уж возьму вас за горло и больше не отпущу, Эндрю Робинсон!

— Все это случилось без моего ведома, а я узнал лишь после смерти брата. Последние месяцы я чувствовал, что его гложут угрызения совести, но не догадывался, почему. — Большой Босс помолчал и грустно добавил: — И лучше бы я навсегда остался в неведении... Мой брат был неплохим человеком... Но эта женщина стала его шантажировать. Если вы копались в ее прошлом, то должны знать, что это была за особа: мотовка, без стыда, без совести. А судья имел глупость увлечься ею. Начался непродолжительный

роман. И, к сожалению, у миссис Клейтон остались доказательства. Брат был в полном отчаянии. Оливия Клейтон разорила бы его, не моргнув глазом. Что случилось бы с его женой и дочерью, тогда еще совсем маленькой? Вот он и упек мерзавку в Грейстоун.

Из меня словно выпустили воздух.

— Значит, вся моя работа насмарку... Какой смысл чернить память отца Эллен?

— Вот именно. А против меня у вас ничего нет. Уилкс же согласился потому, что дружил с судьей и, уступив однажды, не мог идти на попятный. Кстати, Оливия Клейтон и тогда была немного не в себе, а уж теперь окончательно свихнулась.

— После шестнадцати лет в дурдоме — немудрено.

— Уилкс о ней хорошо заботился, ей отвели удобную комнату, за ней ухаживали... — Робинсон опять немного помолчал. — Эллен ничего об этом не знает... если, конечно, вы ей не рассказали.

— Нет, я ничего ей не говорил.

— Теперь вам все известно. Судья умер, и не в ваших интересах обливаться грязью его имя. А насчет Уилкса имейте в виду: я его в обиду не дам. Он рассказал мне обо всем, когда понял, что вы напали на след, и я обещал, что ему не о чем волноваться. От своего слова я не отступлю. К тому же не думаю, чтобы у вас хватило доказательств.

— Вы правы.

— И уж я постараюсь, чтобы вы их никогда не нашли.

Я встал и подошел к приоткрытой двери.

— Дорогая, вы еще не готовы?

— Сейчас-сейчас, — ответила Эллен.

Я вернулся к Робинсону.

— Будь я уверен, что вы тут ни при чем, сегодня бросил бы все к чертовой матери.

— А я и в самом деле ни при чем.

— Тогда пусть ваши люди оставят меня в покое.

Большой Босс встал и протянул мне руку. Я пожал ее.

— Я поговорю с Керфью завтра, — пообещал Эндрю. — Сегодня это невозможно.

— Позвоните Доминику.

— Нет. Я никогда не общаюсь с ним напрямую. Черт возьми, неужели вы не можете потерпеть до завтра?

— Пожалуй, нет.

— Выходит, весь наш разговор впустую?

— Что делать? Перемирие начнется, только когда вы уберете слежку.

— Завтра.

На пороге показалась Эллен. Эндрю встал и начал прощаться. Как только он ушел, Эллен призналась мне:

— Я была в гостинной и все слышала.

— Ну, и что скажете?

— Не верю, что папа мог так поступить.

— Но ведь это он подписал постановление суда.

— Я не об этом. Папа, бесспорно, виноват, но я уверена: он оставался верен матери. Когда мама умерла, мне было девять лет. Отец обожал ее.

Я обхватил ее за плечи и крепко прижал к себе.

— Наберитесь мужества, дорогая.

— Неужели мы когда-нибудь будем счастливы?

— Не сомневаюсь. Но прежде надо пережить это испытание до конца.

— Да, отступить уже слишком поздно.

— Осталось совсем немного. Я уже почти закончил расследование.

— Вам не хватает доказательств?

— Нет, надо только кое-что проверить. Я это сделаю сегодня же.

— Но ведь за нами будут следить!

— Я попытаюсь удрать, а не выйдет — наплевать. Все равно меня не остановишь, да и пора выкладывать карты на стол.

— Мне страшно, Джерри... они убьют вас!

— Я сумею себя защитить, дорогая.

Какое-то время она задумчиво смотрела на залитый солнцем сад.

— Все мысли только о вас, Джерри. И пусть дядя считает, что я предаю Робинсонов, мне ничуть не стыдно.

Наш разговор прервал шум мотора, и я увидел, как один из моих преследователей остановил мотоцикл у ворот.

— Ну, вот, опять, — дрожащим голосом проговорила Эллен.

— Сейчас я от него избавлюсь.

— Будьте осторожны, милый!

Я улынулся, ласково погладил девушку по щеке и сбегал с крыльца. Мотор мотоцикла все еще урчал. Молодой человек смерил меня взглядом, явно пытаюсь подражать наглым манерам Доминика.

— Так это вы собираетесь за мной следовать?

— А ты думал? С чего бы я сюда притащился?

— Вы за мной не поедете.

— Да ну? — Его правая рука потянулась к боковому карману. — Только попробуйте сыграть со мной ту же шутку, что с Джеком, и...

Парню не удалось договорить. Я размахнулся и одним ударом сшиб его с сиденья. Мотоциклист рухнул на асфальт, и я, не дав ему опомниться, выхватил из кармана его куртки револьвер, потом рванул за грудки и поставил на ноги. Из угла его разбитого рта на рубашку стекала струйка крови.

Я разжал пальцы — несколько секунд парень стоял в полном оцепенении, а затем его лицо исказила бессильная ярость: я спокойно вытащил из кармана перочинный нож и одно за другим вспорол оба колеса мотоцикла.

— Вот так. Если хотите позвонить Доминику — ближайший автомат в пяти минутах отсюда, четвертый поворот направо.

Парень повернулся на каблуках и убежал. Из ворот выехала моя машина, за рулем сидела Эллен. Она открыла дверцу и подвинулась, пропуская меня за руль.

— Джерри, теперь они окончательно взбесятся.

— Тем лучше.

Я нажал на газ, и вскоре центр города остался позади. Наш преследователь, наверное, только добрался до телефонной будки, а мы уже катили по Северному бульвару. Вряд ли ищейки Доминика разыщут нас, прежде чем мы снова вернемся в центр.

Мы свернули на безлюдную узкую улочку, и я указал Эллен на грязную деревянную развалюху.

— Вот здесь раньше жил Ленахан.

Еще несколько миль — и мы выехали из города по Карсон-авеню. Теперь мы мчались по широкой дороге среди садов и ухоженных вилл. Я остановил машину возле двухэтажного коттеджа. На подъездной дорожке за воротами красовался новенький автомобиль.

— А вот здесь он живет теперь.

Миссис Ленахан проводила меня в гостиную и попросила подождать. Здесь все было новым, только что из магазина: кресла, диван, ковер. В комнате еще не выветрился запах краски и свежеструганного дерева. В камине сверкала не тронутая сажей решетка.

Сам Ленахан, войдя в комнату, выглядел смущенным, как принарядившийся в воскресный день рабочий. Воротник явно натирал шею, а завязанный неумелой рукой галстук съехал набок.

Я знал историю этого человека (один из наших репортеров изловчился взять у него интервью во время следствия по делу о смерти Мэджи). В свое время Ленахан работал на стройке чернорабочим, потом плотником и каменщиком. У него было шестеро детей, но, несмотря на все жизненные неурядицы, он всегда оставался честным человеком и хорошим отцом семейства. Я понимал, что справиться с ним будет несложно.

Мы пожали друг другу руки.

— Моя фамилия Спенс, я — из «Гзет».

Ленахан был явно не в восторге.

— Надоели мне все газеты, но все-таки спасибо, вы хорошо обо мне написали.

Я жестом остановил его.

— Ладно-ладно, деловому человеку негоже пренебрегать бесплатной рекламой. Смотрите, что она принесла вам: красивый дом, новая машина, процветающая фирма...

Я сел на диван, а он осторожно опустился на краешек кресла. Было ясно, что Ленахан предпочел бы разговаривать, сидя на ступеньках крыльца.

— Мы напечатаем такое интервью, что оно наделает шуму от Атлантики до Тихого океана. Какое удивительное приключение! Какая стремительная карьера! Вчерашний безработный — владелец крупной компании!

Ленахан смущенно теревил пальцы.

— Не хочу я больше никаких статей!

Но я, не обращая на него внимания, продолжал:

— Как же мы назовем это интервью? «Из грязи — в князи»? Нет? Придумаем что-нибудь еще. А как вам вот это: «Убийство покойника»?

Кровь отхлынула от лица Ленахана, и оно приобрело землисто-серый оттенок. Он подался вперед и чуть не упал с кресла.

— Нет, — продолжал я, — так тоже не пойдет. Может быть, лучше «Ленахан и Волшебник»? Как, по-вашему?

— Я... я не понимаю, сэр!

— Ну, так давайте я расскажу вам всю историю. Уверен, что дело сразу прояснится. Вы целый год сидели без работы. Время от времени кое-что, конечно, перепадало, но семья просто умирала с голоду. Иногда вы брали у соседа ружье и отправлялись бродить по холмам в надежде подстрелить кролика. — Я взглянул на Ленахана. Он облизывал пересохшие губы. На лице явственно читалась смесь удивления и страха. — Все остальное время вы сидели на крыльце, раздумывая, чем все это кончится, когда же вы, наконец, найдете работу и сможете накормить жену и детей. Вы было попытались занять немного денег в банке, но процедура оказалась слишком долгой. Тут-то и подвернулся Волшебник.

Он попытался встать.

— Сядьте, Ленахан. Это еще только начало. Волшебник предложил исполнить все ваши желания, как в сказке. Деньги. Дом. Машина. Фирма на ваше имя. Контракты с городским управлением. Ценные сведения о планах строительства. Офис в центре города. Складские помещения. И ради всего этого не нужно было даже совершать преступление — только пальнуть пару раз по трупу.

Ленахан вскочил.

— Нет! — кричал он.

— Да! — так же громко воскликнул я, тоже вставая и не отводя от него глаз.

У бедняги задрожали колени, и он снова рухнул в кресло. Дыхание сделалось шумным, как после забега на длинную дистанцию. На щеках и шее выступили капли пота.

— Больше от вас ничего не требовалось — только убить уже мертвого, к тому же сумасшедшего и преступника. А вдобавок вы еще превращались в героя.

Я положил ему руку на плечо. Ленахан испуганно смотрел на меня снизу вверх. Я ткнул пальцем ему в грудь.

— Так кто же Волшебник?

Он снова облизал губы и попытался судорожно сглотнуть, но тугой воротник слишком сильно сжимал горло.

— Доктор Уилкс?

— Да.

Я тут же сменил тон и, не убирая руки, заговорил гораздо мягче:

— Вам нечего бояться, Ленахан. Я — ваш друг и не собираюсь вредить вам. Никто и не думает ничего отбирать.

Не в силах больше сдерживаться, Ленахан спрятал лицо в широких ладонях и разрыдался.

— Я — не просто репортер, а владелец «Гэзет». Я могу вас спасти и готов помочь вам, только ничего от меня не скрывайте! А дом, машина и все прочее останется у вас. Понятно?

— О, Боже мой!

Через час я уже вернулся к Эллен и все ей рассказал.

— Это честный человек, во всяком случае, настолько, чтобы не упорствовать, поняв, что все выплыло наружу.

— Но Ленахан сообщит, что вы были у него.

— Нет. Я предупредил, что, если они почуют опасность, мигом уберут его. И все расписал в таких цветах и красках, что бедняге и ночью будет снится. А еще я рассказал про Хэтфилда. Поэтому, если Ленахану не приставят нож к горлу, он промолчит.

— А если приставят?

— Тогда расколется. Он из тех, кто, в конце концов, всегда говорит правду.

— А если его убьют?

— У меня в кармане — собственноручное признание Ленахана. Мне пришлось диктовать по буквам почти каждое слово, поэтому я так и задержался.

— Джерри, вы совершили чудо!

— Да нет, ничего особенного. Ленахан — как ребенок, не очень-то и сопротивлялся.

— Но как вы уговорили его написать все это, да еще поставить свою подпись?

— Пообещал защиту. Сказал, что банда наверняка попытается заткнуть ему рот, но, узнав, что у меня в сейфе такая бумага, его по крайней мере побоятся убить.

Я уже давно поглядывал в зеркальце заднего вида.

— Кажется, за нами пристроился какой-то «форд».

Мы свернули на Джексон-бульвар — я нарочно поехал в редакцию по самым людным улицам. Только передав документ фотографу, я, наконец, облегченно вздохнул. Эллен ждала меня в моем кабинете. Вскоре я вернулся и запер оригинал в сейф. Повернув рычаги на тяжелой металлической двери, я подошел к девушке.

— Ну, вот и все!

Она встала и обняла меня за шею.

— Вы дрожите, дорогая?

— Мне страшно, Джерри.

— Чего же вы боитесь?

— Не знаю.

— Не надо так нервничать. Осталось совсем чуть-чуть. Мы и так уже победили.

— А вдруг с вами что-нибудь случится?

— Чепуха. А, впрочем, — я кивнул на сейф, — у меня есть, чем откупиться.

— Но вы никогда не согласитесь спастись такой ценой!

— Этого и не потребуется. Мужайтесь, дорогая. До сих пор вы держались потрясающе. Еще буквально несколько дней...

— Они-то меня и пугают...

Мы вышли на улицу. За моей машиной стоял темно-синий кабриолет. А рядом, на тротуаре, покуривал Джо Доминик. На улице — ни души. Обычное дело по воскресеньям.

Я решил не обращать внимания на Доминика и открыл дверцу, пропуская Эллен. Не вынимая рук из карманов, бандит направился ко мне.

Не желая волновать Эллен, я повернулся к нему спиной и уже собирался обойти машину, как вдруг Доминик преградил мне дорогу. Смертельно бледная Эллен не спускала с нас глаз.

— Скорее, Джерри! Я тороплюсь!

— Сегодня вечером я сам займусь вами, — насмешливо бросил Доминик.

— На здоровье!

Он по-прежнему держал руки в карманах, и под пиджаком угадывались очертания пистолета.

— А, так мне, значит, вы разрешаете? Это вы только с мальчиками такой смелый, вы, грязный...

Он угрожающе придвинул ко мне физиономию. Что ж, сейчас или никогда! Я вложил в удар всю силу, на какую только был способен, и почти в ту же секунду быстро отскочил в сторону, спасаясь от пули. На мгновение сердце остановилось, но я тут же облегченно перевел дух: Доминик, с остекленевшим взглядом медленно оседал на асфальт. Для верности я еще раз врезал ему по голове, и бандит тяжело рухнул на землю.

Я быстро обыскал его и вытащил из кармана пистолет — другого оружия не оказалось. Доминик так и остался лежать ничком на тротуаре.

Эллен рыдала, закрыв лицо руками. Я погладил ее по волосам.

— Ну-ка, детка, дайте мне сесть.

Теперь мы были готовы нанести решающий удар. Митчелл и Дженнисон помогли мне систематизировать груду добытых сведений. Весь стол был завален машинописными страницами, фотографиями и газетными вырезками.

— Все это надо превратить в статьи. После обеда поручите самое важное Ноли. Пусть развернется на всю катушку. — Я, улыбаясь, посмотрел на Дженнисона. — И вы, кстати, тоже можете не стесняться. Если мы проиграем, им достанется и газета, и все прочее, а нас ждут крах и разорение.

Глаза Дженнисона метали молнии, и его обычно бледное узкое лицо разругалось.

— Эх, жаль, что этого не видит ваш отец!

— Когда мы пускаем это в номер? — спросил Митчелл.

— В среду утром.

— Тогда времени полно: сегодняшний день, ночь и еще завтра. Годится!

Нас прервал телефонный звонок. Рэй передал мне трубку. Звонил Эндрю Робинсон.

— Я уладил то, о чем мы вчера говорили.

— Спасибо. Значит, я могу свободно передвигаться?

— Конечно. Я только что виделся с Керфью, и, надеюсь, перемирие уже началось.

— Я тоже надеюсь.

— Мне бы надо с вами поговорить, Джерри. Может, заедете ко мне вечером?

— Нет, сегодня не получится. Давайте завтра вечером.

— Договорились. Дело терпит. В девять вас устроит?

— Вполне.

Во второй половине дня я поехал в Грейстоун. Я не стал спрашивать, примет ли меня доктор Уилкс, и пошел напрямик в кабинет. Он пронзил меня взглядом.

— Что вам угодно?

— Хочу с вами поговорить.

— О чем?

— Об очень серьезном деле.

Уилкс нервно скомкал лист бумаги, который держал в руке. Он явно раздумывал, стоит ли меня слушать. Тем временем я закрыл дверь и сел у окна.

— Нас никто не слышит?

— Нет. А в чем дело? Я спешу.

Я достал портсигар, открыл его и протянул Уилксу, но тот покачал головой. Тогда я закурил. Доктор нервно барабанил пальцами по подлокотнику кресла. Я выждал еще несколько секунд, стараясь оставаться невозмутимым, и тихо проговорил:

— Вам конец.

— Что вы имеете в виду?

— Теперь мне известно все. У вас есть алиби на вечер шестого августа между девятью и десятью часами?

— Вы думаете, мне нужно алиби?

— Не думаю, а уверен! Именно в это время убили судью Робинсона!

Он откинулся на спинку кресла, с наигранным удивлением вскинув брови.

— Но ведь всем известно, что в это время Мэджи был...

— Мертв! Или, во всяком случае, не в состоянии кого-либо убить.

Казалось, мои слова оглушили Уилкса. На несколько секунд у него перехватило дыхание. Лицо оставалось бесстрастным, но взгляд выдавал внутреннее смятение. Очевидно, он с самого начала предполагал, будто меня интересует лишь политическая подоплека побега, а потом — история Оливии Клейтон. И только теперь до Уилкса дошло, к чему я клоню.

— Так вот, когда вся история выплывет наружу, вам понадобится алиби.

Уилкс не ответил. Мрачная усмешка скривила его рот, и он снова забарабанил пальцами по креслу.

Я продолжал спокойно курить, ожидая, что будет дальше. До среды еще уйма времени. Пусть Уилкс хорошенько все обдумает — тем яснее он поймет, что партия проиграна. Но станет ли он выкручиваться? Именно за этим я и пришел.

Наконец, доктор выдавил из себя:

— И вы собираетесь печатать такую чушь?

— Да, и очень скоро.

— Имейте в виду: все эти нелепости придется доказывать.

— Все доказательства у меня есть.

Уилкс привстал.

— Я уже предупреждал вас в прошлый раз. Помните, я сказал: «Прекратите за мной шпионить!» А сейчас говорю: «Не вздумайте ничего печатать!»

Я показал ему кулаки: пальцы распухли, суставы ободраны.

— Вот результат вашего последнего предупреждения. Только вы забыли добавить, что я обдеру все руки о челюсть Джо Доминика.

Он вздрогнул.

— Что случилось? Вы подрались?

— Скажем, я его проучил. Но вернемся к делу.

Вы — у меня в руках и сами прекрасно это знаете.

Судью убил вовсе не Мэджи.

— И вы обвиняете меня? Я тут ни при чем.

— Вранье!

— У меня есть алиби.

— Нет.

— Судью убили между девятью пятнадцатью и десятью, верно?

— Да.

— Шестого августа я не выходил из этого кабинета с половины девятого до одиннадцати вечера.

— Так я вам и поверил!

— У меня есть свидетели.

— Для хорошего прокурора все ваши купленные свидетели будут недорого стоить.

— Я никого не подкупал. По меньшей мере, четыре человека могут поклясться, что видели меня здесь. С девяти до половины десятого со мной были доктор Хейли и доктор Саммерс, и еще заходили две медсестры — одна до, другая после этого времени.

Я встал.

— Спасибо. С вами все ясно, доктор Уилкс.

Он взглянул на меня и страшно побледнел. В глубине зрачков вдруг мелькнул панический ужас.

— Что? Какую ловушку вы мне еще подстроили? — прохрипел он.

Я подмигнул.

— Это пока секрет.

Я внимательно наблюдал на ним. Уилкс стоял, опираясь обеими руками о стол. Вдруг правая рука медленно поползла к среднему ящику. Я спокойно достал из кармана пистолет Доминика и направил на доктора.

— Эту игрушку я взял у Доминика.

Рука Уилкса замерла.

— Ваш приятель так и не успел пустить его в ход.

Я медленно пятился к двери, не спуская с Уилкса глаз. Он не шевелился. Не оборачиваясь, я отворил дверь, выскользнул из кабинета и замер, прислушиваясь. Уилкс набирал чей-то номер.

На следующий день, сразу после ужина мне позвонил Джимми Уэллс. С трудом переводя дыхание, он сказал, что стоит внизу, в холле, и попросил разрешения подняться.

Я на всякий случай сунул в карман халата пистолет и стал ждать. Уэллс несколько раз торопливо постучал, как будто за ним гнались. Я осторожно приоткрыл дверь, держа руку в кармане. Джимми протиснулся в комнату. Он был бледнее обычного и весь дрожал, но я все равно решил не рисковать.

— Подними-ка руки, малыш!

Уэллс послушно выполнил приказание. Я ощупал его карманы: пусто.

— Ну, в чем дело?

— Вы собираетесь к Эндрю Робинсону?

— Да, через десять минут ухожу.

— Не ходите туда!

— Это еще почему?

— Они устроили засаду!

— Кто?

— Доминик, Мэллой и Шорти. Я подслушал их разговор. Ведь это Большой Босс живет на Кенсингтон-Плейс?

Я кивнул.

— Вас будут поджидать на обратном пути.

В машине Доминика, с тремя автоматами. Как только откроете дверь — они проедут мимо и изрешетят вас на ходу.

— Когда вы слышали разговор?

— Два часа назад. Но никто не знает, что я подслушивал.

— А кто отдал приказ? Керфью?

— Не знаю, но, по-моему, Доминик. Он никак не можете пережить, что вы его вырубили.

Я на минуту задумался, потом снял халат и начал одеваться.

— Наденюсь, вы не туда? — с тревогой спросил Уэллс.

— Именно туда. Ни черта у них не выйдет! Сядьте, Джимми. Вон там, на столе, в коробке — сигареты.

Уэллс дрожащей рукой поднес к сигарете спичку и сел на диван. Я наблюдал за ним в зеркало.

— Спасибо, Джимми! Этого я не забуду!

— Ладно, мне пора сматываться... и побыстрее.

Вы ведь знаете, что они со мной сделают, если догадаются...

Я надел пиджак и сунул пистолет в правый карман.

— Оставайтесь. Здесь вам ничего не грозит. Только не вздумайте выходить без моего ведома!

— Может, мне вообще убраться из города?

— Нет, я сумею вас защитить.

Тут я увидел, что парень насквозь промок. Весь день шел дождь. Я прислушался: капли все еще барабанили по стеклу.

— Раздевайтесь, Джимми. Вон там, в шкафу возьмите пижаму, тапочки и халат. А захотите принять душ или ванну — не стесняйтесь. Для вас найдется отдельная комната. Но к моему возвращению постарайтесь быть на ногах.

Уэллс посмотрел так, словно не сомневался, что видит меня в последний раз.

— Да не волнуйтесь вы! Я вернусь. А вы уверены, что они не нападут по дороге туда?

— Уверен. Доминик заедет за Мэллоем и Шорти в четверть десятого, потом они отправятся на Кенсингтон-Плейс. Если лампочка над входом не будет гореть — значит, вы еще в доме. Должно быть, Доминик сговорился со слугой Робинсона Дуганом. Как только вы появитесь на крыльце, лампочка загорится. И не успеете вы добраться до

машины, они уже подъедут. Вас легко узнать по плащу и шляпе.

Я надел плащ и ту же бежевую шляпу, в которой ходил весь день.

— Переоденьтесь хотя бы! — взмолился Джимми.

— Зачем? Не надо так беспокоиться! Ждите меня здесь. Я не забуду, что вы спасли мне жизнь.

Джимми смутился.

— Я это сделал вовсе не ради

вознаграждения...

— Вы уже поужинали?

— Нет.

— Тогда я попрошу портье вам что-нибудь принести.

— Не ходите туда! — Джимми грустно посмотрел на меня и пробормотал: — Нет, наверное, я вас так никогда и не пойму!

Кенсингтон-Плейс представляет по форме вытянутый прямоугольник, по обеим длинным сторонам которого высятся роскошные особняки, отделенные от проезжей части решеткой и небольшим газоном. Въезд и выезд на площадь украшают арки с колоннами.

По вечерам Кенсингтон освещает лишь тусклый свет четырех фонарей.

Я подъехал к дому Эндрю Робинсона и оставил машину под дождем прямо у тротуара.

Калитка оказалась не запертой, и я тут же поднялся на крыльцо.

Дверь открыл Дуган. Большой Босс уже ждал меня в гостиной.

— Привет, Джерри! Здорово вымокли?

— Да нет, не очень.

— Прошу вас, проходите, — сказал Эндрю, показывая мне дорогу в библиотеку — просторную комнату, обставленную с суровым изяществом.

— Ну, что, вас, наконец, оставили в покое? — поинтересовался Робинсон, как только мы уселись.

— Похоже на то. Во всяком случае, сегодня я не видел своих «ангелов-хранителей».

А все-таки интересно, знает ли Большой Босс, что Доминик и его дружки решили ждать меня, затаившись в синей машине на углу Кенсингтон-Плейс?

— Уилкс уже сообщил вам о моем вчерашнем визите?

— Да, только он не понял, зачем вы

приходили.

— Отлично понял!

— Вы обвинили его в убийстве. Так кого же он, по-вашему, прикончил?

— Я лишь хотел выяснить имена тех, кто может подтвердить его алиби на шестое августа, в те часы, когда произошло убийство. Вам же известно, что сомнение всегда толкуется в пользу обвиняемого. Я намерен выдвинуть обвинение против другого лица и представить доказательства. Потому-то мне и нужно снять все подозрения с Уилкса. Понимаете? И он угодил в ловушку.

Робинсон пристально посмотрел на меня, явно без тени смущения.

— По-вашему, я сам убил брата?

— Я в этом просто уверен.

— Вы меня подозревали с самого начала?

— Да. И вы это прекрасно знали.

— Так что вы собираетесь делать?

— Отправить вас на электрический стул.

— А не кажется ли вам, что задача для вас трудновата?

— Сначала так оно и было, но самое сложное уже позади.

— Однако я все еще сижу в своем собственном удобном кресле — и никакого электричества!

— Пока — да, но я вас уничтожу. Даже если вы сумеете избежать смертного приговора, больше вам здесь не хозяйничать!

— И как же вы намерены действовать, мой мальчик?

— Напечатано все, что мне известно.

— Когда?

— Очень скоро. Через неделю, может, две.

(Тем временем типография «Гзет» уже всюю набирала роковой выпуск.)

— О чем же вы хотите написать?

— Я и пришел рассказать об этом. Я обвиняю вас в четырех убийствах.

Робинсон удивленно вскинул брови.

— В четырех? — И он начал насмешливо загибать пальцы: — Мой брат. Джонас Хэтфилд...

— Нет, не Хэтфилд! Вы лишь косвенно виновны в его гибели. Тут придется расплачиваться Доминику с дружками. Кстати, как только вы

больше не сможете их защищать, гангстеры ответят и за многие другие преступления. А вас я обвиняю в четырех убийствах: Мясника Мэджи...

— Вот как?

— Кеннеди.

Улыбка сползла с лица Большого Босса.

— Вашего брата.

— А кто же четвертый?

— Уэсли Клейтон.

Наступило долгое молчание, и я понял, что по-настоящему пробрал Эндрю. На мгновение у него перехватило дыхание, и брови сошлись на переносице, ладони судорожно сжались и раз-

жались. Однако Большой Босс быстро пришел в себя, и, когда заговорил снова, его голос звучал почти так же спокойно, как прежде.

— Забавный вы малый! Намерены публично обвинить меня в четырех убийствах, причем одна из жертв — мой собственный брат. И это при том, что все знают, как я был к нему привязан. Мы были компаньонами, и за все это время — ни малейших разногласий, ни единой ссоры. Кроме того, уже установлено, что судьбу убил Мясник Мэджи.

Я хотел возразить, но Робинсон жестом остановил меня и продолжал:

— Подождите! Еще вы утверждаете, будто вторая моя жертва — этот самый Мясник Мэджи.

Но ведь всем известно, что маньяк бежал из Грейстоуна, и есть свидетели, видевшие его на

свободе. И, в конце концов, беглеца застрелил какой-то браконьер. Что до Кеннеди, то комиссия установила, что это Мэджи убил его при побеге. А что касается Уэсли Клейтона, его убийца во всем признался и был за это осужден. — Эндрю Робинсон остановился и покачал головой. — Знаете, Джерри, по-моему, вы просто теряете рассудок! Как думаете, что ответил бы такой рассудительный человек, как Рэй Митчелл, предложи вы ему напечатать всю эту кучу нелепостей?

Я понял, куда клонит Большой Босс.

— Митчелл пока не в курсе.

Он прикрыл глаза и, слегка отодвинув кресло, скрестил ноги. Мой ответ явно его успокоил. «Он знает, что эти трое ждут меня в синей машине, — подумал я, — значит, засада — его рук дело».

— Митчелл рассмеется вам в лицо, когда вы расскажете ему всю эту чепуху. А что думает Эллен?

— Я пока не говорил с ней об этом. И вообще ни с кем. Когда же расскажу Рэю, то, может, он сначала, как вы говорите, и рассмеется, но, не успею я закончить, ему станет не до смеха, и старик тут же примется за работу. Хотите, я вам все расскажу?

— Сделайте одолжение.

— Двадцать лет назад Большим Боссом был Уэсли Клейтон, а вы — его ближайшим помощником. И, покуда он был жив, вы никак не могли заполучить всю власть, о которой так мечтали. А потому выжидали удобного момента.

Эндрю в упор смотрел на меня. Его лицо казалось каменной маской.

— И вот, наконец, случай представился. Вы без колебаний ухватились за него. Впрочем, вы всегда любили рисковать. Когда Клейтон и Уорнер направились в сад, вы якобы бросились звать полицию. Вам не составило труда пробежать по аллее и вернуться в сад по параллельной улице. В темноте Клейтон не заметил вашего приближения. Но даже если и заметил, это ничего не изменило: вы успели дважды выстрелить в него из револьвера. Уорнер же был настолько пьян, что даже не сообразил, что произошло. Вам оставалось лишь бросить к его ногам револьвер и побежать навстречу полицейскому, спешившему на выстрелы.

Робинсон недоуменно смотрел на меня, как бы спрашивая: «И как вы только до всего этого додумались?»

— Достаточно было правильно истолковать факты, — ответил я на немой вопрос. — Я почувствовал, что убийство вашего брата как-то связано со смертью Уэсли Клейтона, и просто потянул за эту ниточку.

Ответа не последовало: Большой Босс наверняка думал о трех убийцах в синей машине и о том, что мне не удастся никому рассказать эту историю.

— Уж не знаю, каким образом Оливия Клейтон, очевидно, догадалась, что именно вы убили ее мужа. Но это, признаюсь, только моя версия. А через три года вы упекли ее в Грейстоун. Зачем было так долго ждать? Тоже не знаю. Вы сказали мне, что женщина угодила в лечебницу, потому

что шантажировала вашего брата. Но это ложь! Оливия Клейтон тянула деньги из вас!

— Даже если все это так, вы ничего не сможете доказать.

— Зато наших читателей невероятно заинтересует такая история!

— Только попробуйте напечатать — и я отправлю вас за решетку!

— Но ведь это правда. Да или нет?

Ответ Робинсона несколько не удивил меня.

— Да, правда. Я даже не стану утруждать себя ненужными спорами. Мне плевать, что вы об этом знаете. Когда заряженное оружие попадает в руки несмышленного младенца, он может поранить только самого себя. Я даже расскажу вам то, чего вы еще не знаете. Оливия Клейтон довольно долго была моей любовницей. Примерно за неделю до убийства я купил револьвер и стал носить его с собой. За два дня до смерти Клейтона мы с Оливией встретились в квартире, которую я снимал специально для наших свиданий. Когда она повернулась ко мне спиной, я незаметно сунул револьвер в ящик. А потом, ища расческу, Оливия случайно наткнулась на него. Позже, на суде, она узнала оружие и, когда окончательно села на мель, попыталась шантажировать меня.

Наступила тишина. Я думал о типографских станках, крутившихся на полную мощность, а мой собеседник — о синей машине, там, на площади, под дождем. Трое убийц с автоматами наготове только и ждали, когда загорится лампочка над входом.

Эндрю Робинсон вдруг вскочил и направился в противоположный конец комнаты. Нашупывая рукоятку пистолета, я не спускал с него глаз. Большой Босс достал из бара бутылку и два бокала.

— Выпьете?

Он налил виски, и мы подняли бокалы.

— Короче, вы ничего не можете доказать!

— Да, услышав только это, Митчелл, конечно, послал бы меня подальше. Но послушайте продолжение. Вы убили брата, поскольку он хотел исповедоваться и, тем самым, предать вас. Тогда, ради вашего спасения, он согласился подписать постановление о переводе Оливии Клейтон в психбольницу. Но под влиянием Хэтфилда вознамерился публично покаяться в своем грехе. Как-то вечером судья признался в этом Уилксу, и тот помчался вас предупредить. Вы отчаянно пытались урезонить брата, но судья и слушать ничего не хотел... Тогда вы его убили.

Эндрю пожал плечами.

— Брат все равно не протянул бы и полугода — врачи уже вынесли ему приговор.

— Но, чтобы отвести от себя подозрения, вы, не колеблясь, принесли в жертву еще две жизни. Конечно, что для вас такие люди, как Мэджи и Кеннеди: один — преступник, другой — обыкновенный охранник, каких много! Вы все тщательно продумали: отправились в Грейстоун, оставили машину у старого корпуса, пробрались в подвал, зная, что дверь никогда не запирается, взяли на

складе скальпель и молоток... нет, скорее, только скальпель: охранники привыкли видеть в вас постоянного гостя доктора Уилкса, и вы опасались попадаться им на глаза с тяжелым молотком в кармане. Еще не было и девяти, как вы снова вошли, но уже через центральный вход. Видел ли вас кто-нибудь или заметил, как вы прошли, — не знаю. Мне было трудно навести справки, не вызывая подозрений. Но, если потребуется, можно и тут провести расследование.

— Ну, и что, если меня там видели? Разве это преступление? Я часто заходил к Уилксу.

— Но не думаю, что вы имели обыкновение бродить по коридорам лечебницы, да еще по вечерам!

— Я абсолютно уверен, что меня никто не видел.

— Это уже не имеет значения. Вы спрятались за деревянной перегородкой у дверей шестнадцатого блока. И, когда Кеннеди пришел делать обход, вы набросились на него (а охранник не отличался особой силой), слегка придушили, и он потерял сознание. Затем открыли его ключами стальные двери и втащили тело бедняги в камеру Мэджи. Заключенный спал. Вероятно, Уилкс уже подсыпал ему в ужин снотворного.

— Неплохо! — пробормотал Робинсон.

— Вы вошли в камеру... Сначала я решил, что вы сразу убили Мэджи, но, скорее всего, вы вкололи ему какой-нибудь сильнодействующий наркотик, потом, хладнокровно перерезав горло охраннику, переодели обе жертвы. Затем открыли дверь во двор и выволокли бесчувственное тело Мэджи в подвал. Оставалось лишь вернуться в коридор к перегородке и опустить рубильник. Правда, вы упустили из виду, что умирающий, да к тому же запертый в камере охранник никак не мог погасить свет.

Эндрю нахмурился: он не любил ошибаться.

— Так вот почему вы сразу заподозрили меня?

— Нет. Сначала я лишь отметил это про себя, не делая никаких выводов. Чуть позже мои подозрения пали на Уилкса, и только потом я добрался до вас. Как вы думаете, Митчелл и над этим посмеется?

— Ну-ну, продолжайте! Что у вас там еще?

— Вы снова вернулись в шестнадцатый блок, заперев за собой двери, и вышли во двор. Не знаю, сразу вы увезли Мэджи или забрали его позже? Но вот тогда-то вы и взяли молоток. Было примерно без двадцати шесть. Дорога до дома судьи заняла не больше пятнадцати минут. Вы вошли через сад и увидели, как он сидит в библиотеке один и что-то пишет. Вы не сомневались, что исповедь...

Я немного помолчал.

— А дальше?

— Вы подкараулили сзади...

— Нет! Я решил дать ему еще один шанс — целых пять минут умолял брата отказаться от такого безумия.

— А потом убили, искусно имитируя почерк Мэджи, забрали опасный документ и вернулись домой ждать, пока вам позвонят и сообщат об

убийстве брата. В следующие десять дней вы иногда надевали форму Кеннеди и бродили по предметям, насмерть пугая мирных обывателей. Все это время вы прятали Мэджи, постоянно накачивая его снотворным, потом убили и перетащили тело в сарай, где Ленахан и разрядил ружье в уже бездыханное тело. Вот и вся история. Что скажете?

— Очень занимательно. К сожалению, все это лишь догадки. У вас нет никаких доказательств. Неужели вы рассчитываете обвинить меня в убийстве Клейтона?

— Нет.

— Или надеетесь, что суд признает меня убийцей брата?

— Нет.

— И все же намерены это напечатать?

— Да. Для начала сгодится — статья всколыхнет весь город. Чем вы ответите? Подадите в суд за клевету? Именно этого я и добиваюсь — вы должны предстать перед судом, а уж тогда мы выложим все.

Эндрю долго смотрел на меня, не говоря ни слова. Потом встал и прислонился к камину.

— Так вы не все мне сказали?

— Нет.

— Значит, в запасе кое-что осталось?

— Да.

— Это явно не касается Оливии Клейтон, — тихо продолжал он, как бы размышляя вслух. — Вы не сможете доказать, где она находилась все это время: старые корпусы снесены. И вам нечем убедить суд, что Оливия была жива все эти годы.

— Ошибаетесь.

Робинсон удивленно вскинул голову.

— Как это?

— А Дора Уилкоккс?

— Она умерла вчера утром на операционном столе. На хирургическом вмешательстве настаивали трое врачей Грейстоуна. Оперировал сам Уилкс. Он — отличный хирург, но Дора Уилкоккс все же скончалась. — Большой Босс злорадно рассмеялся. — Не надо тягаться с нами, Джерри! Да и будь эта Дора жива, никто не смог бы признать в ней Оливию Клейтон. Она слишком изменилась за это время.

— Есть вещи, которые не меняются никогда. У меня в сейфе лежат фотографии с отпечатками пальцев Оливии Клейтон. Убив ее, вы сами подписали себе приговор. Придется объяснять это суду и представить труп Доры Уилкоккс... вместе с пальцами.

Большой Босс побледнел, плечи его внезапно поникли, подбородок опустился на грудь. Но он все еще не желал сдаваться.

— Все кончено, Эндрю Робинсон. Сегодня вам просто захотелось поиграть со мной, как кошке с мышкой, но кошкой оказался я. Можете пересчитать по пальцам мои козыри: отпечатки Оливии Клейтон, рубильник в шестнадцатом блоке, скальпель, который не мог попасть к Мэджи, пока тот не выбрался из камеры, свидетельские показания доктора Хейли — он подтвердит, что

Кеннеди скончался не от удара по голове, а от того, что ему перерезали горло. Да-да, и это я тоже знал!

Эндрю еще больше сгорбился. Лицо его посерело.

— Кроме того, у меня есть собственноручно написанное признание Ноэля Ленахана. Уилкс заплатил ему за выстрел по трупам Мэджи. И этот документ — тоже у меня в сейфе. Впрочем, есть и фотокопии в десяти надежных местах.

— Его признание?

— Да, я получил его в воскресенье. Ленахан, конечно, обвиняет Уилкса. Но доктор вряд ли согласится отправиться вместо вас на электрический стул. Впрочем, даже если он возьмет на себя убийство Кеннеди и Мэджи, то с убийством вашего брата этот номер не пройдет — у него есть алиби. Свидетели видели Уилкса в кабинете в тот момент, когда был убит судья.

Я умолк, с трудом переводя дыхание, словно все это время не говорил, а работал кулаками.

По лицу Робинсона, стекая на подбородок, катились крупные капли пота. Он еще храбрился, но вместо улыбки лицо исказила судорожная гримаса.

— Кажется, на сей раз я проиграл, Джерри.

— И вы даже не представляете, до какой степени! Я знаю, что сегодня вы задумали еще одно убийство: Доминик с друзьями поджидают меня на углу Кенсингтон-Плейс в синем автомобиле. Но я не собираюсь умирать нынче вечером. Впрочем, моя смерть вас бы уже не спасла. Утренний выпуск «Гэзет» завтра же расскажет всему городу и всему миру то, о чем вы только что услышали. Да и ваши приятели напрасно ждут. Я останусь здесь с вами.

— А... Эллиен знает?

— Да.

Он рухнул в кресло и надолго погрузился в размышления.

— Я не привык к поражениям, Джерри, — наконец, тихо и спокойно сказал Робинсон. — Но на этот раз я побежден.

Я промолчал — у меня хватило глупости пожалеть его.

— Для меня лучше — смерть. Я жил лишь во имя власти, могущества! Джерри, вы можете оказать мне одну услугу?

— Смотря какую.

— Я хотел бы уйти... исчезнуть. Вы мне можете?

— Нет. Вашего изгнания мне недостаточно.

— Я — не об этом. Мне надо отправиться туда... откуда не возвращаются.

— Вы предлагаете мне убить вас? Это не мое дело.

— Да нет же, — прошептал он, — я прошу лишь помочь мне.

Едва смолкли автоматные очереди и стих шум мотора, я позвонил Митчеллу.

— Срочно, Рэй! Специальный выпуск! Эндрю Робинсон мертв!.. Да... МЕРТВ... Убит гангстерами на пороге собственного дома... Доминик, Мэллой, Шорти!.. Понятно?.. Да, автоматной очередью из синей машины Доминика... Что?.. Да... Буквально минуту назад... Вы слышите сирену? Это как раз патрульная машина...

Я повесил трубку и сразу набрал домашний номер Лаудербека.

— Это я, Джерри Спенс... Слушайте внимательно... Эндрю Робинсона только что застрелили... Дайте же мне договориться!.. Доминик, Мэллой и Шорти... Давайте быстрее... да... Кенсингтон-Плейс, синяя машина...

Теперь я мог позвонить Эллиен.

— Все кончено, дорогая... Да, я еще там... Потом все расскажу. Да нет, со мной все в порядке... Подождите меня... Нет... через час... Да, к половине двенадцатого.

Выйдя в холл, я выключил лампочку, освещавшую крыльцо, и открыл дверь. У дома на шоссе уже стояло несколько машин с зажженными фарами. Между ними сновали чьи-то тени. Снова послышалась сирена, и к крыльцу подкатила «скорая».

Я поднял воротник пиджака и с непокрытой головой спустился по ступенькам крыльца под дождь. На мне не было ни плаща, ни шляпы: я одолжил их Эндрю Робинсону, когда он выходил из дому. Это и была та услуга, о которой он меня попросил. ☞

Подпишитесь через редакцию!

1. Заполните купон.

2. Заполните и оплатите квитанцию.

3. Отправьте копию оплаченной квитанции и заполненный купон одним из следующих способов:

— по факсу: **(499) 257-13-78;**

— по почте: **127994, г. Москва, ГСП-4, ул. Правды, д. 24, стр. 4;**

— по электронной почте: **sales@smena-online.ru; jurnal@smena-online.ru**

Купон и квитанция редакционной подписки

Количество номеров _____ начиная с № _____ за 2009 г.

Стоимость одного номера (включая НДС и стоимость доставки) — **67 руб. 10 коп.**

ФИО _____

Индекс _____ Область _____ Город _____

Улица _____ дом _____ корпус _____ квартира _____

Домофон/код _____ телефон _____

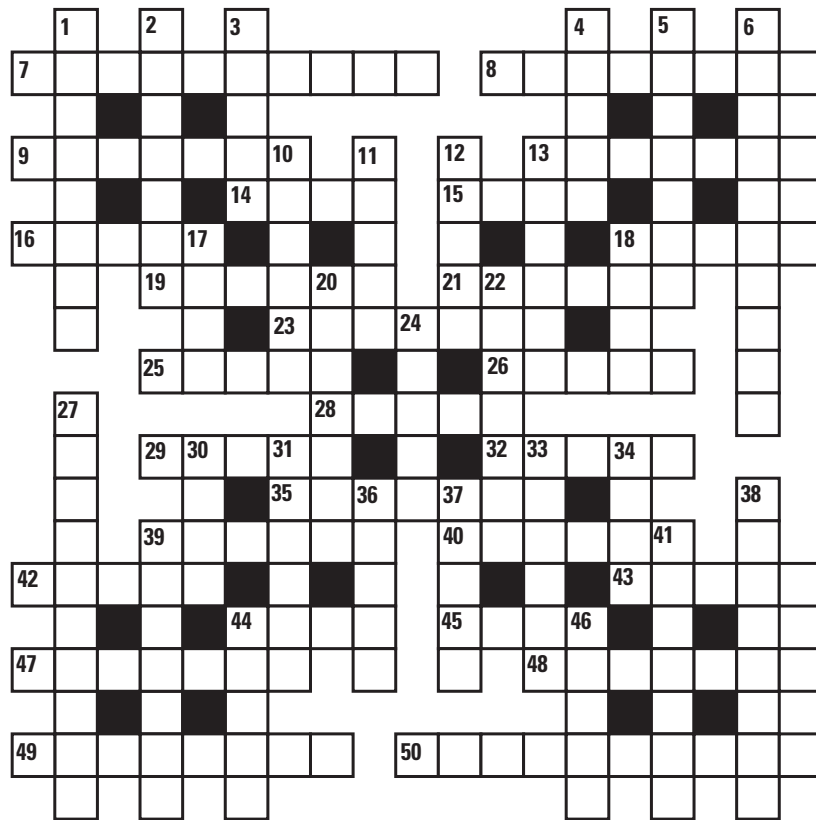
Электронный адрес _____ Дата рождения _____

Редакционная подписка осуществляется только в пределах РФ

Извещение	ИНН 7714026110 ООО «Издательский дом журнала «Смена» р/сч №40702810410150414401 в ОАО «Промсвязьбанк» г. Москва к/сч №30101810600000000119 БИК 044583119		
	(ф.и.о., адрес плательщика)		
	Назначение платежа		
	Вид платежа	Период подписки	Сумма (в том числе НДС-10%)
Кассир	Подписка на «Смену» 2009 г.		
	С условиями приема банком суммы, указанной в платежном документе, ознакомлен и согласен «_» _____ 2009 г. (подпись плательщика)		
	ИНН 7714026110 ООО «Издательский дом журнала «Смена» р/сч №40702810410150414401 в ОАО «Промсвязьбанк» г. Москва к/сч №30101810600000000119 БИК 044583119		
	(ф.и.о., адрес плательщика)		
Квитанция	Назначение платежа		
	Вид платежа	Период подписки	Сумма (в том числе НДС-10%)
	Подписка на «Смену» 2009 г.		
	С условиями приема банком суммы, указанной в платежном документе, ознакомлен и согласен «_» _____ 2009 г. (подпись плательщика)		
Кассир	ИНН 7714026110 ООО «Издательский дом журнала «Смена» р/сч №40702810410150414401 в ОАО «Промсвязьбанк» г. Москва к/сч №30101810600000000119 БИК 044583119		
	(ф.и.о., адрес плательщика)		
	Назначение платежа		
	Вид платежа	Период подписки	Сумма (в том числе НДС-10%)
Кассир	Подписка на «Смену» 2009 г.		
	С условиями приема банком суммы, указанной в платежном документе, ознакомлен и согласен «_» _____ 2009 г. (подпись плательщика)		

По горизонтали. 7. «Бережное отношение к человеческим душам, к их жизненному пути, всегда сложному и мучительному» (Н.Бердяев). 8. Европейская страна, родина вождя гладиаторов Спартака. 9. Человек, которого К.Прутков мог бы сравнить с трухлявым грибом. 13. Владелец гарема, свалившегося на голову Сухову в «Белом солнце пустыни». 14. Самая историческая женщина из мифов. 15. «Дорога, и сама бегущая, и нас несущая туда, куда мы держим путь» (Б.Паскаль). 16. Потрясающее чувство. 18. Затор в кровеносном сосуде. 19. В Испании — диктатор, а на Украине — писатель. 21. Соглашение, когда ударяют по рукам. 23. «Кузница мощи» (Е.Рерих). 25. Воспетое А.Пушкиным дерево, чья ядовитость на самом деле не столь высока. 26. О полнокровном или захмелевшем человеке на Руси говорили: рожа красная, хоть ... суши. 28. Приверженец древнего религиозного течения в Иудее, одного из предтеч христианства. 29. Импортный разведчик. 32. «Предисловие к женщине, а иногда и вся книга» (Н.Шамфор). 35. Аскорбиновая кислота или, скажем, ретинол. 39. Математик и мыслитель, чей сын взял знаменитый псевдоним Андрей Белый. 40. Прокрустова мера

пресечения. 42. Человек, знающий, как он сделал бы, если бы мог. 43. «Мертвая материя, ведущая себя, как живая» (В.Зегальский). 44. Яблочное вино, насыщенное углекислым газом. 45. Эстрадный певец-вегетарианец. 47. Олигофрения высшей степени. 48. Парламент в Иране. 49. Новогодняя цепь. 50. Квадратура домашнего круга.

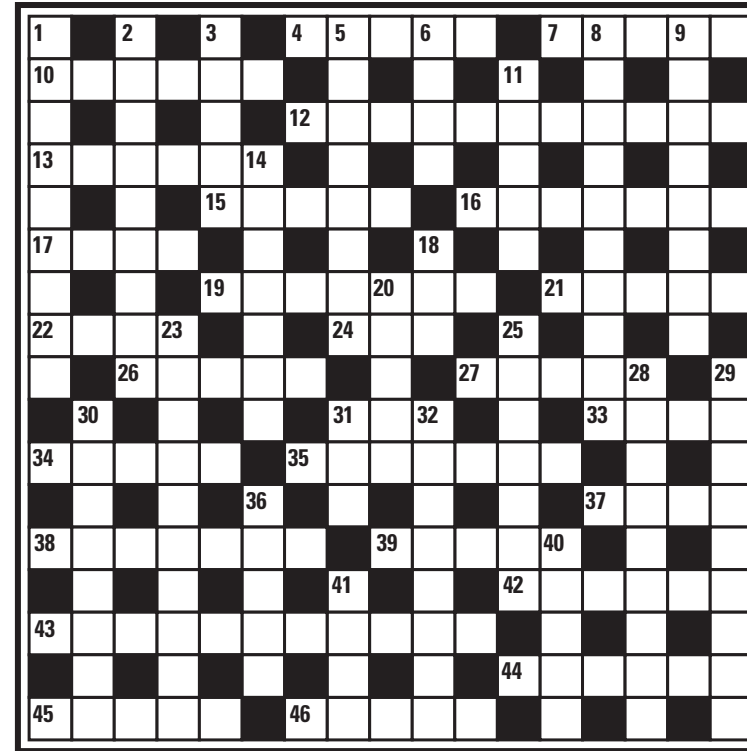
По вертикали. 1. Полная победа мороза над течением реки или волнением озера. 2. «Все, что было не со мной, помню» по отношению к «Малой земле» Л.Брежнева (ходил такой анекдот). 3. Имя младшего Аюяна. 4. «Заселение черепной коробки взрывоопасными предметами» (И.Холин). 5. Измызганная женщина, какую В.Даль поставил ниже потаскухи. 6. «Патриотическое искусство лгать во имя родины» (А.Бирс). 10. Человек, настаивающий на своем, стоя на коленях. 11. Советский драматург, у которого «В день свадьбы» на стол был подан «Кабанчик», но «Ее друзья» и «Затейник» быстро с ним расправились, после чего отбыли в «Путешествие в разные стороны». 12. Французский писатель, автор знаменитой эпопеи, чье название в переводах Б.Грифцова, В.Парна-

ха, А.Федорова, А.Франковского звучит как «В поисках за утраченным временем», что А.Эфрос, а позже Ю.Нагибин считали безупречно точным. 13. Мифический охотник, увидевший в источнике обнаженную Артемиду, за что богиня превратила его в оленя, которого растерзали собственные собаки. 17. Огородник, от которого слеза может прошибить. 18. Самый материальный мужчина. 20. Мирное индейское занятие. 22. Успокоительница и усыпительница малыша. 27. «Добротель находить для себя удовольствие там, где его нет» (П.Декурсель). 30. Многоног, которого часто боятся даже отчаянные люди. 31. Самая громкая награда артистам. 33. Корреспондент, отличающийся маниакальной скромностью. 34. Клен-блондин. 36. Всякое живое создание Божье. 37. «Памятник потреблению» (Р.Шекли). 38. Главная виновница мученической кончины Иоанна Крестителя; вышла замуж за родного дядю, а с другим прелюбодействовала. 39. Приблизительный прибор. 41. Базарное, ярмарочное место на Руси. 44. Город южнее Флоренции, по которому назвали желтоватую земляную краску, поскольку ее добывали в его окрестностях. 46. Приток Клязьмы, на берегу которого стоит жемчужина русской архитектуры — церковь Покрова.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В №9

По горизонтали. 1. Плагииат. 7. Взлом. 12. Штрих. 16. Конура. 17. Нисан. 18. Уил. 19. Джунгли. 21. Матьё. 22. Семья. 23. Вапор. 24. Театр. 26. Вкус. 28. Одурилось. 30. Аким. 33. Данте. 34. Красавица. 37. Окрик. 39. Воин. 41. Эстонец. 42. Полк. 43. Ступня. 46. Золя. 48. Травматолог. 51. Врач. 54. Нонет. 55. Уипл. 56. Аршинник. 58. Возня. 59. Хлор. 60. Никитин. 62. Денщик. 63. Кихот. 64. Эдда. 65. Конклав. 66. Шпор. 67. Ханжа.

По вертикали. 1. Подвох. 2. Акупунктура. 3. Гонор. 4. Ингредиент. 5. Аул. 6. Тритон. 8. Знать. 9. Литр. 10. Ось. 11. Маевка. 13. Туес. 14. Рим. 15. Илья. 20. Жад. 21. Мате. 22. Сума. 25. Естественник. 27. Киса. 29. Лак. 30. Артемон. 31. Биология. 32. Ганн. 35. Ввоз. 36. Цикл. 38. Ботаник. 40. Юсов. 44. Ярошенко. 45. Фотон. 47. Ясли. 49. Токийка. 50. Левитан. 52. Рулада. 53. Чардаш. 55. Унди-на. 57. Никон. 61. Морж.

По горизонтали. 4. Общежитие в Спарте, где жили дети с 9-летнего возраста. 7. Английский писатель, кумир ренессанса. Одну из влюбленных в него спросили, что она в нем нашла. Та блаженно закрыла глаза и ответила: «Он же пахнет медом». 10. Змея, мечтавшая о крыльях и оставившая в легендах свои мечты (по Ф.Кривину). 12. «Душа тирании» (Л.Сен-Жюст). 13. «Человек с собственным мнением, следующий собственным мыслям и личному чувству (Ж.Боссюэ). 15. Золотоносный мифический царь, чье купание в Пактоле изобразил Н.Пуссен. 16. Русский художник, ощущавший «себя на перекрестке двух живописных эпох — уходящего передвижничества и вновь возникающих течений». 17. Самая большая и утомительная написана о Форсайтах. 19. «Умо-настроение, сопровождающее веру» (Э.Фромм). 21. Римский поэт Энний говорил о ней: «Она изгоняет мудрость, и все решает грубая сила». 22. Отец Ио, пытавшийся защитить дочь от Зевса, но только навлекший на себя гнев бога. 24. Французский искусствовед, в 1911 году организовавший в Петербурге Французский институт. 26. Психический ток, якобы излучаемый человеком, как верили спириты. 27. Минерал, называемый во Франции «пироксеном Оверни». 31. Тюркское название головы (во многих значениях), входящее в

древнерусское слово со значением «воначальник». 33. Белый столб в портике Храма царя Соломона, символ мудрости. 34. Папа, чьим именем названа капелла, которую в XV веке расписывали Боттичелли, Гирландайо, Перуджино, а в XVI веке — Микеланджело. 35. «Майская красавица» Португалии, в честь которой устраивают фестивали. 37. Ловушка на осетра, какую устраивали, а может, устраивают и сейчас на реке Урал. 38. Излюбленное дерево Средней Азии, что заметил Н.Рерих. 39. В.Шилейко или Н.Пунин по отношению к Льву Гумилеву. 42. Поэма английского санскритолога и поэта У.Джонса, впервые напечатанная у нас в журнале «Шахматы в СССР» в 1977 году. 43. Земледельческая отрасль, всегда бывшая на Руси, согласно летописям, «бабьим делом». 44. Жилище Виннету. 45. Слово, 7 раз с отчаянием повторенное в стихотворении М.Цветаевой «Вчера еще в глаза глядел...». 46. Известный итальянский пианист и дирижер, не раз игравший с виолончелистами Э.Майнарди, А.Янигро и нашим Д.Шафраном.

По вертикали. 1. Князь, сотрудничавший с А.Пушкиным; говорил о космонавтике как о средстве борьбы с перенаселением Земли. 2. Ученый, изучающий древние способы письма, особенно греческого и латинского. 3. Грече-

ский историк V века, связывавший падение Римской империи с отходом римлян от язычества. 5. Один из военных, упомянутых в стихотворении В.Жуковского «Ночной смотр». 6. Когда-то — персидская серебряная монета, а теперь — валюта Грузии. 8. Происхождение слова. 9. «Пеликаний штат» США. 11. По русской пословице, одна рюмка за здоровье, другая на веселье, третья на ... 14. Дерево, на досках из которого были записаны законы Солона. 18. Кит в «Коньке-горбунке» П.Ершова не только чудо, но и ... 20. Живописец, написавший по заказу Наполеона картину «Осиан, вызывающий призраков», говоря о гоголевском герое, пишет: «... есть и теперь и будут, может быть, всегда не в одном русском, но и во всем человеческом обществе, только в новой форме». 25. Дух постройки для сушки снопов, про которого на Вологодчине говорили, что он «ровно человек, но с рогами и шерстнатый». 28. Занятие, каким Пенелопа водила за нос женихов. 29. Мальта — Тальма, лепесток — телескоп (каждое слово в паре). 30. Итальянский композитор, профессию музыканта соединивший с духовным саном аббата-мионита, пока не был отрешен от сана. 31. «Летучий галоп» на крито-микенских росписях. 32. Чемпион Олимпийских игр 1988 года С.Бубка как спортсмен. 36. Римский писатель и политический деятель, 80-летним женившийся на 15-летней девочке; считал ростовщика хуже вора, а сам был им. 40. «Бабушка современной науки» (В.Леви). 41. Опыт, очерк, этюд во французской «одежде».

ОТВЕТЫ НА «ЭРУДИТ», НАПЕЧАТАННЫЙ В №9

По горизонтали. 1. Эпоха. 7. Ягода. 10. Минарет. 11. Форма. 12. Олень. 13. Шефтсбери. 14. Ордер. 17. Форте. 18. Умбр. 19. Архит. 20. Рибат. 22. Крыло. 23. Илаяли. 26. Браслет. 29. Чемпион. 33. Болеро. 34. Свами. 37. Зивие. 38. Вожак. 39. Стог. 40. Клеон. 42. Индус. 45. Лотреамон. 46. Авлин. 47. «Ездец». 48. Жалость. 49. Время. 50. Бруин.

По вертикали. 2. Пфорр. 3. Хамсе. 4. Циферблат. 5. Лапти. 6. Терборх. 8. Гелиотроп. 9. Донателло. 12. Орфик. 14. Отруб. 15. Дыбка. 16. Рутли. 21. Блиок. 24. Лещ. 25. Тер. 27. Револьвер. 28. Символизм. 29. Честность. 30. ... мозги... 31. Извод. 32. Ньепо. 35. Ионн. 36. ... Габриак. 41. Замок. 43. Назар. 44. Уледи.

«Американский писатель Эрнест Хемингуэй известен нашему читателю по переводам его книг «Смерть после полудня», «Фиеста» и «Прощай, оружие». Мы же печатаем три отрывка, посвященных описанию охоты, из его последней книги — «Зеленые холмы Африки». Таким врезом сопровождалась публикация Хемингуэя в «Смене» № 2, 1937 г.

В этом же номере опубликованы:

- Некролог ЦК ВЛКСМ на смерть Серго Орджоникидзе («Его жизнь — пример для молодежи»).
- Стихи А. Дельвига, В. Пушкина, В. Жуковского, П. Вяземского, Н. Языкова, посвященные Александру Сергеевичу Пушкину; статья профессора Б. Эйхенбаума «Пушкин и Лермонтов» и «Пушкинские страницы» Ю.Неймана с иллюстрациями И. Репина и М. Врубеля.
- Материал профессора Е. Брауде «Грузинская народная музыка и известные танцоры Грузии».